

Аркадий Столыпин

Дневники
1919-1920 годов

Иван Романовский

Письма
1917-1920 годов

АРХИВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
БРЮССЕЛЬ

АРХИВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
БРЮССЕЛЬ

Аркадий Столыпин

Дневники 1919–1920 годов

Иван Романовский

Письма 1917–1920 годов

Москва — Брюссель

2011

УДК 930.85
ББК 84 (4 Бел)
С 81, Р 69

Столыпин А.А. Дневники 1919–1920 годов.
Романовский И.П. Письма 1917–1920 годов. — Москва — Брюссель: Conference Sainte Trinity du Patriarcate de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2011. — 296 с., илл.

По благословению Архиепископа Брюссельского и Бельгийского Симона Архив Русской Эмиграции продолжает публикацию своих материалов. Архив был основан в Брюсселе в 2002 году на базе некоммерческой Ассоциации Святой Троицы Московского Патриархата. Задачей Архива является выявление, сохранение и популяризация литературных и исторических трудов и документов, связанных с российской историей и духовной традицией. Архив обладает всеми правами на публикуемые им материалы.

Аркадий Александрович Столыпин (1894–1990), племянник премьер-министра Российской империи П.А. Столыпина, ротмистр, участник 1-й мировой войны и Белого движения, в эмиграции жил в Югославии и Швейцарии, работал в посольстве США. На основе своих уцелевших дневников и воспоминаний написал «Записки драгунского офицера», опубликованные в России в 1992 году. Автор считал часть своих дневников безвозвратно утерянной, однако две тетради сохранил служивший в 1919–1924 годах в Польше И.Н. Янцен, внук которого доктор А.Б. Янцен передал их АРЭ.

Генерал Иван Павлович Романовский (1877–1920), участник Русско-японской и 1-й мировой войн, 1 сентября 1917 года был арестован как сподвижник главнокомандующего Л.Г. Корнилова, бежал из тюрьмы, стал одним из организаторов Белого движения и Добровольческой армии, начальником штаба этой армии, а затем Вооружённых сил Юга России. Он являлся соратником и близким другом генерала А.И. Деникина, с которым в начале апреля 1920 г. выехал из Феодосии для переговоров в Константинополь, где был убит. Письма И.П. Романовского к жене переданы АРЭ его внучками Н.Г. Рейнгардт, Е.Е. Оболенской и М.Е. Онацкой.

Дневники и письма, представляющие собой ценные исторические свидетельства, публикуются без сокращений и литературной правки.

ISBN 978-5-904685-06-5

Аркадий Столыпин

Дневники 1919 — 1920 годов

Аркадий Александрович Столыпин

Биографический очерк

Аркадий Александрович Столыпин родился в Москве 26 сентября 1894 года. Он принадлежал к знатному состоятельному роду служилых дворян Столыпиных, представители которого известны с XV–XVI века.

На щите фамильного герба Столыпиных изображён серебряный одноглавый орёл — символ власти и господства, великодушия и прозорливости. Задушенная змея в лапе орла символизирует наказанное зло, а подкова — счастье. Девиз на гербе гласит «Deo spes mea», что значит «Бог — моя надежда». Этого девиза придерживались в своей деятельности многие Столыпины, прославившиеся служением на военном и гражданском поприщах, достижениями в области литературы и искусства. Потомком рода по женской линии был великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, троюродный дед А.А. Столыпина: родной сестрой его прадеда Дмитрия Алексеевича Столыпина являлась бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева. Сам Дмитрий Алексеевич был офицером-артиллеристом, участвовал во всех значимых военных компаниях своего времени, сражался с французами под Аустерлицем в 1805 году, вошёл в Париж вместе с русскими войсками в 1814 году, дослужился до генерал-адъютанта императора, имел множество боевых наград.

Герб рода Столыпиных

Семейные традиции продолжил его сын Аркадий Дмитриевич Столыпин, дослужившийся до того же звания. Он был героем обороны Севастополя в 1854–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Его жена Наталья Михайловна, урождённая княжна Горчакова (племянница знаменитого канцлера А.Д. Горчакова, лицейского одно-

Генерал-адъютант А.Д. Столыпин

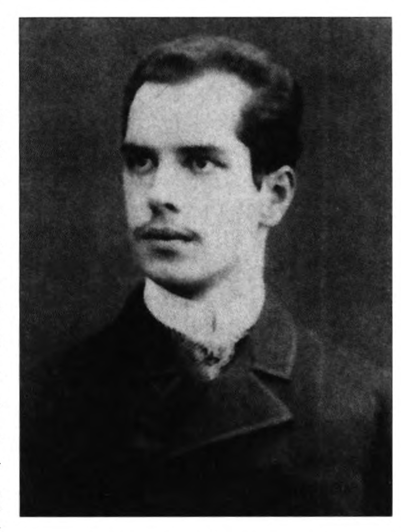
кашника А.С. Пушкина) тоже участвовала в войне с турками: служила сестрой милосердия в полевом госпитале. Дед А.А. Столыпина был человеком творческим, серьёзно увлекался скульптурой, неплохо играл на скрипке, печатал статьи о своих военных впечатлениях в петербургских журналах, интересовался богословием. Литературой и историей увлекалась и Наталья Михайловна. Столыпины были знакомы с Львом Николаевичем Толстым (А.Д. Столыпин воевал с ним вместе в Крыму), Николаем Васильевичем Гоголем, другими известными литераторами и музыкантами того времени. Лучшие черты характера и творческие наклонности они передали своим детям, самым известным из которых является, безусловно, Пётр Аркадьевич Столыпин, премьер–министр правительства Российской империи в 1906–1911 годах.

Братья Александр и Пётр Столыпины в детстве

Отец А.А. Столыпина Александр Аркадьевич был на год младше П.А. Столыпина и рос под его опекой на литовской даче в Колноберже (близ современного Каунаса) и в подмосковном имении Середниково, где много раз в конце 1820–х – начале 1830–х годов живал М.Ю. Лермонтов. В детстве и юности братья Столыпины были похожи внешне и душевно близки; добрые родственные отношения, хотя и не очень тесные, они сохра-

нили в зрелом возрасте, несмотря на некоторые разногласия во взглядах. Александр Аркадьевич, как и его старший брат, учился в Санкт-Петербургском университете, но не на физико-математическом, а на филологическом факультете, дружил с сыном Л.Н. Толстого Сергеем, с которым потом около года служил в Министерстве внутренних дел. Молодые люди, пытаясь скоротать скучную службу, в шутку именовали себя «полуграфом Толстыпиным», составив одну фамилию из двух своих.

Александр Аркадьевич Столыпин

Настоящее призвание Александр Аркадьевич обрёл на журналистском поприще. В 1882 году в «Вестнике Европы» он напечатал несколько своих стихов, а в 1889 году в «Русском вестнике» — поэму «Сандэлло» и лирику. Начал он с сотрудничества в газете «Кавказ», а стал известен в 1902 году, когда редактировал «Петербургские ведомости». С 1904 года до революции 1917 года он работал в газете «Новое время», плодотворно писал и часто печатался. Его политические взгляды были несколько более либеральными, чем у старшего брата, деятельность которого он всячески поддерживал, будучи активным членом монархической партии октябристов («Союз 17 октября»), название которой связано с царским Манифестом от 17 октября 1905 года. Правда, статьи эмоционального брата-журналиста не всегда помогали, а иногда даже мешали П.А. Столыпину.

Пытался поддерживать Александр Аркадьевич и сельскохозяйственные Столыпинские реформы. Сам он был довольно успешным помещиком, имел владения в Саратовской губернии, под Батуми, в Литве. Долгое время он возглавлял добровольное общество «Русское зерно», главной целью которого было изучение и распространение передового зарубежного аграрного опыта. В 1908–1915 го-

дах общество посылало на практику в Европу сотни молодых крестьян, которые потом развивали первые в России фермерские хозяйства.

Несмотря на некоторые размолвки, в самые трудные моменты жизни братья Столыпины были вместе. До назначения премьер–министром П.А. Столыпин во время приездов в Петербург останавливался у своего брата. В августе 1906 года, когда была взорвана премьерская дача на Аптекарском острове в Петербурге, Александр Аркадьевич заботился о племянниках как о родных детях. Летом 1911 года, незадолго до своей трагической гибели, П.А. Столыпин с радостью побывал у младшего брата на его литовской даче «Бече», расположенной близ Колноберже. В начале сентября 1911 года Александр Аркадьевич практически неотлучно находился у постели смертельно раненого брата, проводил его в последний путь, опубликовал в «Новом времени» резкую антисемитскую статью (П.А. Столыпин был убит анархо–коммунистом евреем М.Г. Богровым). Ежегодно с женой П.А. Столыпина Ольгой Борисовной и детьми он приезжал в Киев почтить память брата.

Кипучая журналистская деятельность Александра Аркадьевича продолжилась вплоть до 1917 года. Одной из интересных его статей стали воспоминания о детстве в имении Середниково, опубликованные в начале 1914 года в журнале «Столица и усадьба». Статья начинается с поэтического описания имения и вся проникнута лермонтовскими мотивами: *«Этот сад за дремлющим прудом, этот старинный барский дом, увенчанный бельведером, соединённый подковообразной колоннадой с четырьмя каменными флигелями, это строгое и простое в своей классической красоте произведение Растрелли дорого созвучиями своего имени любителям нашей родной поэзии: несколько лучших своих стихотворений Лермонтов пометил словом «Средниково»...»* Чувствуется, что автор сожалеет о продаже Середникова, которое тогда уже не принадлежало Столыпиным.

Деятельность отца и дяди даёт преставление о той атмосфере, в которой вырос Аркадий Александрович Столыпин. Он был единственным сыном Александра Аркадьевича и его жены Ольги Николаевны, урождённой Мессинг, и старшим отпрыском мужского пола в своём роду,

Усадьба Середниково. Современное фото

отчего получил родовое имя Аркадий и из рук П.А. Столыпина — родовую икону. Его двоюродный брат, родившийся девятью годами позже, также был назван в честь дедушки Аркадия Дмитриевича.

Детство и раннее отрочество Аркадия Александровича, которые прошли в Петербурге, Москве и на дачах семьи, были счастливыми. Об этих годах он писал в своём дневнике: «*Вспоминаются огромные пасхальные столы, на них рядом с барашком из сливочного масла лениво возлежал заливной поросёнок, красовалась фаршированная индюшка, окорока всех сортов — и варёный, и копчёный, и цельный, и маленький без костей. А язык? А колбасы всех сортов? Уж не стану говорить про куличи, бабы, пасхи сметанные, творожные, ванилевые, сливочные, с изюмом, цукатами и классическим маленьким розаном, похожим скорее на камелию, нежели на розан, воткнутым в самую вершину.*

Сколько во всём этом было поэзии и своеобразной красоты! Как горели пёстрые яички, когда скользили по ним солнечные лучи... Красные, синие, зелёные, жёлтые, они красивыми сочными пятнами оживляли и без того пёстрый стол, уставленный цветами. И погода как-то всегда устанавливалась ясная, солнечная, свежая от ещё не совсем стаявшего снега.

А может быть, всё это и не было так хорошо, как кажется теперь, и кажется всё это так мило только потому, что это было в прошлом, в детстве, когда всё скрашивается жаждой жизни и беспечной весёлостью. Длинный пост, мрачные в своём грустном величии службы, невольный трепет перед исповедью, умилённая торжественность причастия, любовь и ласка от всех, подарки и, наконец, впереди после экзаменов каникулы, деревня, поля, леса, купание в светлой, быстрой реке, прогулки верхом в свежем лесу, ещё сыром от ночной росы...»

Отец брал Аркадия в свои заграничные путешествия, производившие на него неизгладимые впечатления, которые впоследствии скрашивали трудности его полевой жизни: «*Это было в роскошном купе вагона международного общества, который быстро и бесшумно уносил меня среди сырости и тумана северных болот куда-то за границу. Тогда я тоже смотрел, не отрываясь, через покрытое инеем окно, и искры сливались в какую-то причудливую смесь огненных нитей. Ах, эти путешествия за границу! После серых, пасмурных полей, болот, иссечённых мелким дождём, и лесов, окутанных туманом, попасть в жаркую, залитую неумолимым летним солнцем Италию! Приятно вспоминать прошлое; понемногу мысли путаются, искры всё летят и летят то редкой сетью, то сплошным роем, как маленькие золотые пчёлки*».

Аркадий Александрович Столыпин. Начало 1910-х гг.

Омрачить отроческие годы Аркадия могли только события русской революции 1905–1907 годов и непосредственно коснувшийся семьи взрыв дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове, когда пострадали его двоюродный брат Адя и особенно серьёзно кузина Наташа: у неё были раздроблены ноги.

Аркадий с блеском учился в 6-й Петербургской гимназии и окончил её с отличием, поступил в Петербургский университет, но когда в 1914 году началась 1-я мировая война, в порыве патриотических чувств, не доучившись, он пошёл в Пажеский корпус на ускоренный курс. Уже 1 июня 1915 года его произвели в подпрапорщики и приняли в 17-й драгунский Нижегородский полк, славный своими боевыми традициями, в котором некогда служил М.Ю. Лермонтов.

Воевал Аркадий Александрович по-столыпински доблестно. Вот как дальше кратко и точно он сам описывает свою судьбу: *«Прибыл в полк на Турецкий фронт осенью 1915 г. Вскоре полк переведён на Австрийский фронт, но снова переброшен на восток (в Экспедиционный корпус генерала Баратова). 1 января 1916 года двинут на Багдад. В начале 1917 года полк на отдыхе на Кавказе. После революции двинут на Западный фронт. Я покинул полк и вернулся в конце 1917 года в Батум. В Добровольческую армию прибыл весной 1919 г. в г. Керчь. Ранен. Из Керчи Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии двинут в направлении на Киев. Вторично ранен. Полк интернирован (армия генерала Бредова) поляками в Силезии. Бежал из лагеря в Сербию. Оттуда прибыл в Крым и зачислен в армию генерала Врангеля. В бою против кавалерии Будённого тяжело ранен около Перекопа и эвакуирован в Севастополь и дальше в Константинополь. Кончил службу в чине ротмистра»*.

Аркадий Александрович Столыпин
Начало 1910-х гг.

За этими скупыми строками — тяжелейший период жизни Аркадия Александровича, полный военных лишений, страданий, ранений и болезней (возвратного тифа, в частности) и отчаянной борьбы за свои убеждения. После развала полка в декабре 1917 года он уехал на дачу к родителям в Махинджаури под Батуми, попал вместе с ними в турецкую, а затем в английскую оккупацию. Англичане

хорошо относились к русским офицерам, поэтому у Аркадия Александровича появилась возможность ухать из Батуми и примкнуть к Белому движению, чем он и воспользовался. Будучи храбрым офицером, он несколько раз после ранений и побега из лагеря для интернированных возвращался в эскадрон своего Нижегородского драгунского полка, воссозданного в Добровольческой армии.

Всё это время А.А. Столыпин вёл дневники, делая записи в тетрадях хорошим разборчивым почерком, очень грамотно. В них он рассказывал о происходивших событиях и своих впечатлениях то по-военному кратко и точно, то красиво и даже поэтично, умело рисуя словами картины боёв и пейзажи окружающей местности. В дневниках много литературных и музыкальных ассоциаций, что совершенно неудивительно, ведь автор вырос в высококультурной семье и блестяще учился. Вот, например, фрагмент описания победоносного для Добровольческой армии боя у деревни Карабачин 18 ноября 1919 года:

«Промелькнуло несколько всадников, скачущих карьером по мокрой улице. Вылетев на окраину деревни, я приостановил коня, подождал несколько секунд, пока выехал эскадрон, тоже выхватил шашку и вместе с нашей лавой кинулся к пехоте на выстрелы.

Вместе со свистом ветра в ушах прожужжало несколько пуль. Какие-то фигурки промелькнули у крайних домов. Выскочила стриженая рыжая лошадка под офицерским седлом без всадника. Я оглянулся и невольно улыбнулся: от края и до края весь угол деревни охвачен огромной лавой — это наш эскадрон. Тёмная масса коней ещё толпится и выскакивает из улицы непрерывной струёй. Картина внушительная.

Постепенно тёмные пятна всадников отчётливо, как будто вырезанные из тёмного картона, выделяясь на снегу, приходят в движение. Раздаётся сначала робкое, потом более громкое «ура!». Сверкает одна, потом другая шашка. Затем вдруг все выхватывают оружие. Выходит красиво — совсем картинка для иллюстрированного журнала. Всё несётся как вихрь; куда — в сущности, неизвестно, так же как и не выяснено количество красных...»

Значительная часть дневников А.А. Столыпина чудом уцелела и легла в основу его «Записок драгунского офице-

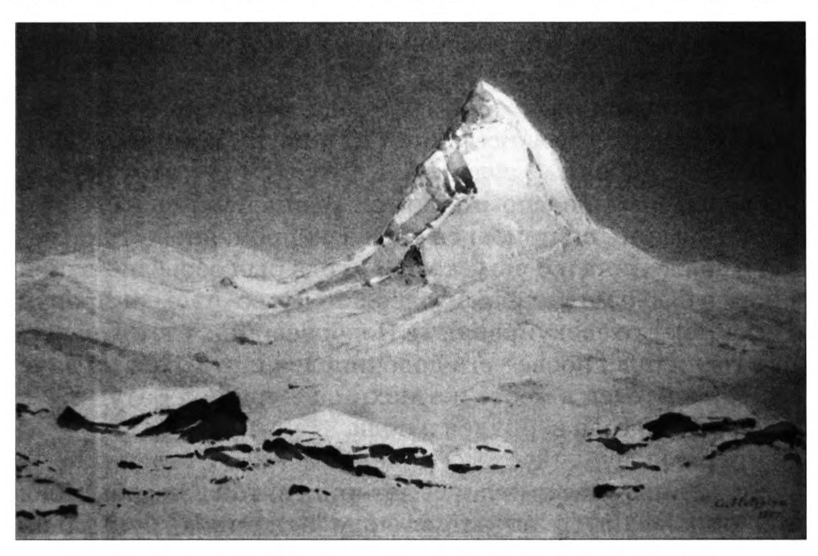
ра», впервые опубликованных в России в 1992 году в 3-й книге сборника «Русское прошлое» (СПб.: СП «Свелен», 1992, с. 6–104). Утерянную часть автор восполнил воспоминаниями, среди которых эпизоды его бегства из польского лагеря Стржалково (Щалково) для интернированных военных: *«Я решил бежать, долго готовился, достал штатское платье и всё остальное, нужное для побега, ждал случая. Таковой представился, когда поляки решили выпустить из лагеря ещё находившийся там немецкий элемент, главным образом, немцев-колонистов. Один из них (некий Кристиан Кристман) в то время заболел. Мне состряпали документы на его имя, и я попал таким образом в «немецкий» транспорт. Колонисты прекрасно знали, кто я такой, но дружески скрывали при перекличках под видом больного. С этими документами доехал я до Варшавы и явился к нашему военному агенту. Мне выдали документы на моё имя, дали секретное донесение генералу Врангелю. Пробыв дней десять под Варшавой, сел я с корнетом Балашовым (Переяславского драгунского полка) в поезд, шедший в Вену...»*

Далее А.А. Столыпин описывает дорожные злоключения: ошибочный арест на станции Скерневице польскими жандармами, ночь в заключении, напрасно съеденное в камере донесение, пропажу вещей, бедствия в Вене, дорогу в Белград с тремя краюхами хлеба на двоих, возвращение в Крым через Варну. В августе он уже воевал в Русской армии генерала Врангеля. В своём последнем бою с конницей Будённого 26 сентября 1920 года близ села Рождественское под Перекопом он командовал эскадроном и был тяжело ранен в грудь: пуля прошла около сердца, едва не задев его.

Столыпину суждена была ещё очень долгая жизнь. Из Константинополя он перебрался в Белград, где жили в эмиграции его родители. Там в 1925 (по другим сведениям, в 1930) году скончался его отец. Личная жизнь самого Аркадия Александровича так и не сложилась, во всяком случае, в официальном браке он не состоял и потомства не оставил, жил с матерью Ольгой Николаевной, служил в посольстве США в Белграде. Вскоре после фашистской оккупации его арестовали, и он полгода просидел в лагере гестапо. В конце 1944 года А.А. Столыпин перебрался в Ав-

стрию, а в 1945 голу в Швейцарию, в Берн, где снова устроился на работу в посольство США. Здесь в 1953 году скончалась его мать. В 1957 году он вышел в отставку и много лет прожил в курортном городе Монтрё. Своих талантов он не «закопал в землю»: был хорошим акварелистом, фотографом, знатоком геологии, увлекался альпинизмом. Даже в очень преклонных летах он выглядел бодрым и подтянутым. Скончался А.А. Столыпин в возрасте почти 96 лет 8 сентября 1990 года и похоронен на кладбище Глион близ Монтрё.

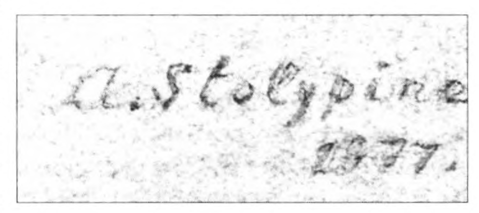
Его «Записки драгунского офицера», особенно дневники, представляют собой важные исторические свидетельства переломной эпохи русской революции 1917 года и Гражданской войны как бы «изнутри». Хотя сам автор с сожалением считал часть своих дневников безвозвратно утраченной, две тетради сохранил Иван Николаевич Янцен, служивший с июля 1919 по июль 1924 года в Учреждениях Помощи Русским Беженцам (бывшей Миссии Российского Красного Креста в Польше) где, по–видимому, рукописи к нему и попали. Можно предположить, что они находились в том самом багаже, который польские жандармы не дали А.А. Столыпину вынести из вагона при аре-

Столыпин А.А. Горный пейзаж. Бум., акв., белила. 1977
Библиотека им. М.Ю. Лермонтова, г. Москва

сте на станции Скерневице. Воспользовавшись вещами, имевшими хоть какую-то материальную ценность, жандармы могли отдать ненужные им рукописи на русском языке в бывшую российскую миссию. Для публикации эти две тетради переданы Архиву Русской Эмиграции в Брюсселе внуком И.Н. Янцена доктором Алексеем Борисовичем Янценом.

В первой тетради «Добровольческая армия» А.А. Столыпин описывает военные действия в Крыму (преимущественно в районе Керчи) в апреле–мае 1919 года, начиная с прибытия в эскадрон и кончая ранением и лечением в Таманском Алексеевском госпитале. Вторая рукопись «Гражданская война 1919–1920 гг.» рассказывает о событиях ноября 1919 — начала апреля 1920 года: о многочисленных боях на Украине, о неудавшейся попытке отступления через Одессу в Румынию и, наконец, о переходе через Молдавию и Галицию в Польшу (походе генерала Н.Э. Бредова), об интернировании армии и начале её пребывания в польских лагерях.

Автограф А.А. Столыпина

События июня–октября 1919 года, вероятно, были описаны в других тетрадях (одной или двух), которые к И.Н. Янцену не попали. О судьбе А.А. Столыпина в этот период мы знаем по его воспоминаниям. Выписавшись из госпиталя в Тамани, он прибыл в свой эскадрон, вновь участвовал в сражениях и 8 августа 1919 года был серьёзно ранен в ногу в бою с махновцами у деревни Ново-Александровки (Гапсино). Его эвакуировали в Новороссийск, где он лечился в госпитале, после чего долечивался и отдыхал на даче своих родителей в местечке Махинджаури под Батуми, а в ноябре 1919 года вернулся в полк.

Впервые публикуемые дневники А.А. Столыпина — очень ценный материал для историков, так как события в них описываются по живым впечатлениям, буквально день за днём, порой час за часом, бой за боем. Это позволяет уточнить даты и подробности отдельных событий, а

также имена и судьбы некоторых их участников*. Поэтому дневники печатаются без сокращений и литературной правки. Для удобства восприятия текст записей скомпонован в естественно выделяемые абзацы, как это делал сам автор при публикации других своих дневников, орфография и пунктуация приведены к современным нормам правописания.

Протоиерей Павел Недосекин,
настоятель храма Живоначальной Троицы —
Патриаршего подворья в Брюсселе
и храма Живоначальной Троицы в Шарлеруа

Елена Николаевна Егорова,
литературовед, член Союза писателей и
Союза журналистов России

---

* В основу настоящего очерка помимо «Записок драгунского офицера» и публикуемых ниже дневников А.А. Столыпина легли биографические справки о нём и его предках, приведённые в книге: Фёдоров Б.Г. Пётр Аркадьевич Столыпин. - М.: Гареева, 2003. С. 13-43.

Добровольческая армия

Первая тетрадь

г. Новороссийск
20 марта 1919 г.

Вот я и в Добровольческой армии генерала Деникина или в «Добрармии», как её сокращённо называют. Англичане её называют попросту «Denikin's Army» и относятся к ней с большим недоверием.

По улицам то и дело снуют взад и вперёд военные с трёхцветным шевроном на левом рукаве. Вид у всех оживлённый и какой-то радостный. Ведь это заря новой жизни, возрождение старой армии, и хотя впереди будет ещё много страшного и кровавого, но самое страшное уже пережито. Много героев погребено в степях Кубани и много крови пролито на Северном Кавказе, но тягости Корниловского похода[1] уже не повторятся и, Бог даст, враг будет, в конце концов, сломлен.

В городе войск много. Одеты солдаты неважно: кто в штатском, кто в старых наших шинелях, уже разодранных и видавших виды. Говорят однако, что союзники, главным образом, англичане должны снабдить нашу армию всем необходимым, должны давать нам медикаменты, одежду и оружие.

Оружие, впрочем, нам уже дают, и в порту я видел даже танки. Они ещё не выгружены и стоят на каких-то неуклюжих платформах на палубе транспорта. Когда думаешь про танк, то невольно ожидаешь увидеть что-то огромное, что-то вроде ходячей крепости, грозной и внушительной. На самом деле они очень невелики и особенного впечатления не производят. Так, что-то <вроде> разновидности бронированного автомобиля.

В порту заметно оживление. Приходят иностранные транспорты, выкрашенные полосами чёрного и серого цвета для защиты от артиллерии и мин. По набережной снуют толпы народа. Вообще, город красивый и нарядный, но так как зелени мало, то главным украшением является всё-таки море.

Остановился я в гостинице «Метрополь», в номере нашего нижегородца[2] Филиппа Лухавы. Он здесь «маяком» от

нашего полка, который был недавно передан из-под Ставрополя в Керчь. Хорошо, по крайней мере, что есть где спать.

Путешествие из Батума[3] до Новороссийска прошло не только благополучно, но даже, как говорится, с «кайфом». Ехал на английском sloop'е. Sloop[4] — это судно для перевозки корреспонденции и для борьбы с подводными лодками. Снаружи он похож на обыкновенный торговый пароходик и потому вводит подводные лодки в заблуждение. Они нападают на него, но в последнюю минуту открываются люки, из них выглядывают орудия основательного калибра и обстреливают лодку. Мой sloop назывался очень поэтично, а именно «Spyrea»[5].

Вообще, англичане народ чувствительный и сентиментальный: возьмут какой-нибудь угловатый крейсер, весь в башнях, с торчащими во все стороны, как иглы у дикобраза, орудиями самых усовершенствованных систем и самых страшных калибров, и назовут именем какого-нибудь нежного цветочка. И плавают потом все эти «Spyrea», «Helleborus»[6], «Anemona»[7], «Tuberosa»[8] и т.д. по всем морям, наводя страх и трепет на все страны.

Офицеры на «Spyrea», видно, не особенно блестящи. Да оно и понятно: кто станет плавать на простом шлюпе? Но отношение ко мне и Голицыну отличное. Утром чудный breakfast[9] из кофея со сгущёнными сливками, бисквитов, белого хлеба, разных мармеладов, варений и печений. Устраиваются странные комбинации, <такие> как овсяная каша с вареньем из ежевики.

Не успеешь переварить как следует утренний завтрак, как подают уже обед. Обед с хорошим супом, чудесной солониной с разными гарнирами и массой вкусных консервов.

После обеда мы сели в мягкие кресла у пылающего камина, закурили английские папиросы и нам подали всевозможные пития.

Приятно в дождливый день посидеть у огонька, когда рядом стоит маленький столик, весь уставленный батареями соблазнительных бутылочек. Я сначала даже удивился. Какое множество всевозможнейших наливок, водки, ликёров и других крепких напитков существует в туманном Альбионе! Прямо уму непостижимо! Здесь перед тобой

соблазнительно сверкают все краски радуги и спектра. Есть все оттенки жёлтого, красного и зелёного, переходящие даже в тёмные, почти чёрные тона.

Да, скажу откровенно, я бы не прочь ещё раз десять повторить это путешествие на гостеприимном «Spyrea».

<u>г. Новороссийск</u>
27 марта 1919 г.

Сидим в ресторане и болтаем с Лухавой, его братом и Голицыным. Филипп мало изменился: всё то же сухое красивое лицо, волнистые чёрные волосы и слегка хриплый низкий голос. Он настроен мрачно. Оно и понятно. Столько лишений и испытаний невольно старят человека и налагают на него отпечаток грусти и разочарованности. Да и будущее рисуется ему в мрачных красках.

Наша армия — босая, голая, почти безоружная. В то время как у красных тыл превосходно оборудован. Союзники много обещают, но дают мало. Дали, правда, партию обмундирования, но партия эта состоит из вещей старых, грязных, оборванных и покрытых даже запёкшейся кровью. По-видимому, это вещи с раненых и убитых.

Разговор этот неприятно на меня действует, и я выхожу на улицу. В городе встречаю князя П.М. Волконского с княжной. Вспоминаем прошлое и незаметно забываем, что недалеко гремят пушки, что нам предстоит завоевать всю Россию с горсточкой полуголодных и не совсем надёжных солдат.

<u>г. Новороссийск</u>
28 марта 1919 г.

Пора ехать в Керчь, где находится полк. У высокой пристани на «Стандарте» стоит маленькое судёнышко с тоненькими мачтами и миниатюрной трубой. Рядом с огромным, чернеющим, как туша какого-то исполинского чудовища в вечернем воздухе, корпусом американского транспорта он кажется каким-то хрупким насекомым. На корме золотом блестит надпись «Джигит». На этом-то «Джигите» мне суждено плыть в Керчь. Со мной едет ротмистр Либис Северского полка[10].

Мы сидим уже на палубе «Джигита». В вечернем воздухе, прохладном и чистом, дрожат всевозможные звуки. Из города доносится грохот колёс, гудки пароходов, гудение какого-то мотора. В море, где-то за молом, низким и глубоким басом вызывает кого-то сирена крупного транспорта. А ближе к нам — на молах и пристанях — ещё больше звуков: лязгают якорные цепи, катятся по сходням бочки, скрипят паровые лебёдки, поднимая тюки с товаром.

Солнце уже низко, и море кажется почти чёрным. На его тёмном фоне ослепительной каймой сверкают набережная и ряды светлых и красивых зданий. Город раскинулся по холмам. И последние дома сливаются с грязно-серыми, поросшими кустарником горами. Горы эти скалисты и бесплодны. Их обдувает резкий норд-ост, и мхи на них не растут. Ещё выше — темнеющее небо, на котором зажглись как-то быстро и незаметно первые звёздочки. Небо всё темнеет и темнеет, а воздух делается каким-то странно-прозрачным.

Звуки постепенно замирают, и лишь с берега доносятся отрывки какой-то музыки. Мотива разобрать нельзя. Несколько резких, раздирающих в клочья вечерний тихий воздух гудков — и мы плывём к выходу <из> порта.

Какая ночь! Палуба, озарённая полной луной, тихо и мирно дрожит от машины, словно дышит. В городе зажглись огни, где-то далеко горит на Кавказском берегу маяк. Мы в открытом море. Тихо плещет вода, и мы, как зачарованные, сидим на палубе и тихо говорим о будущем. Но скоро мы замолкаем. В такую ночь можно думать, но говорить не хочется. Только сверкает мелкой рябью море.

<u>г. Керчь</u>
29 марта 1919 г.

Керчь — исторический город. В нём много разных памятников греческого и римского владычества. У моря возвышается невысокая гора, которая называется Митридат. На её вершине построено уже русскими какое-то подобие греческого храма.

Около города много каменоломен, где добывали когда-то лёгкий белый камень, так называемый ракушник, римские каторжники. Камень добывается и теперь, и поч-

ти все здания города сделаны из него. Каменоломен несколько: Старо-Карантинские (у деревни того же названия) на берегу моря у крепости, Аджимушкайские (у Брянского завода[11]), Багеровские у станции Багерово (12 вёрст от города) и так называемые Оливинские скалы, около имения Олив.

Каменоломни эти очень любопытны: это целая сеть подземных коридоров, иногда колоссально широких и высоких, взаимно пересекающихся, образующих площади, тупики и целые лабиринты. Вся земля кругом каменоломен изрыта и пестрит выходами, словно кроличьими норами. Иногда эти выходы образуют правильные ряды, иногда (например, в Аджимушкае) они беспорядочно рассыпаны.

Камень ракушник очень хрупок, в изломе ясно заметно, что это морские отложения, состоящие из мириадов мелких раковин. Его пилят огромными неуклюжими пилами. Думал ли я, подъезжая к Керчи, что эти самые каменоломни сыграют в моей жизни такую роль?

Первый наш офицер, которого я встретил в Керчи, был тверец[12] — барон Врангель. Он шёл со взводом к пристани, около которой раскачивался маленький катер. Я обрадовался, увидев его атлетическую фигуру в чёрном бараньем тулупе.

Штаб полка[13] находится в Брянском заводе. Тверцы в крепости, часть наших (3-й эскадрон с Львовым) в Багерове, часть с Тускаевым (4-й эскадрон) в Заводе. Люди все ещё пешие, но в полку всего эскадронов семь, так как к нам пристегнули ещё один Переяславский эскадрон.

Вот состав офицеров Нижегородских эскадронов:

3-й эскадрон

Командир: ротмистр кн. Львов.

Помощник командира: штабс-ротмистр кн. Б. Абашидзе.

Младшие офицеры:
барон Фиркс,
корнет Маклаков,
корнет Гоппер,
корнет Ник. Старосельский,
корнет Люфт,
прапорщик Шарай.

4-й эскадрон

Командир: ротмистр Тускаев.

Помощник: штабс-ротмистр кн. Ю. Абашидзе.

Младшие офицеры:

штабс-ротмистр Лухава,

корнет И. Старосельский,

корнет гр. Мусин-Пушкин,

прапорщик Попов.

Это те офицеры, что тогда были в строю. Кусов Абубекир состоял казначеем. Голицын — командиром дивизии. Полком командовал полковник Попов Северского полка[14]. Я попросился к Львову, но временно попал в 4-й эскадрон, где меньше офицеров.

<u>г. Керчь</u>
3 апреля 1919 г.

Каменоломни вокруг города заняты бандитами; наш полк уже имел с ними столкновение в первые же дни после прибытия из Новороссийска. У нас были потери. Самое печальное — это настроение солдат. Молодёжь составляет лучший элемент, но, с другой стороны, она одинаково легко поддаётся обработке как со стороны офицеров, так и со стороны большевистских агитаторов. А таковые, несомненно, имеются.

Что касается до старых солдат, то среди них большинство смотрит исподлобья на офицеров и, конечно, при первой же возможности перебегут к большевикам. Их держит только страх. Всё это немного напоминает укротителей в клетке с дикими зверями. Стоит укротитель, в одной руке револьвер держит и смотрит в глаза зверю, а сам боится повернуться к нему спиной. Неудачное движение, маленькая рассеянность — и укротитель погиб. Так и здесь. Спят офицеры с винтовкой у изголовья, с револьвером под подушкой и чуть ли не с ручной гранатой на ночном столике. Вечером ставни тщательно запираются и замки у дверей осматриваются. Приятная жизнь, что и говорить.

В эскадроне имеются, конечно, и надёжные люди, но их мало и это, по большей части, или богатые крестьяне Ставропольской губернии или же юнцы-вольноопределяющиеся. Иногда от них узнаешь про подозрительные раз-

говоры в эскадроне, и от этого становится ещё тяжелее на душе.

Все наши денщики — красноармейцы, взятые в плен под Ставрополем, которым была дарована жизнь. У нашего повара Костика совсем вид красноармейца и коммуниста. Его хотели было уже расстрелять, но пощадили ввиду того, что он кондитер (!!!)

Брянский завод, в который я попал, представляет нечто совсем замечательное в смысле оборудования. Домики, в которых живут рабочие, составляют целый городок, чистенький, беленький, с черепичными крышами, с аккуратными огородиками. Есть школа, больницы, приюты. — словом, мы размещены просторно. Офицерское помещение имеет суровый вид: голые койки, винтовки, составленные в углах, шашки, патронташи. Простой огромный стол, скамейки, сделанные из доски, поставленной на два вьюка, — словом, уюта мало.

Все очень обрадовались моему приезду, но я почти ничего не успел рассказать, так как едва я явился <к> командиру полка, как получил приказание пойти в эскадрон, получить винтовку, патроны и идти в бой. Уже через полчаса после моего прибытия в полк я шёл в цепи, которая наступала на Аджимушкайские каменоломни. Цепь была жиденькая и маловнушительная, но в ней были полковники и ротмистры, все с винтовками, карабинами и ручными гранатами. Впрочем, в тот день наступление ничем особенным не окончилось, так как противник отошёл, и наступившая темнота заставила нас вернуться обратно.

г. Керчь

4 апреля 1919 г.

Целый день ловим бычков. Маленькие, с огромной, вдвое больше туловища, хищной головой, они жадно проглатывают сырое мясо, на которое их ловят; глотают крючок целиком. Рыбка препротивная, настоящее маленькое чудовище, какой-то зверёныш из страшной сказки, с выпученными глазами, рядами острых зубов. Рыбная ловля здесь главное занятие, потому что до города далеко, а катера ходят редко.

Сегодня наш эскадрон посылают на станцию Багерово — в подмогу третьему эскадрону.

ст. Багерово
5 апреля 1919 г.

Позиций в Багерове, в сущности, нет. Большевики загнаны внутрь каменоломен, где их трудно достать; мы же занимаем выходы и сторожим их. Правильную осаду каменоломен вести очень трудно, так как для этого требуется гораздо больше людей, нежели имеем мы в своём распоряжении.

Началась Багеровская война с того, что эшелон с 3-м эскадроном был обстрелян уже по пути. Он немедленно спешился и повёл наступление на бандитов, засевших за бруствером из ракушника. Укрытие это оказалось не из удачных: камень настолько мягкий, что наши пули пробивали его свободно и легко.

С проходящего мимо эшелона авиаторов сошло человек 80 и усилило нашу цепь. Красные забрались под землю, но один из офицеров-авиаторов взорвался об собственную ручную гранату. Неосторожным движением руки он задел за предохранитель, что-то щёлкнуло, и граната зашипела... Он не успел её отстегнуть, и она взорвалась. Несчастному разорвало бедро, бок и обожгло всё тело. Он умер спустя час после взрыва, но держался спокойно и с достоинством.

После этого началась правильная осада Багерова, так как только измором и возможно покончить <с врагом> при создавшейся обстановке.

ст. Багерово
6 апреля 1919 г.

Яркий солнечный день. После дождей земля ещё не просохла. Чёрная, влажная и тёплая, она медленно подсыхает под весенними лучами. Урожай в этом году будет богатейший. Травы, мелкие полевые цветочки растут и растут. Кажется, что на глазах почти тянутся эти красные, жёлтые и оранжевые крымские тюльпаны. Мелкие жёлтые и лиловые нарциссы и ирисы быстро распускаются, цветут, увядают, и на их месте быстро вырастают новые. Как им и не расти: главные условия налицо — влага, солнце и плодороднейшая земля. Местами степь кажется красной от диких тюльпанов.

Среди ещё влажной степи есть более сухие уголки — это возвышенные полянки и холмики. На одном из таких холмиков сидит группа наших офицеров. Вид у них не блестящий. Кто в нескладном тулупе, кто в шинелишке — драной и дырявой. Почти на каждом папаха: или большая, лохматая, как носят осетины, или маленькая, лезгинская. Все загорели от нестерпимо жгучего даже теперь, в начале апреля, крымского солнца.

У Николая Старосельского на синие с лампасами драгунские штаны нашиты леи из какой-то грубой белой материи. Заплат столько, что сразу не понять: на синих ли штанах белые леи или на белых — синие. У всех карабины под рукой и все следят за чем-то внизу под обрывом, куда выходят отверстия подземных ходов. Сидят тихо и прислушиваются внимательно: не зашумит ли что-нибудь внизу — в чёрных подземных переходах. Внизу под землёй, должно быть, холодно, сыро и неуютно. Все слушают и молчат. А над ними в тёмно-синем небе неподвижно висит в прозрачном воздухе и поёт жаворонок.

Вдали показалась кучка людей, идущих от станции. С ними повозка, на которой стоит неуклюжая бочка. Это рабочие и драгуны везут «гостинец» большевикам. Наконец они близко; бочка скатывается на землю. Её осторожно подкатывают к заранее вырытой яме, опускают в неё и сбоку обкладывают большими камнями. Солдаты подрывной команды сбивают топорами обручи, выбивают сверху одну доску, и из сделанного отверстия высыпается мелкозернистый жёлтый порошок. Это мелинит — одно из самых взрывчатых веществ. Вставляют ещё заряд динамита (мелинит трудно взрывается), рассчитывают длину фитиля и наконец зажигают его. Все убегают: сначала солдаты, потом офицеры, наконец, последними — подрывники. Отбегать приходится далеко, ввиду того что в каждой бочке — 12 пудов мелинита, а это доза внушительная.

Все напряжённо ждут. Взрыва всё нет. Наконец все начинают думать, что его не будет совсем. Вдруг словно гигантский чёрный гриб, вздымается в голубом небе колоссальный столб дыма, тяжёлый, кудрявый. Что-то в середине блеснуло, как молния, и глухой, как раскаты грома, оглушительный взрыв сотрясает землю. Струя возду-

ха, как порыв ветра, обвевает лицо, и где-то наверху пролетают большие и мелкие камни, со свистом врезаясь в мягкую землю.

За первым взрывом раздаются ещё 4–6 взрывов. В одном месте вместо взрыва идёт лишь глухой непроницаемой пеленой чёрный едкий дым. Яркое пламя заметно издали даже днём. Это неудача: мелинит загорелся.

Все кидаются посмотреть результаты взрывов. Среди зелени, свежей весенней травы — груды камней и кучи развороченного щебня окружают огромную воронку. Так как взрыв был сделан с расчётом завалить перекрёсток двух встречных галерей, то результаты получились хорошие — 3 галереи засыпаны основательно. Четвёртая засыпана лишь до половины. Между потолком и грудой обвалившегося щебня осталась чёрная щель. Не дай Бог стать перед этой щелью, много шансов получить пулю в лоб, благо близко.

Во время боёв у каменоломен раненых почти не было. Были больше убитые, и притом больше в голову. За день удаётся сделать 3–4 серии взрывов. Но всё же дело идёт медленно. Иногда на одном месте приходится делать по нескольку взрывов, иногда после взрыва рабочие лопатами засыпают воронки и заваливают пилёным камнем плохо засыпанные выходы. Иногда из коридоров раздаются выстрелы, откуда-то из-под земли выбрасываются ручные гранаты по неосторожно зазевавшимся драгунам. Гремят ответные выстрелы.

Часовые, вернее, наблюдатели удваивают своё внимание, офицеры обходят и проверяют посты.

<u>ст. Багерово</u>
7 апреля 1919 г.

Маленькая комнатка станционного домика битком набита офицерами 3-го и 4-го эскадрона. Спят на диване, рядами на полу. Назойливо стучит аппарат: это говорят между собой станции «Семь Колодцев» и «Керчь».

Большевики уже заняли весь Крым, и фронт проходит уже где-то у станций «Семь Колодцев» и «Ак-Манай». В Азовском и Чёрном морях гремят тяжёлые орудия английских броненосцев и более мелкая артиллерия миноносцев

и крейсеров. Против Ак-Манайского фронта действует отряд матроса Дыбенко — начальника Крымской Красной армии.

К счастью, перешеек узкий, и с помощью союзного флота, может быть, удастся удержаться некоторое время. Керчь всё же на всякий случай эвакуируется. Слышно, увозят орудия с крепости. Пароходы с грузами мин, снарядов, бомбомётов и миномётов снуют между Таманью и крепостью и всё никак не могут вывезти огромных запасов снарядов и другого военного имущества. Мелинит, жёлтый и ядовитый, просто бочками выбрасывается в море.

Ежедневно из Ак-Маная слышна артиллерийская стрельба. Это красные пытаются взять двойной ряд наших окопов. А аппарат в нашей комнатке всё стучит и стучит. То бронированный поезд требует себе угля, то едет куда-то поезд с грузом колючей проволоки.

Среди душной атмосферы маленькой комнатки все забываются беспокойным сном. Среди ночной тишины гремит выстрел. За ним ещё другой, третий, и начинается перестрелка. Все вскакивают; сонными глазами отыскивают висящий где-нибудь на гвозде патронташ, надевают его на себя, уже на ходу берут карабин и, ругая врага, ещё раз помешавшего спать, самыми скверными словами, выскакивают по очереди в темноту холодной сырой весенней ночи. Скачут конные; эскадрон, разбирая на ходу винтовки, бегом идёт к постам.

Красные, предвидя неминуемую гибель, делают вылазку. Одного убивают люди 3-го эскадрона, другой ранен. 15 человек конных, выскочивших из-под самого носа вздремнувшего наблюдателя, благополучно скрываются. Досадно. Наблюдателя-казака тут же порют шомполами, чтобы другой раз не зевал.

<u>ст. Багерово</u>
8 апреля 1919 г.

Мне поручают крайне правый фланг Багеровских позиций. Под моим наблюдением три отверстия. Одно «безопасное», то есть почти засыпанное удачным взрывом. Около него бродит на всякий случай один драгун; но это больше

для проформы. Это одинаково хорошо понимаю и я, и он. И ходит он небрежно, лениво насвистывая какую-то ставропольскую песенку.

Другая дыра «подозрительная», как решаем мы со Старосельским после тщательного осмотра. Она засыпана лишь наполовину, и можно ожидать и вылазок, и предательских выстрелов. Если подтащить побольше пилёного камня и сбрасывать его с кручи, то скоро перед отверстием образуется завал и он из «подозрительных» перейдёт в разряд «безопасных».

Третье отверстие уже представляет серьёзную опасность. Взрыв, правда, обвалил потолок. Но всё так и ограничилось отверстием в потолке, и выход остался по-прежнему открытым. Здесь одним наблюдателем, пожалуй, отделаться нельзя, и придётся выставить пост из нескольких надёжных людей.

Левее меня находится Маклаков и тоже наблюдает за несколькими отверстиями. Дальше ещё кто-то, а на крайнем левом фланге 3-й эскадрон и Люфт. Там обстановка ещё хуже. Отверстий больше, и взрывы ещё будут производиться долгое время. Там даже выставляются пулемёты.

Скоро темнеет. На соседних постах зажигают костры, и так как у нас имеется солома, то и мы зажигаем её и стараемся как-нибудь скоротать ночь. Хочется спать, а спать нельзя. Холодно. Трава покрывается седой росой, и начинает дуть резкий сырой ветерок с моря.

Костёр слабо поблёскивает, и клубы дыма, смешанного с искрами, уносятся беспрерывно и быстро куда-то вверх, в густую, словно бархатную, ночь. По ассоциации я вспоминаю такие же вереницы искр, быстро уносящихся ветром куда-то в неведомое пространство. Это было в роскошном купе вагона международного общества, который быстро и бесшумно уносил меня среди сырости и тумана северных болот куда-то за границу. Тогда я тоже смотрел, не отрываясь, через покрытое инеем окно, и искры сливались в какую-то причудливую смесь огненных нитей.

Ах, эти путешествия за границу! После серых, пасмурных полей, болот, иссечённых мелким дождём, и лесов, окутанных туманом, попасть в жаркую, залитую неумолимым летним солнцем Италию! Приятно вспоминать про-

шлое; понемногу мысли путаются, искры всё летят и летят то редкой сетью, то сплошным роем, как маленькие золотые пчёлки.

Когда я просыпаюсь от своей дремоты, то <вижу, что> восток заметно посветлел. Ветерок превратился в настоящий ветер. Костёр превратился в кучу серого пепла. Если потревожить его палкой, то заметно, что он внутри ещё розовый. Полушубок сделался скользким от росы.

Обхожу посты. В утреннем полумраке выходы из каменоломен кажутся зловещими, словно в них притаилась хитрая смерть и поджидает кого-то. Постепенно появляется солнце, и мы отогреваемся. Слева несколько выстрелов. Должно быть, наши бьют маленьких пегих, чёрных с белым кроликов, которые живут в расселинах обветренного камня.

У станции движение. Это прибыли бочки с мелинитом. От нечего делать начинаю изучать «серьёзное» отверстие. Какая-то сила тянет заглянуть в тёмную глубину галереи. Прохожу раз — ничего. Вероятно, в данную минуту под нами никого нет. Что если рискнуть? Весь вопрос в том, как спуститься. Но и этому можно помочь: приносят верёвки, и я спускаюсь вниз. Чувство такое, что вот-вот кто-нибудь схватит за ноги и потащит вниз под землю. Правда, сверху смотрят свои драгуны, и прицелено много драгунских винтовок на всякий случай; но всё же жутко.

Здесь свежо и пахнет какой-то плесенью. Постепенно глаза привыкают к темноте. С того места, где я стою, начинаются три галереи, но в них так темно, что разобрать ничего нельзя. Одна из галерей — совсем низенькая: если войти в неё, то придётся идти нагибаясь.

Как досадно, что кроме спичек у меня ничего нет. Но делать нечего — чиркаю спичку: на мгновение выплывает из мрака низкий шероховатый потолок, местами покрытый копотью; какие-то балки, подпирающие потолок. Пол покрыт обломками, грудами белой пыли, пилёным камнем и щебнем. С трудом перелезаю, но спичка уже потухла. Зажигаю другую и иду дальше. Галерея делается выше и разветвляется вправо и влево. Надо возвращаться обратно, всё равно без факела далеко не уйдёшь, и вдобавок можно легко заблудиться.

На обратном пути захожу в другую галерею. Здесь идти легче — пол ровный, и на нём при слабом свете спички заметны следы колёс и даже — что уже интересно — пребывания лошадей: навоз и т.д. Местами сено и свежая солома.

Последняя спичка догорела, и в темноте я наталкиваюсь грудью на что-то твёрдое и острое: невольно вздрогнув от неожиданности, я ощущаю рукой неизвестный предмет. Оказывается, дышло. Держась за него, дохожу и до самого экипажа: вероятно, тачанка, хотя в темноте сразу и не поймёшь. Дальше идти не рискую: раз есть тачанка и лошадь, значит, есть и люди. А с людьми что-то неохота встречаться.

Постепенно галерея светлеет. Выход уже близко. Вот и клочок голубого неба; ещё несколько шагов и я останавливаюсь, ослеплённый ослепительным солнечным светом. Сколько звуков, запахов и света после могильной тишины и сырости подземелья! Тут и людской разговор, и ржание лошадей, и пение жаворонка. Милые звуки живой светлой весенней земли. Какой радостной музыкой звучат песни кузнечиков, и как легко дышит грудь степным воздухом! Но раз начал рисковать, то останавливаться нельзя. Буду возобновлять разведку, но уже в большем масштабе: возьму людей, факелы и лампы.

Всё необходимое приносят со станции, и мы один за другим спускаемся вниз. У всех драгун лица серьёзные — на них, видно, сильно действует окружающая тьма, воздух, кажущийся ледяным после солнечного припёка, шорох капающей где-то в темноте воды и тишина, которая после громких разговоров снова окружила нас, ещё более мертвенная и зловещая.

Вот разгорелись факелы, и сразу стало как-то веселей. Высокий свод, облитый розовым светом, не давит уже больше, как могильная плита, не стало больше подозрительных тёмных углов, где мерещатся засады и направленные против вас дула винтовок. Со мной идут кн. Львов, Маклаков и Фиркс с Николаем Старосельским. Вано Старосельский почему-то остался наверху.

Мне это не особенно нравится: с одной стороны, толпа людей, освещённая ярким светом; с другой стороны, бандиты, может быть, спрятанные за надёжным прикрытием

и неуязвимые в темноте. Впереди идёт цепь офицеров и наиболее храбрых солдат. Факел придерживается немного сзади. Сначала делается перебежка от одного угла до следующего, от одного поворота до другого, затем уже идут «главные силы». Винтовки держатся наизготовке, все напряжённо вслушиваются, глаза впиваются в полумрак. Говорят еле слышным шёпотом, и только шум скатившегося камня да полузаглушённое ругательство, от времени до времени раздающееся, когда кто-нибудь спотыкается, нарушают тишину.

Скоро натыкаемся не на одну, а на целых пять тачанок. Ликование большое: в полку острая нужда в разных повозках. Все понемногу увлекаются, и только два-три драгуна определённо трусят. Глаза у них выпучены и руки дрожат; при каждом внезапном звуке они вздрагивают. Да и среди гг. офицеров есть некоторые, в поведении которых чувствуется неуверенность.

Да, вправду говоря, обстановка не совсем обычная, и я понимаю, что на некоторых она может подействовать удручающе. Про себя могу смело сказать, что ни одной минуты не испытывал страха и что бывали случаи гораздо менее опасные, где я боялся. Странно, но это так.

<u>ст. Багерово</u>

Апрель[15] 1919 г.

Пример оказался удачным. Теперь по всему фронту Багеровских каменоломен идёт усиленная разведка. Уже большинство ближайших коридоров изучены, и они считаются более или менее безопасными.

Появились специальные факелы: круглые свёртки просмолённого каната, навешанные на палки. Когда их зажигают, то канатная спираль медленно разворачивается и горит приблизительно в течение получаса — двадцати минут.

Да не только специальные приспособления появились — появилась своя специальная тактика: тактика подземной войны. Взрывы делаются строго систематически: ни один из зарядов мелинита не пропадает даром. Даже самые разведки больше не производятся из простого любопытства, а по строго определённому плану. Ежедневно

партии любителей сильных ощущений или просто драгун, жаждущих найти «деньгу» или какое-либо имущество, спускаются в тёмные глубины и рыщут при свете факелов, открывая каждый день всё новые и новые галереи.

Партия в составе 10–15 человек с Львовым, Николаем Старосельским и мной спустилась вниз <в> шахту, где я делал первую свою разведку. После нескольких поворотов мы наткнулись на насыпь, немного не доходящую до потолка. Мы вскарабкались по осыпающемуся склону и очутились в новой галерее, ещё дотоле неисследованной. Какой-то предмет, брошенный на камни, обратил на себя наше внимание. Подозвали факел. Перед нами, раскинув окровавленные руки, лежал труп, очевидно, убитого при первом ещё наступлении большевика. С него сняли сапоги и штаны (пригодится, мол, ещё...) и пошли дальше.

Мелкие галереи соединились вместе и образовали большую подземную улицу. На земле многочисленные следы: мы удвоили предосторожность. Меня выслали немного вперёд. Я дошёл до крутого поворота и осторожно, вершок за вершком, высунул голову и заглянул за угол. Заглянул и замер, затаив дыхание. Впереди, шагах в 100, на стене виднелась маленькая лампочка. Её тихий, мерцающий, как звёздочка, свет слабо озарял закопчённую стену и часть коридора. Дальше виднелось в полутьме нечто похожее не то на каменную стенку, не то на завал с бойницами. Расчёт ясный и верный: когда мы поравняемся с лампочкой и будем освещены, до окопчика останется шагов 100 и по нам будет удобно дать залп из темноты. А до окопа можно дойти, только миновав лампу. Просто и удобно.

Я тихо отполз назад и подозвал Львова. Факел был отослан назад, и мы со Львовым в полной темноте поползли, взяли ещё патронов и на коленях двинулись к лампочке. Проползли шагов тридцать, потом легли и стали внимательно смотреть. Говорили так тихо, что сами еле слышали свои слова, и только слышалось биение сердца, которое, казалось, заполняло своим размеренным звуком самые своды галереи.

Наконец-то дошли до «них». А уже думали, что внизу никого нет: неисследованными оказались только самые глубокие ходы, которые, по словам жителей, доходят почти до самого полотна железной дороги и под самую станцию.

Двигаться дальше было немыслимо. И так мы уже зарвались, и сделай мы какой–либо шум, в ответ самый воздух, наверное, задрожал бы от выстрелов. Воображаю, какая паника поднялась бы.

На днях две наши партии встретились под землёй, и кто–то выстрелил. Я видел потом драгун, бывших при этой встрече: они были все оборваны об острые выступы скал, рожи были в ссадинах и кровоподтёках. Видно, бежали без оглядки, падая друг на друга, сшибая с ног один другого в темноте, так как факел упал в самом начале суматохи и погас... «Мы лбом стены прошибали», — рассказывал мне потом один из доблестных участников этой экспедиции. И действительно, вид у них был именно такой, что они «стены лбом прошибали».

Решено устроить внутренний взрыв, чтобы замуровать навсегда тех, что сидели за лампочкой, которую мы видели вчера. Итак, опять спустились вниз, преодолели насыпь, миновали труп, прошли длинную галерею и дошли до того поворота, где вчера мерцал на стене огонёк. Его уже больше нет. Когда мы подошли, то увидели только кольцо в стене да немного копоти. Дальше, действительно, дорогу заграждала стенка, сложенная из камней, но сегодня там никого уже не было. Разбойники решили ещё отойти назад. Поэтому <мы> двинулись дальше.

Вслед за цепью дозорных шёл драгун с факелом и прикрытием, ещё немного сзади шёл второй факел и с грохотом катились восемь огромных бочек с мелинитом. На крутом спуске одна из бочек вырвалась и покатилась вниз, прыгая с уступа на уступ. У всех захватило дыхание: а вдруг возьмёт да и... Дальше даже думать было страшно. Ещё два–три скачка — и бочка со страшной силой ударилась о каменную стену, стенки её развалились, и густой волной хлынул жёлтый, едкий, дерущий горло мелинит. Отделались кашлем — и то слава Богу.

Наконец дошли до круглой подземной залы, откуда шло три хода. Решено сорвать и завалить одним ударом три выхода. Из бочек делают настоящую пирамиду. В серёдку вставляют пуд динамита, и фитиль рассчитывается на 25 минут.

Если большевики обстреляют бочки, то от нас мало что останется. Поэтому вперёд иду я с Фирксом, Гоппером и

Николаем Старосельским. Факел сзади, так что мы в полной темноте лежим в мягкой белой пыли. Тесно и неудобно. Кто-то наступает кому-то на ногу, и чья-то увесистая винтовка дружески хлопнула меня по черепу. Сзади что-то рубят и перетаскивают бочки с места на место — видно, никак не удаётся установить их как следует, а время между тем идёт.

Наконец нам передают оттуда, что фитиль уже тлеет. Наступает торжественная минута. Надо пройти мимо бочек с горящим фитилём, не торопясь, не мешая друг другу, затем пройти по нескольким галереям, не перепутав повороты, подняться до того места, где лежит труп, ещё раз повернуть, перелезть через высокую насыпь где-то под самым потолком, причём надо проходить гуськом, опять-таки не торопясь, наконец ещё немного пройти и выбраться на волю.

У наших солдат имеются полоски бездымного пороха, они жгут его по дороге,— и всё наше шествие принимает какой-то фантастический феерический вид. Всюду горят огоньки, чёрные силуэты мелькают, перепрыгивают через камни, и тени от них дрожат на белых сводах. Стоящий около бочек солдат подрывной команды дрожащим голосом убеждает не торопиться и идти спокойно, но почему-то кажется, что он сам с удовольствием ушёл бы от этих бочек.

Вот мы около выхода, и вечерний воздух несёт с собой запах степных цветов. Должно быть, мы долго возились под землёй, потому что уже поздно. Отойдя шагов триста, усаживаемся на траве и ждём. Капитан Червинов, устроитель всех взрывов, видимо, волнуется. Он поминутно вытаскивает часы и смотрит, сколько ещё минут осталось до взрыва: может быть много неожиданностей. Фитиль под землёй может гореть медленнее, чем на ветру. Наконец, если красные видели или угадали всю комбинацию, кто-нибудь посмелее из них мог броситься, благо, было время, и вырвать горящий фитиль. Мало ли какие комбинации могли произойти.

Проходят установленные 25 минут. Все глаза устремлены на то место, где, по расчётам, под землёй догорает фитиль. Некоторые думают, что слой земли будет пробит, другие считают толщу земли слишком значительной. На-

конец прошло уже 30–35 минут. Взрыва всё нет. Червинов даже побледнел. Его самолюбие специалиста задето. И тут, как назло, уже пускаются разные шуточки насчёт опытности наших молодых офицеров-подрывников. Глухой гул, как далёкий раскат грома, проносится под землёй. Из всех отверстий вырываются клубы серого дыма. Любопытно, что дым одновременно выбрасывается из далёких и ближайших к месту взрыва отверстий. Это говорит о силе взрыва.

Сразу входить нельзя, потому что кроме бочек мелинита мы установили ещё одиннадцать снарядов с удушливым газом. Снаряды эти довольно крупного калибра и выкрашены, в отличие от простых, в голубой цвет.

Надо проверить результаты подземного взрыва; на всякий случай берём с собой намоченные водой носовые платки как некоторую защиту от газов: на случай, если они ещё не испарились. Уже недалеко от входа мы замечаем, что пол, стены и потолок покрыты густым слоем копоти и сажи. Плохо, должно быть, пришлось гг. большевикам!

Чем ближе к месту взрыва, тем больше разрушений. Местами обвалы, почти всюду отдельные камни отвалились от потолка и загромождают проход. Огромная балка, поддерживающая потолок, лежит уже сбоку. Вот и место взрыва. Подрывники определённо недовольны: по неизвестным причинам подземные взрывы плохо нам удаются. Вероятно, мы недостаточно покрывали бочки камнями и щебнем, и газ, не встречая сопротивления, производит мало разрушения. Ведь как-никак, а 76 пудов мелинита + 1 пуд динамита — это порция недурная. Правда, стены обвалились, потолок обрушился и несколько кубических саженей камня свалились сверху. Но всё же главное не достигнуто: галереи имеют сообщение с остальными ходами.

Но что это? На чёрном, бархатном фоне копоти, покрывающей дно, ясно и отчётливо видны следы ног. Да, это ясно: здесь проходило несколько человек. Один след, маленький и лёгкий, похож на отпечаток женской ноги. Мы кидаемся по свежим ещё следам.

Вверх-вниз по галереям, не пропуская ни одной ветки, идут наши люди, забыв даже наши обычные предосторож-

ности. Вот уже пройдено всё, что было раньше изучено. Мы идём всё ниже и ниже под землю. Становится душно, и трудно дышится. Сыростью и плесенью покрыты все вещи, брошенные большевиками. Вот комната, где они недавно ещё жили. Пол густо устлан сеном. Посередине сооружён род какого-то каменного стола. На нём хороший светлого дерева безрупорный граммофон. Рядом ящик с целой грудой пластинок, дальше кофий, какие-то тряпки, мешки и много всякой дряни, на которую жадно набрасываются наши драгуны. Много разных подушек и перин: видно, разбойники любили сладко поспать. Но всё это пропитано сыростью, и трудно себе представить, как могли люди жить здесь в таких тяжёлых условиях. Я бы не выдержал и четырёх дней и либо выбежал бы наружу под пули, либо рехнулся бы.

Наконец мы забрались совсем далеко под землю. Факелы дымно горели, и горящая смола капала на землю, продолжая тлеть. Вдруг один факел загорается целиком — это досадно: теперь он сгорит в пять минут, а нам надо ещё выбраться наружу. Сколько у нас запасных факелов? Ещё один! Это уже совсем плохо. Стараемся ориентироваться, но это нелегко.

Через пять минут после того как мы прошли, по крайней мере, через десять закоулков, галерей и поворотов, похожих друг на друга, как двойники, становится совершенно ясно, что мы заблудились и что, пожалуй, опять вернулись на старое место. Да, так оно и есть: вот на стене нарисован грубо и аляповато огромный паровоз, а рядом неприличные рисунки; я помню, мы уже проходили мимо них. А может быть, был в другом месте подобный же рисунок? Кто их разберёт!

Факел догорает. У всех на душе становится как-то нехорошо, и где-то шевелится ещё неосознанный, только предугадываемый страх. Пока это ещё только беспокойство и нервность. Все наперерыв дают разные советы и делают всевозможные предположения. Одни советуют идти направо, другие — налево; при этом все готовы дать головы на отсечение, что именно их предположение правильно.

Надо взять солдат в руки, и это делает Львов. Голос у него властный, твёрдый, как сталь, и совершенно спокойный, даже слишком спокойный, и по этому именно излиш-

ку спокойствия я понимаю, что и он волнуется, но драгуны в таких тонкостях не разбираются. Все умолкают. Толпы больше нет, а есть солдаты и во главе их — вождь. Все тихо садятся в полукруглой пещере. Остаток факела дают Фирксу: он найдёт выход, так как один идёт быстрее, чем толпа; достанет факелов и вернётся. Мы же потушили остаток второго факела — это и экономно, и безопасно — и будем ждать в полном безмолвии и в полном мраке. Фиркс быстро уходит. Свет от его факела быстро удаляется, гаснет где-то за многочисленными поворотами и наконец исчезает вовсе.

Полный мрак и тишина. Изредка кто-нибудь вздохнёт потихоньку, да скатится из-под ноги камешек. Проходит пять минут. На самом деле, кажется, что прошло, по крайней мере, полчаса. Хочется курить, но нельзя. Проходит десять минут. Нервы у всех натянулись, хочется встать во весь рост и громко крикнуть.

Вдруг вдали что-то как будто промелькнуло — или это только показалось? Проходит ещё 3 минуты. Опять, теперь уже явственно, мелькнул слабый отблеск. Это факел. Но чей? Слышны шаги, и появляется Фиркс и с ним драгун с запасными факелами. Мы быстро встаём и снова двигаемся вперёд. Поворот за поворотом мелькают белые внутренности земли, словно гигантские кишки, переплетённые, как змеи, с жуткими пещерами, обрывами и завалами.

Наконец, измученные, израненные, с ноющими ногами и исцарапанными руками, мы добираемся до какого-то слабого света. Словно серебряная нить, тянется тонкий, как жало, луч света откуда-то сверху. Это, очевидно, заваленное взрывом отверстие. Искать ли новое, не взорванное, или раскопать это и выбраться? Последнее вернее. Начинаем отваливать огромные камни. Пот льёт ручьями. Под землёй трудно дышать и работать.

Наверху молчание. Если там есть наш часовой, он, очевидно, думает, что под ним копошатся бандиты. Вот уже готово отверстие величиной с лисью нору. Мы кричим: сверху отвечают, но по голосу видно, что не верят нам, думают, что это товарищи «врут». Первым ползёт Маклаков, с трудом протискивается, и его ноги исчезают где-то под потолком. Выходим поодиночке. Уже вечереет; после ду-

хоты и копоти факелов кажется холодно, и странным кажется ветер после подземной тиши. На этот раз выбрались благополучно.

ст. Багерово
Апрель, 1919 г.

Эскадрон уходит из Багерова в Керченскую крепость. Я и корнет Старосельский 1-ый остались со взводом 4-го эскадрона для охраны станции и наблюдения за разрушенными и покинутыми каменоломнями. Официально считается, что в них больше никого нет.

Это официально. А неофициально все прекрасно знают, что во время вылазок удрало не более 15–20 человек, что убито человек 10 и что остальные 50–60 человек никак не могли испариться в воздухе. А если не испарились — значит, остались внутри: спрятались где-нибудь внутри каких-нибудь отдалённых тупиков, замуровались где-нибудь в глухой боковой галерее. Ведь есть ещё очень мало исследованные углы. Например, вчера, гуляя по лугам, набрёл на брошенные разработки того же камня в 1/4 версты правее наших ломок. Кто знает, быть может, эти шахты соединены с другими? Вход в них запирается массивными чугунными воротами и вдобавок сверху надпись: «Опасно! Вход воспрещается».

Невзирая на это, любопытство толкнуло меня влезть и в эти галереи. С трудом открыл я тяжёлые и ржавые ворота и начал исследование ходов. Потолок в них гораздо ниже, и вообще они значительно хуже и мрачнее Багеровских.

Вернувшись со станции, я подвергся настоящему нападению со стороны телеграфиста. Этот несколько робкий господин решил во что бы то ни стало исследовать каменоломни в надежде найти зарытые разбойниками деньги. Клад — это его idee fixe[16]. Она не даёт ему покоя ни днём, ни ночью. Ему мерещатся толстые кипы керенок и слитки золота, защемлённые где-нибудь в узком отверстии между камнями и тщательно засыпанные пылью. Но всему мешает его трусость. Мысль остаться одному под землёй никак не укладывается ему в голову. И поэтому он умоляет меня сопровождать его во время его расследований. Что же, идти так идти.

Я уже совсем свыкся с подземным царством и чувствую себя как дома в его извилинах. Через пять минут мы уже шли в направлении подземного взрыва. Это самое опасное место в смысле обвалов, могущих произойти после взрыва. Огромные балки, местами поддерживавшие потолок, почти все опрокинуты, и потолок весь покрыт зловещими трещинами. Нет-нет, да и обвалится огромная глыба весом в несколько тонн.

То и дело приходится карабкаться через такие обвалы.

Вот мы достигли той комнаты, где когда-то нашли граммофон и другое барахло. Всё покрыто пятнами сырости. На стене висит не то окорок ветчины, не то ляжка барана, — разобрать трудно: мясо, словно каким-то белым пухом, покрыто густым слоем плесени. Телеграфист роет, ища свой мифический клад, а я сажусь на камень и закуриваю. Наши тени колеблются по стенам, и огонь воткнутого между камнями факела дрожит, роняя жгучие огненные слёзы на землю.

Я начинаю прислушиваться, потому что слабый, почти неуловимый звук достиг моего слуха. Может быть, это просто воображение. Телеграфист — тот ничего не слышал; он продолжает свои безуспешные поиски. Но через пять минут тот же звук снова слышится, но как будто сильнее. Телеграфист тоже настораживается и прекращает свою возню. Мы оба напряжённо слушаем, но кроме шипения смоляного факела да биения собственного сердца не слышно ничего.

Вдруг телеграфист бледнеет. Кровь постепенно покидает его щёки; самые губы его зеленеют, и в круглых, как у курицы, глазах появляется выражение животного страха. Тот же звук, напоминающий шаги большой толпы, уже явственно доносится из отдалённых галерей. Да, ошибиться нельзя: идут, и притом идут в нашем направлении, и, в довершение всего, их много. Наши драгуны все разосланы за скотом, да вдобавок они теперь по галереям не ходят. Я быстро вскакиваю и тушу факел. Надо защищаться — уходить уже поздно. Мой сосед только мигает, я отталкиваю его в сторону и наваливаю что-то вроде каменной стены. В темноте спотыкаюсь, царапаю себе руки, но надо спешить. Патроны, высыпанные из подсумка, лежат в темноте под рукой. Винтовка немного дрожит в руке, но не беда,

ведь весь вопрос в первых выстрелах. Или они побегут, или мне смерть.

Гул приближается; слышны лязг какого–то металла или оружия и шум многочисленных шагов. Блеснул за поворотом факел. Я становлюсь на колени и целюсь. Целюсь медленно и внимательно. Ярко блеснул огонь и осветил несколько лохматых голов. Это не драгуны, но, по–видимому, и не «товарищи», так как оружия у них нет. Я облегчённо вздыхаю и во весь рост встаю на гребне своего самодельного окопа. Эффект получается потрясающий: при виде вооружённого человека, вылезающего из темноты, толпа в ужасе пятится назад. Насилу выясняю, что это железнодорожные рабочие тоже ищут «клад». То, что я принял за звон штыков или другого оружия, оказывается, были просто безобидные заступы и кирки.

Это хороший урок для вас, г–н телеграфист, и уже не знаю, как вы заснёте в эту ночь после переживаний, которые выпали сегодня на вашу долю.

ст. Багерово
Апрель, 1919 г.

Солнце, горячее, как огонь, жарко печёт и как будто ядовитым жалом впивается в кожу. Мы со Старосельским лежим на бурках в густой траве железнодорожного откоса. По спокойному тёмно–голубому, как старинная китайская эмаль, небу плывут пухлые, как пена, и ослепительно–белые облака. Трава под жарким солнцем разморилась и издаёт крепкий, как вино, запах. Среди цветов шныряют во все стороны тысячи разных насекомых и стрекочут кузнечики. От этого жара хочется пить, и густая кровь с силой бьётся в висках. Пора в тень, если не хочешь получить солнечного удара.

С северной стороны, где есть немного тени от стены здания и жалких акаций, кипит работа. Мои драгуны выделывают папахи из шкурок молодых барашков. Шкурка эта называется курпеем. Ежедневно я посылаю за барашками. Их приводят, связанных за ноги, маленьких, жалостных в своей беспомощности, и тут же режут. Режут и варят суп, густой, вкусный и жирный. Суп этот повторяется изо дня в день, курпеев набирается всё больше и больше.

Придётся и мне выбрать себе шкурку получше и обделать её. Для этого надо ехать к помещику Марченко. У него хорошая порода овец и вообще хороший хутор. Сам он из простых крестьян.

В поле, заросшем полынью и разными душистыми степными травами, пасётся крупная отара. При нашем приближении она шарахается в противоположную сторону. Мы обходим отару с противоположной стороны, глазами выбираем себе жертву совершенно так, как ястреб неподвижно высматривает свою добычу, и разом бросаемся в атаку. Овцы рассыпаются во все стороны. Их жирные курдюки смешно взлетают вверх при каждом прыжке, а мелкие ягнята несутся на своих ещё не совсем окрепших ногах. Они ловко увёртываются в последнюю минуту, и поймать их нелегко. Местные чабаны очень удачно ловят их длинной палкой, загнутой на одном конце.

Курпей посыпается солью, скоблится, смазывается кислым молоком, сушится на солнце; снова — уже окончательно — тщательно выскабливается ножом и в таком виде приблизительно годен для шитья папах. Подкладкой для папахи будет служить мелинитовый мешок, верхом — большевистские штаны. Шикарно, не правда ли?

<u>Керчь. Крепость</u>
Апрель 1919 г.

Я не выдержал багеровской скуки и коварно бежал в крепость, оставив бедного Старосельского в его уединении. Удрал в город, сел в катер, который совершает регулярные рейсы между крепостью и городом, и поехал.

Эти путешествия на катере для меня одно сплошное наслаждение. В то время как в городе душно и пыльно, в бухте всегда бывает прохладно от мягкого морского ветерка. Постепенно город удаляется. Бухта разворачивается во всём своём великолепии, как будто охваченная двумя огромными каменными лапами: с одной стороны блестят светлыми тонами, как лёгкие минареты какого-нибудь сказочного города, трубы Брянского завода; с другой — на фоне пылающего вечернего неба тёмной и массивной массой вырезываются крепость и мыс. Выри-

совывается словно какое-то уснувшее на берегу у воды чудовище. Греческий храм на Митридате словно висит в воздухе, так светлы и легки его белые, как снег, колонны. Красиво, что и говорить.

В бухте всегда качает; иногда большая волна с силой ударяется о борт катера, и солёные брызги ударяют в разгорячённое ветром и солнцем лицо. Крепость словно вырастает из воды... Со стороны бухты в ней нет ничего воинственного и грозного. Высокий мыс с крутыми почти отвесными склонами, поросшими густой ярко-зелёной травой. Наверху ряд беленьких длинных каменных зданий: не то немецкая колонка, не то казармы какого-нибудь полка. Между домиками растут деревья, и их пышные кроны видны из-за крыш.

У Крепостной пристани беспрерывное оживление: в ожидании погрузки стоят какие-то орудия крепостного, скорее, типа; кучи каких-то тюков, горы ящиков со снарядами крупного калибра; ящики большого формата, в которых мирно лежат смертоносные мины, толстые, выпуклые, как какие-то жирные свинки. Всюду стоят часовые, охраняя военное имущество.

У пристани, болтаясь в воде, словно поплавки, качаются разных размеров и сортов суда. Здесь и интендантская баржа «Дон», полная самого соблазнительного груза, и другая баржа, прибывшая из Тамани с грузом сена и соломы, и много разных баркасов, катеров, парусников и пароходов. Пристать к самой пристани немыслимо, приходится стать бок о бок с каким-то судном и перебираться по доскам на берег. Пройдя каменный мол, миновав караульное помещение, где по телефону дают из самой крепости пропуски, приходится круто взбираться вверх.

Сперва кажется прямо немыслимо преодолеть такую крутизну, но вскоре по узенькой тропиночке пробираешься на самый верх. Оттуда дивный вид на город и противоположную оконечность бухты, на мыс Еникале, где по ночам блестит огонь маяка, и Брянский завод. Вдали, отделённый голубым, как старая персидская бирюза, проливом, виднеется крутой таманский берег.

Но уже темнеет. Окна крепостных зданий блестят сквозь чёрное кружево сиреневых кустов, и оттуда слышны звуки какого-то вальса. Это наш граммофон,

извлечённый из недр багеровских галерей. Репертуар, впрочем, довольно хамский, как и следовало ожидать. Есть только романсы Тамары, несколько отрывков из «Риголетто», «Травиаты» и «Пиковой Дамы». Остальное — сплошь типичные для кабаков, чайных и других «злачных мест» (не буду их перечислять) вещицы. Но и то хорошо.

Из чёрной бархатной ночи вхожу в ярко освещённую большую комнату: свет ослепляет меня, гам и смех на секунду оглушают... Не унывают наши нижегородцы! За огромным столом сидит весёлая компания: Голицын, Львов, оба Абашидзе, оба Старосельские, Фиркс, Гоппер,

Страница из дневника А.А. Столыпина

Маклаков, Люфт и прапорщик Шарай. На столе дымятся какие-то котлеты и неизменное украшение керченских ужинов — знаменитые бычки: маленькие, хрустящие, похожие на каких-то поджаренных чёртиков из преисподней.

Хозяином собрания является Николай Старосельский. Он, несмотря на свою молодость, оказался многоопытным и мудрым, и наших скудных средств всё-таки хватает на стол. Ведь мы получаем по 250-300 рублей! А обед стоит в ресторане, самое меньшее, рублей 25!

За столом гам и шум: вспоминают багеровские страхи и ужасы, острят и смеются. Сколько ещё молодости, энергии и жизненных сил во всех этих людях! Полуодетые, окружённые подозрительным составом солдат, без денег, рискуя ежеминутно жизнью, они ни минуты не унывают и твёрдо верят в будущее!! Да, с таким офицерством — простым, храбрым и весёлым — можно надеяться на успех.

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

Сквозь огромные окна нашей общей комнаты льётся яркий солнечный свет. Пора вставать и идти осмотреть нашу новую крепость; кто знает, сколько времени придётся в ней прожить?

Крепость нашу уже давно сдали в архив. Против современной артиллерии и теперешнего способа ведения войны она уже никуда не годится, но в своё время это была грозная сила. Сколько денег было потрачено на неё в своё время! Входят в неё через несколько ворот: Морские, Южные, Северные и Старо-Карантинские. На каждых имеется караул от нашего полка, так как кроме нас в крепости войсковых частей не имеется. Вся крепость состоит из бесконечного числа самых разнообразных фортов, эскарпов[17], контрэскарпов, лютетов[18] галерей, ходов сообщений, батарей, укрытий и других страшных и воинственных сооружений.

Впрочем, все эти сооружения теперь имеют какой-то особый добродушный и мирный вид: такой отпечаток бывает у старых отставных вояк. По валам и рвам бегают,

озабоченно разыскивая себе пропитание, куры; в укрытиях, куда стекает влага и потому растёт особенно пышная трава, пасутся лошади и коровы. На грозных 9-дюймовых орудиях, когда-то сеявших (а может быть, и нет — чёрт их там знает) смерть, весело и задорно чирикают воробьи, а кругом, воркуя и ухаживая с остервенением друг за другом, гуляют по бетонным площадкам голуби.

Вся земля на площади крепости изрыта и ископана. Там, где было ровное место, появились огромные впадины и целые искусственные долины; там, где были холмы, так или иначе «неуместные», они исчезли и появились там, где раньше их не было. Самый грозный форт — форт, обращённый к суше в сторону деревни Старый Карантин — называется «Форт Тотлебен» в честь его строителя, знаменитого генерала Тотлебена. Он, самый высокий из фортов, окружён всевозможными редутами и изрыт колоссальными подземными казематами.

Против Таманского перешейка обращена так называемая 17-орудийная батарея, составленная из пушек крупного калибра. Чтобы неприятельский флот был принуждён проходить под огнём крепостной артиллерии, Таманская коса была в своё время искусственно продолжена в море и удлинена. Все склоны валов и редутов теперь густо покрыты зелёной густой травой, и издали трудно угадать, что имеешь перед глазами грозную крепость.

В своё время всё было прекрасно оборудовано и устроено. Да и теперь имеются радиотелеграфная, телефонная и электрическая станции, бани, лазарет и другие учреждения. Офицерские флигеля, помещения для людей, церковь и собрание прекрасно устроены.

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

Жизнь наша в крепости течёт однообразно и тихо: ловля бычков, утренние занятия с драгунами, стрельба в цель, изредка поездки в город. А вечером, когда ясная и спокойная луна величаво совершает свой путь и гладкое, как зеркало, море чернеет, как бездна, мы выходим и просиживаем до поздней ночи.

Как прекрасны это крымские ночи! Сирень покрыта гроздьями душистых цветов. От их тяжести гибкие ветви томно сгибаются, словно в сладостном изнеможении. Тепло, и душно, и полно разных ароматов. В такие ночи, ночи влюблённых, думается о прошлом, вспоминаются забытые поцелуи и слова, и другие такие же ночи, когда та же величавая луна тихо свершала свой путь и роняла в чёрную воду тяжёлые серебряные слёзы, и так же сгибались ветви сирени до самой земли, не в силах преодолеть дремотных чар южной ночи. Хорошо и спокойно.

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

В то время как я был ещё в Багерове с взводом, в области Старо–Карантинских каменоломен произошёл маленький бой. Трудно было разобрать, в чём именно было дело: кто–то в кого–то стрелял, кто–то от кого–то удирал, и в результате наш конный взвод (единственный в полку) под командой Б. Абашидзе напоролся на «товарищей», был обстрелян, и взводный Воронков попал в плен к «товарищам». «Товарищи» утащили его в свои норы, и всё, казалось, на том и кончилось. Но Воронков был парень не промах: старый драгун, бывший наездником 5–го эскадрона в полку, он стал задумывать бегство. Первые минуты его плена были трагичны. Его хотели расстрелять (увидев погоны подпрапорщика), затем посадили в совершенно тёмный тупик. Так просидел он с другими пленниками в сырой гнилой тьме, получая сухой хлеб и вонючую воду. Потом его заставили выполнять всевозможную чёрную работу: копать, вывозить лошадиный навоз из подземных конюшен, где томилось в бездействии около 25–ти лошадей, чистить людские помещения и т.д.

Он работал старательно, присматривался и запоминал. Постепенно он изучил расположение ходов, наизусть знал, где находятся часовые, штабы, канцелярии и прочие учреждения и, что лучше, вошёл в полное доверие к «товарищам». Через неделю приблизительно ввиду его распорядительности и ума он был назначен взводным и получил полную свободу. Им стали пользоваться как орудием пропаганды и заставили написать несколько писем в эскад-

рон, в которых он убеждал наших переходить в каменоломни и перебить офицеров.

Письма эти дошли, были прочтены, обсуждены и... об них Львову никто не доложил. Не доложили, во-первых, из боязни, во-вторых, по личным соображениям. Всё это пустяки: что люди сомневаются в нашей победе — это я знал; что они из трусости не выдадут изменников — это я тоже знал. Но что Янченко, краса и гордость эскадрона, любимец Б. Абашидзе, строгий взводный, лихой солдат типа нижегородцев старого полка, запевала, балагур, ничего общего с типом «товарища» не имеющий, чтобы, повторяю, Янченко изменил — этого ни я, ни кто-либо из офицеров не мог предположить. А он не только изменил, собираясь бежать, но даже был главным оратором, организатором переговоров и главарём предполагаемого восстания!!

Когда мы узнали, что Янченко, пронюхав о двойной игре Воронкова и его бегстве, перебежал в Карантин, — мы только молча посмотрели друг на друга и беспомощно развели руками. Уж ежели он выкинул такой номер, то на кого же надеяться? Ведь так и друг другу в будущем доверять нельзя! Возьмёт Львов да и передастся «товарищам»; или Маклаков окажется отъявленным коммунистом и организатором подпольной борьбы! Всё теперь возможно, и нет таких невероятных и нелепых предположений, которые не имели бы шансов осуществиться.

Ужас, сплошной ужас! Но бороться надо. Без борьбы мы не сдадимся, и как беспомощных детей нас не перевяжут... Нет, этому не бывать!

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

У дверей и окон пустой и пыльной комнаты стоят на часах гимназисты местной команды с винтовками в руках. Кроме стола и стула, на котором сидит князь Львов, нет никакой другой мебели. В комнате напряжённое молчание. Львов мрачно попыхивает своей неразлучной трубкой, и в его глазах порой такое выражение непреклонной решимости и жестокости, что делается жутко. Рядом с ним стоят штабс-ротмистр Лухава, Фиркс, Люфт и корнет

Попов. В руках у них арапники и нагайки, толстые, узловатые и крепкие.

Я стою у окна с винтовкой и с некоторым замиранием сердца жду, что будет дальше. Перед Львовым стоит бледный, как полотно, человек с взъерошенными волосами. Это Несенов — драгун 3-го эскадрона. По глазам его можно понять, что он догадывается, что пощады не будет, что будет страшная пытка, что впереди, вероятно, смерть, но он ничего не скажет, не выдаст себя ни единым словом, будет отнекиваться от всего. Потому что сознайся он в соучастии к заговору Янченко, тогда смерть очевидна, а так... Кто знает? По лбу его струится пот, и руки дрожат.

Я пристально смотрю ему в глаза и стараюсь прочесть в них что-либо, но ничего прочесть не могу, кроме страха. Львов ещё раз затягивается крепким едким табаком и спрашивает тихо, но с таким выражением, что у всех холодок проходит по спине: не может ли Несенов ещё что-либо рассказать интересного... Тот только отрицательно качает головой.

— Тогда ложитесь.

Несенов ещё больше бледнеет, но не ложится. Лухава внезапно багровеет, так что его вообще тёмное лицо делается почти чёрным, и с размаха ударяет его по лицу. Тот падает на землю. Из рассечённой губы струится кровь. На него как-то по-звериному набрасываются все сразу. Со страшной силой сыплются удары, оставляя на белом нежном теле тёмно-фиолетовые широкие полосы. Всё чаще сыплются удары, всё больше кровавых полос. Они то ложатся рядом, словно образуя какой-то рисунок, то перекрещиваются. Промежутков между ними всё меньше — вся спина делается какой-то отвратительной вздрагивающей массой лилового цвета. Громкий крик, вырвавшийся, несмотря на стиснутые зубы, переходит в стоны.

— Встать!

Жалкая человеческая масса продолжает беспомощно лежать на полу... Зверский удар сапогом заставляет её приподняться, и удар хлыстом по лицу окончательно приводит её в чувство.

— Может быть, теперь что-нибудь вспомнили?

Попыхивает трубка, и бесстрастные, холодные, как сталь, глаза впиваются в другие глаза, полные страха и слёз.

— Никак нет...

— Ложись, собака.

Опять сыплются удары, глухо и тупо, словно с каким-то чмоканьем. Вот лопнула кожа, и брызги крови разлетелись по полу. Теперь жертва мечется, как раненый зверь; каждый удар рвёт кожу и врезается в живое кровавое мясо. От страшной боли появляется нечеловеческая сила. Все наваливаются на руки и на ноги. Кто-то садится на голову. Потом он слабеет и почти умолкает, только вздрагивающие непроизвольно мускулы показывают, что жизнь ещё не покинула истерзанное тело.

— Встать!!!

Грозный окрик на этот раз не действует — жертва как-то слепо и криво ползает, оставляя следы пота и крови на полу, наконец встаёт, но долго не может сказать ни одного слова. Какое-то икание и бульканье вырывается из запёкшихся губ.

Вид у Несенова страшный: смоченные потом, спутанные волосы закрывают глаза; всё лицо, опухшее, как маска, покрыто ссадинами и кровоподтёками.

— Может быть, теперь что-нибудь расскажете?

Голос всё тот же, спокойный, даже мягкий, но в глубине которого звучат какие-то недобрые нотки. Словно игра кошки и мышки. Я весь похолодел. Это первый раз, что я вижу порку.

Несколько хрипов; наконец словно чужой голос слабо звучит в комнате:

— Никак нет...

Львов только слабо махнул рукой в сторону выхода. Ещё одной человеческой жизнью будет меньше. Несенов слишком много видел... да и причастность его к делу несомненна.

Очередь за другими. И входят один за другим бледные, как полотно, люди, и однообразно, с тупым звуком сыплются удары. Руки устают, махрятся нагайки и плети, а работа всё идёт и идёт.

Вечером из нашего дома вышло трое. Двое с карабинами, один — шатающейся походкой без оружия. Где-то раз-

дался выстрел, и вернулось уже двое офицеров. Мало ли бывает случайных выстрелов в крепости, и кому придёт в голову предположить, что в глубине помойной ямы может лежать труп?

Репрессии после янченковского заговора продолжались неделю, но оставили на всех тяжёлое впечатление. Вспомнились средние века, и картины порки с офицерами-палачами и окровавленными жертвами ещё долго носились у меня в глазах.

В эскадроне всё притаилось. Окончательное ли это умиротворение или только затишье перед бурей? Трудно сказать...

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

Наши собираются воевать. Бандиты сильно обнаглели, делают вылазки, хватают заложников, за которых требуют крупные выкупы, ночью производят кавалерийскую разведку для добывания барашков в окрестных имениях и хуторах.

Сегодня мимо Карантина неосторожно проехал штабной автомобиль с какими-то двумя полковниками и был захвачен и увезён под землю. Это происшествие послужило последней каплей в чаше долготерпения наших главковерхов. Решено воевать и посрамить дерзкого врага.

У казарм толпятся драгуны. Кто осматривает затвор, кто прилаживает штык, кто подтягивает пояс с подсумками. Внутри казарм вахмистр Елкашев, молодой, худой и румяный, скорее похожий на ученика гимназии, нежели на вахмистра, раздаёт патроны. Аккуратно откупориваются цинковые ящики, и чистенькие блестящие патроны быстро разбираются по рукам.

У конюшен седлают лошадей: это конный взвод Б. Абашидзе; седлает сам Абашидзе и внимательно осматривает подпруги. Фиркс взгромождает два пулемёта на линейки и привязывает их ремнями. Это новая «добровольческая» система — система возить пулемёты на тачанках и линейках. Вот всё готово и можно двигаться. Шагом марш!

Бодро проходим через всю крепость и подходим к Карантинным воротам. Солнце ещё высоко, и небо безоблачное: хороший день для боя, что и говорить. Все испы-

тывают лёгкое волнение, а некоторые положительно боятся, но, в общем, настроение хорошее.

Некоторое время мы движемся колоннами, потом взводы расходятся и рассыпаются в цепи. Пулемёты идут по дороге, а конные берегом моря незаметно подходят к деревне Старый Карантин. Впереди нас закрывает складка местности, и «товарищи» нас ещё не заметили.

Вот маяк — ещё несколько шагов, и мы пойдём уже, вероятно, под огнём. Невольно заглядываюсь на пылающее вечернее небо. Может быть, через две-три минуты маленький остроконечный кусочек свинца, обложенный более твёрдым металлом, со свистом сверля воздух, вопьётся в лоб или в живот или раздробит кости рук и ног? Как будто нечаянно смотрю на руки. Которая, интересно, правая или левая пострадает? А какие они милые, эти живые, тёплые, полные горячей крови, ловкие, могущие писать и работать руки! О каких, однако, глупостях думаешь!

Вот и ровное место с холмами и рытвинами. Среди сложенных у выходов каменоломен камней мелькают чёрные фигурки. На левом фланге у холмика Фиркс хлопочет, устанавливая пулемёты... Вдруг где-то с нашей стороны раздаётся выстрел. Ответа нет...

Мы медленно двигаемся вперёд. Цепи, словно гигантские змеи, медленно волнуясь и изгибаясь, ползут по лугам, преодолевая холмы и канавы. Фиркс даёт первую очередь из своих пулемётов. Сначала стреляет пулемёт, потом отвечает эхо... Сначала пулемёт — потом эхо... И, словно вливаясь в какую-то зверскую чудовищную симфонию, раздаются сначала жидкие, потом более частые выстрелы. Бой начался...

Я продвигаюсь к большому кургану: если мне удастся его занять, я, правда, буду несколько ближе к неприятелю, но зато будет лучший обстрел. Мы все продвигаемся вперёд. Огонь делается неприятным, но мы уже у подножия кургана, и здесь тихо. По цепи передают приказ остановиться и наблюдать.

Мы ложимся. Я, взводный Гемеркин, драгун Предвечный и двое молодых новобранцев продвигаемся ещё вперёд к маленькому холмику. Огонь здоровый. Фиркс поливает Карантин, бьёт по садам, огородам и кучам камней.

Я выбрал себе целью маленький домик железной дороги. Около него нет–нет да и мелькнёт чёрная фигурка. Тогда я даю выстрел. Фигурка прячется не то от страха, не то раненная... Мои новобранцы все стараются спрятать голову в пыли и в траве. Приходится на них покрикивать. Пули чиркают вправо и влево, взбивая лёгкие облачка пыли. Иногда делают рикошеты об камни и с пением улетают в сторону.

Предвечный опять ткнулся носом в землю, и получает соответствующую реплику от меня... Почему–то он всё–таки не подымает голову и не стреляет. Взбешённый, я уже собираюсь вскочить на ноги и пихнуть его ногой, как вдруг вижу... Бедный! Ему, пожалуй, уже не придётся подымать больше головы... Лужа багряной крови медленно выползает из–под поникшего лица. На травинках поблёскивают в лучах заката маленькие рубины...

Здесь держаться трудно — нас обходят. Подбираем Предвечного и тащим его назад. Приходится проделывать всё это лёжа. Утомительно и неудобно. Уже прошло с четверть часа, как он убит, а он всё ещё хрипит, и что–то клокочет у него внутри.

Мы ещё лежим до темноты. Рядом со мной вольноопределяющийся Панфилов — ещё мальчик. Когда летит пуля, он наклоняет голову, «кланяется», как говорится. «Поклонившись», смеётся и обещает больше этого не делать, но затем не выдерживает и снова «кланяется».

Стрельба смолкает. Небо тихо догорает, словно огненно–розовый пепел. Испуганные стрельбой птички снова неподвижно трепещут крыльями в воздухе и заливаются беззаботной трелью. Всё дышит миром и спокойствием. Откуда–то с моря потянуло сыростью, и последний луч заката поблёскивает в маленьких рубинчиках, качающихся на зелёных травинках.

Керчь

Апрель 1919 г.

Эх–ма, кабы денег тьма! Грустно иметь в кармане четыре рубля пятьдесят копеек крымскими деньгами. А если бы иметь денег, можно было бы недурно прожить в городе.

Меня послали сюда с взводом и с двумя ма́ксимами. Мой взвод носит пышное название «дежурной части». Хо-

роша дежурная часть в составе 8-рядного взвода, долженствующая принести такому большевистскому городу как Керчь мир и благоденствие! Но как бы то ни было, я являюсь важным лицом в славном городе Керчи.

Теперь офицер и вообще, кто бы то ни был, оценивается уже не по богатству, как раньше, не по происхождению, не по занимаемой должности, а по количеству людей и пулемётов, которые он может в данный момент выставить. Это очень характерно. Я, например, олицетворяю собой два максима[19] и 15 архаровцев-драгун. Наумов, начальник партизанского отряда гр. Татищева, оценивается как имеющий человек 40 кавалеристов. Сотник Таманского казачьего полка оценивается ещё выше: к нему уже даже «сам» начальник гарнизона относится с уважением — у него человек 80 казаков.

Кроме сотника, Наумова и меня в городе имеются ещё: отряд генерала Михайлова, Керченская команда (?), отдельная горско-мусульманская сотня есаула Свободинского и ещё какие-то более мелкие части. Ежедневно будем собираться у коменданта, обсуждать положение и вырабатывать меры к охране города. Всего у нас наберётся около 250-300 человек.

Я с трудом нашёл себе квартиру, но недурную: на углу двух главных улиц — Воронцовской и Строгановской. Занимаю я две светлые хорошие комнаты: в одной помещаюсь я и мой помощник Люфт, в другой — мои люди и пулемёты. Имеется балкон, на котором я могу, попивая чай, наблюдать за уличной сутолокой. Против меня в здании Английского клуба помещается сотня Слободинского, состоящая из осетин и текинцев.

Сегодня предполагается, по сведениям контрразведки, нападение на город.

<u>Керчь</u>
Апрель 1919 г.

Мы все сидим у коменданта города полковника Кибича. Мы — это Свободинский, Наумов, Михайлов, я и другие «местные части». Перед нами план города, и мы делим его между собой, как некогда диадохи Александра[20] делили его царство. Так же как и они, мы ссоримся между собой. Я,

например, ясно вижу, что казак-сотник с удовольствием взял бы себе мой участок — «Лизину Рощу»[21] и бульвар у моря — и что он делает соответствующий нажим на коменданта. Но я непреклонен: умру, но «Лизиной Рощи» не отдам; она легко охраняется и далека от опасных, предательских и мрачных окраин города. Кроме того, все торгуются между собой: один уверяет, что ему невозможно брать на себя такой большой участок, что у него не хватает людей; другой просит прибавить ему людей другой части; третий, наконец, уверяет, что ему дали самый скверный участок, что у него ненадёжные люди и т.д.

Наконец город поделён. В 9½ мы должны уже занять свои посты, а после десяти уже никого не должно быть на улицах, и можно расстрелять первого встречного. Об этом уже все знают, и около десяти толпа начинает волноваться и торопится домой. Вот уже 9 часов 50 минут! Многие из публики почти бегом спешат к себе на квартиру...

Я занял уже своё место: «Лизина Роща», в сущности, мало имеет общего с рощей — это просто летний ресторан-тент с выходящим к морю балконом и окружённый группой тенистых деревьев и густыми кустами сирени. Ма́ксимы, словно тачки, протащились, с грохотом подпрыгивая по мостовой, и ещё больше напугали публику.

Вот медленно и торжественно пробило десять на городских часах. Всё тихо, словно вымерло. Каким-то странным кажется город, ещё пять-десять минут тому назад бывший таким оживлённым и шумным. Опустевшие улицы кажутся странно широкими. Их вид как-то не внушает доверия. Асфальт смутно блестит при свете полной круглой луны, словно поверхность какого-то засохшего болота. Тени кажутся невероятно резкими и чёрными и в некоторых впадинах будто налита густая китайская тушь.

Немного напоминает театральные декорации и сцены из средневековой жизни. Здания уже перестали быть современными. Луна то скрывается, то снова выплывает медленно и торжественно из-за мелких облачков. Перед одним из домов растут чёрные, как ночь, тополя. Листва почти скрывает маленький, словно кружевной балкончик. Облокотившись о тонкую балюстраду, стоит какая-то женщина. За её спиной открытая дверь. Видна лампа с тёмно-оранжевым шёлковым абажуром, угол ширмы, по-

золота какой-то рамы. Уголок какой-то чужой жизни... Не хватает испанца с гитарой и звучной серенады.

Шаги гулко отдаются в ночной тишине. Им отвечает слабое эхо. Или нет... Это не эхо — это другие шаги где-то в темноте узкого переулка. Я останавливаюсь, винтовка наизготовке. Останавливается и он.

— Кто идёт?

— Свои.

— Что пропуск?

— Клинок.

— А что отзыв?

— Константин.

Я подхожу ближе и показываю своё удостоверение-пропуск. Это казак Таманской сотни...

Становится свежо. Море кажется серым и мёртвым, даже плеска не слышно. Луна уже зашла, и близится утро. Слышны опять шаги.

— Кто идёт?

— Я, видите ли... Собственно...

— Кто идёт?

— Я, конечно, извиняюсь... но...

— Пожалуйте за мной!

Незнакомец подходит ближе, и лёгкая волна водочного перегара сразу объясняет всё — и позднюю прогулку, и неуверенность походки. Сажаю его под арест и иду дальше.

Спать не хочется. Север светлеет, и звёзды уже почти завершили свой путь. Тихо розовеет восток. Светло-жемчужные тона сменяются алыми. Делается ещё холоднее. Пора идти спать. Вот уже идёт сонная торговка молоком, и, с грохотом прогоняя ночную тишину, катится тележка с зеленью. Где-то залаяла собака. Пора спать.

г. Керчь
Апрель 1919 г.

Ночью было нападение на город: была обстреляна почта и здание контрразведки. Были брошены гранаты, и были жертвы. Наши главковерхи напуганы, тем более что, говорят, будет нападение на здание, где помещается управление начальника гарнизона.

Уже несколько дней, как я несу ночную охрану; мы с Люфтом спим по очереди, но пока тревог не было. Теперь

опять ночь. Луна уже на ущербе, и улицы в какой-то серой мгле. Вдали не то стрельба, не то взрывы. Кто-то выбегает из Комендантского управления; у начальника гарнизона суматоха. Куда-то бегут текинцы Свободинского.

Тревога! Открываются широкие массивные ворота, и грузно выкатывается, гремя передачей, броневой автомобиль... На ходу что-то смазывают, продёргивают пулемётные ленты... Выползает грузовик. Я втаскиваю пулемёты, сажусь; мои люди прыгают на ходу. Страшно трясёт грузовик, пока мы несёмся.

Улицы ещё пустынны, хотя уже часов 5 утра. Мелькают тополя бульваров, сонные дома. В садах пробуждаются сонные птицы. Вот вокзал... Окна все выбиты, кругом обломки и сор. Мечутся какие-то офицеры, куда-то идёт цепь с пулемётом, бегает доктор с бинтами и йодом.

Уже всё кончено. В зале первого класса лежат убитые и раненые. Кто-то умирает... Неужели разбойники ещё долго будут над нами глумиться?

Керчь

Апрель 1919 г.

Около деревни Старый Карантин идёт бой. Жителям поставили ultimatum: или сдаться и перестать явно и тайно помогать разбойникам, или же ожидать грозных репрессий. В море болтается какой-то кораблик, который должен помогать нам своей артиллерией. Наши конные опять пошли берегом моря. Цепи снова ведут наступление от зданий маяка. После короткого боя деревня занята, и красные загнаны под землю.

В деревне, оказывается, сидел всё время наш контрразведчик. Он выдаёт всех: человек 60 расстреляно и повешено. Потом вешают... самого контрразведчика за то, что он на многих наклеветал напрасно. Есть убитые и раненые с обеих сторон. Наши подвозят бочки с мелинитом и начинают снова бесконечные взрывы.

Отсюда из города любопытно за этим наблюдать. Сидишь себе под вечер на бульваре и наслаждаешься дивной погодой. Море, синее, как индиго, сливается с небом, и на нём изредка белеет какой-нибудь парус. Вечернее солнце пригревает прибрежный песок и золотит высокие тополя.

Вдруг на чистом небе появляется высокий чёрный столб где-то за крепостью, за ним другой, третий... пятый... Словно гигантские грибы. Потом методично, через почти равные промежутки времени, тяжко громыхают пять взрывов. Вздрагивают листья на тополях.

г. Керчь
Апрель 1919 г.

Девять часов вечера. Звонок по телефону, очевидно, из крепости. У телефона голос Николая Старосельского. Видно, что он взволнован. Тяжело ранили Фиркса... Да... Возможно, что умрёт... Необходимо сейчас же достать санитарный автомобиль и вывезти его из Старого Карантина... Это всё, кажется... Вот тебе раз! Бедный Димка; неужели он умрёт? Ранен в левое лёгкое навылет...

С трудом достаю автомобиль. Он довольно комфортабельный и мягкий. Это легковая машина фирмы «Пежо». Быстро, несмотря на отвратительную дорогу, мчимся мы к крепости. При луне её чёрные форты, туннели, массивные ворота — всё это словно в сказке. Мелькают деревья, с громом переносимся через мост. Вот Карантинные ворота. Шофёр идёт берегом моря: должно быть, боится обстрела. Въезжаем в деревню. Встречаем солдат-гвардейцев; спрашиваем, где раненые — лазарет оказывается в здании школы.

Большая слабо освещённая комната полна запахом эфира, хлороформа и других лекарств. На стене большие карты частей света и рисунки для курса ботаники. Недавно ещё здесь зубрили малыши. Теперь страдания и смерть.

Долго не могу найти среди раненых Фиркса. Неужели это бледное, обросшее щетиной, старчески сморщенное и худое до неузнаваемости лицо — неужели это наш Димка? На нём нет рубашки и вся его грудь забинтована; волосы на голове сбились.

Он меня, должно быть, не узнаёт. В груди хрипит и клокочет: это кровь, которая заполнила лёгкое и мешает дыханию. Стараюсь его успокоить, но видно, он решил, что дела плохи, и пал духом. Потихоньку выхожу из комнаты и иду искать доктора. Доктор уверяет, что хотя рана тяжёлая, но опасности для жизни нет никакой. Чёрт его

разберёт, врёт он, чтобы успокоить, или же правда рана несмертельная.

Все наконец готовы. Ещё одно вспрыскивание морфия, и автомобиль снова летит в сумерках ночи. Осторожно спускаемся мимо крепости к морю и тихо подъезжаем к городу. Я сижу рядом с шофёром. Внутри, у Фиркса сидят Маклаков и писарь Голосовский. У всех винтовки наготове, так как это опасное место.

По городу мимо бульвара мы идём уже быстрее. Небо посветлело, и скоро будет рассветать. Вот и Воронцовская улица. По ней мы поедем к вокзалу. Но что это? Взрыв, что ли, или ручная бомба? Потом выстрелы: один, другой, потом опять взрыв, но уже ближе. Бегут вооружённые люди прямо толпой. Выстрелы уже рядом, потом вспышка света и оглушительно рвётся ручная граната на перекрёстке улицы. Шофёр старается повернуть автомобиль, мы пятимся, натыкаемся и снова останавливаемся. Сзади нас кто-то стреляет, кто-то кричит нам, но разобрать слов нельзя. Сбоку в другой улице снова рвутся бомбы и трещат выстрелы. Мы снова пятимся, поворачиваем и несёмся назад; кто-то кричит: «Стой!», но нам уже всё равно. Вдогонку летит запоздалая пуля и теряется где-то над домами. Мы спасены.

Когда всё уже успокоилось, мы снова двинулись к вокзалу и благополучно прибыли. Здесь полно раненых, преимущественно гвардейцев, офицеров и солдат из-под Старого Карантина. Худой обнажённый до пояса человек мечется, сидя в постели. Он даже не забинтован: маленькая дырочка в области печени просто залеплена крест-накрест пластырем. Он то беспорядочно размахивает руками, то крутит головой и что-то мычит. Потом постепенно затихает. Я встречаюсь с ним глазами, и не могу больше отвести своих. Постепенно глаза его теряют свой лихорадочный блеск и стекленеют. Потом делаются пристально-неподвижными и тусклыми. Это смерть.

Другой — рядовой Егерской роты — ранен в живот. Вся рубаха его черна от запёкшейся крови. Он лежит на спине и обмахивает живот этой заскорузлой кровавой рубахой. Должно быть, начало перитонита.

У одного офицера совершенно забинтована голова: говорят, едва сумели остановить артериальную кровь. В пе-

ревязочной кто–то отрывисто кричит, и там мелькают озабоченные сёстры то с инструментами, то с перевязочными материалами.

Как печальна и некрасива изнанка войны — та часть её, которая не описывается в романах и не изображается художниками и поэтами. Le rever de la medaille[22]...

г. Керчь. Завод
Апрель 1919 г.

Моё ночное дежурство кончается. Я стою на берегу моря и любуюсь восходом солнца. Картина восхитительная. Море, белое, словно серебро, начинает окрашиваться в медные тона. Оно молчит, немое и прекрасное. Зато в ветвях деревьев несмолкаемое щебетанье проснувшихся и голодных птичек.

Что–то странное делается в Заводе. Раздалось несколько орудийных выстрелов, и даже видны белые дымки разрывов; но странно, что стрельба в самом Заводе! Чуть ли не среди зданий и садов!! Если внимательно прислушаться, то слышна, правда, очень слабо, но всё же слышна перестрелка. Что там случилось? В эту минуту меня вызывают к начальнику гарнизона.

С Брянского завода сообщают, что совершено нападение врасплох на наши части и что много погибло и взято в плен «товарищами»; бой продолжается и оттуда просят подмогу. Положение отчаянное. Немедленно зазвонили телефоны. Я начал собирать людей и ждать автомобиля. Прошло 10–12–15 минут, а автомобиля всё нет. Наконец всё готово.

Уже часов 5 утра. Мы несёмся полным ходом по пыльному и сонному предместью. Вот места, где только что был бой. Около тюрьмы мы слезаем и цепью проходим по садам. Нет никого. В Заводе всё кончено, и мы опять опоздали.

Нападение было смелое и предательское. Один из главных разбойников, одетый в офицерскую форму, обошёл наши посты, некоторые из них снял, узнал пропуск и пароль. Затем подошли к рассвету цепи товарищей и сразу напали на дом, где жил вр. <временно> командующий нашим полком полковник кн. Вахвахов (переяславец[23]). Забросали дом ручными гранатами, застрелили наповал

князя, тяжело ранили полковников Лельевра и Бастамова. Затем почти одновременно атаковали эскадроны, дома офицеров и прочих жителей Завода. Все растерялись. Корнет Накропин был смертельно ранен в живот осколком бомбы.

После первой паники началась отчаянная защита. Конечно, эскадрон новобранцев, почти безоружных, был захвачен почти целиком. В других зданиях Карцев, Счастливцев, Врангель, Кусов, Юзвинский и другие наскоро устраивали баррикады, стреляли из окон, дверей, из–за каменных заборов и углов зданий. Артиллерия наскоро запрягла лошадей и карьером выскочила из ворот под самым носом удивлённых «товарищей», успевших только дать залп вдогонку.

Ездовые подвезли орудия к самому берегу моря — единственному месту, где ещё можно было защищаться, т.к. Завод был уже почти весь занят, а город был также отрезан цепями большевиков. После первых же выстрелов, довольно, кстати, удачных, «товарищи» замялись, тем более, что стало уже светло, а от каменоломен они оторвались уже довольно далеко. Этой заминкой воспользовались остатки наших, сделали нажим, прорвались к морю, к орудиям и там залегли.

Когда я прибыл, всё было уже спокойно: подбирали убитых и раненых, узнавали, кто жив, кто в плену. Рассказывали друг другу, кто как спасся и разные эпизоды боя. Чудом спасся полковник Счастливцев. Его припёрли в угол какого–то здания и дали по нём залп. Он стоял боком, и четыре пули чиркнули по его серому офицерскому пальто как раз против живота, оставив четыре царапины. Он выстрелил. Потом была брошена бомба. Когда дым рассеялся, его уже не было: он воспользовался им и бежал. Действительно, подвезло человеку!

Бастамов ранен в грудь, плечо раздроблено, и кровь идёт сильно. Лельевр ранен тяжело в ноги. Пропало около <цифра отсутствует> человек и два пулемёта. Пулемётчики вместе с взводным (или вахмистром) Потаповым сами предались красным.

В общем, разгром полный, и теперь в Аджимушкае под землёй идёт ликование.

Керчь. Завод
Апрель 1919 г.

Полуденное солнце жарко припекает, и ослепительно блестят белые стены рабочего городка. Резко выделяются красные черепицы. Около крайнего со стороны Аджимушкая домика находится застава. Офицеров при ней трое: Карцев, Люфт и я. Задача у нас нелёгкая: надо уследить за тем, чтобы от нас никто не перебежал к «товарищам» и чтобы нас не захватили врасплох. Дело идёт к вечеру. Скоро придётся выставлять секреты и полевые караулы.

А что толку в этих секретах? Ведь достаточно, чтобы оказалось двое негодяев в них, и «товарищи» свободно пройдут никем незамеченными! А такие двое уже имеются: это Башков и Журов... Про них мне всё рассказал охотник Голосовский, человек верный.

Он слышал разговор весьма характерный, в котором участвовали двое упомянутых драгун и третий — Герман. Говорилось, что в случае нападения сохрани Боже стрелять, а лучше прямо броситься на офицеров, обезоружить их и перейти к большевикам. Миленькие разговорчики!! Можно ли воевать после этого?

Но делать нечего. Башкова и Журова пошлю как связь к соседним частям. Если желают перейти, то пусть лучше переходят скорее; двумя мерзавцами меньше будет... А в охранение выставлю более надёжных.

А кто эти «более надёжные»? Голосовский, Диденко, пожалуй, Цибульников... А остальные? Щербина мне определённо не нравится; его брат — также; остальные не то что перебегут, но драться особенно упорно тоже не станут, просто ходу дадут. Придётся самому всю ночь обходить посты.

А ночь тёмная и безлунная. Сырость и роса такая, что трава вся сегодня, как тёмное серебро. Вдали горят высокие фонари Завода и слабо освещено небо над городом.

Керчь. Крепость
Май [24] 1919 г.

Опять крепость. Все мы несём дежурства по дивизиону. Ночью объезжаем верхом все посты. Их много: один у Морских ворот, затем у пристани, у Южных и Северных

ворот, у Карантинных ворот, у Минного люнета и у Гауптвахты.

Гауптвахта вся переполнена. Здесь есть и арестованные за буйство и скандалы офицеры, и красные шпионы, и агитаторы, и просто уголовные особо опасные преступники. Ко вторым принадлежит Белоус, Павленко; к последней категории — убийцы семьи Золотарёвых: Стельман, Чудаков и ещё двое.

Дело Золотарёвых — дело кошмарное: целая семья была вырезана самым бесчеловечным образом. Сегодня передано по телефону, чтобы мы повесили этих господ. Они уже знают об ожидающей их участи, но держатся с удивительным достоинством: спокойно, но без вызова. К ним входит Ю. Абашидзе. Его почему-то на гауптвахте все даже любят. Убийцы просят, чтобы их не вязали, но Абашидзе на это замечает, вполне, впрочем, резонно, что рисковать не желает: «А вдруг удерёте? Чёрт вас знает...». Они улыбаются и обещают не удирать.

Внизу у подножия фортов есть полянка — небольшая, уютно покрытая зелёной травкой, с одиноко растущими развесистыми деревьями. Прямо восхитительный уголок, словно предназначенный для пикников. Но сегодня не пикник там будет, а что-то совсем другое... На ветвях одного из деревьев висят пять верёвок. Имеется и табуретка: всё, что нужно. У ствола толпится народ: драгуны, которые будут вешать, много офицеров, охраняющих полянку, священник и просто любопытные солдаты. Их лица, смутно белеющие в наступающих сумерках, выражают любопытство и нетерпение.

Преступников ещё не привели. Впрочем, вот и они. Их только трое: одного — Чудакова — помиловали. Руки их привязаны к туловищу и связаны крепкими тонкими верёвками. Один из них прямо красавец — высокий, статный, с кудрявыми чёрными волосами. «Выходи кто-нибудь!»

Один из убийц, не дожидаясь повторений, смело выходит вперёд. Забраться на табуретку ему нелегко, так как руки связаны; кто-то помогает и подпихивает его вверх, но, оказывается, верёвка слишком коротка и от головы до неё остаётся ещё с четверть аршина. Приходится на руках поднять его, чтобы голова была на одном уровне с верёвкой. Он тяжёлый, и это нелегко. Его чуть не роняют,

но наконец голова попадает в петлю, и он сам движением головы поправляет верёвку, застрявшую у подбородка. Потом табуретка падает на землю, и человек пять ещё дёргает его вниз, думая, что он скорее задохнётся. Но получается только хуже. Верёвка обрывается, и тело с глухим шумом падает на траву. Кто-то хватает его за верёвку и, волоча по земле, тащит к яме. Но, видно, мы плохие палачи... Жертва ещё не умерла, она хрипит и бьётся, как какая-то рыба: «Если вы не умеете вешать, так... не беритесь... проклятые... только... мучаете даром...»

Все невольно бледнеют. Холодный пот выступает у меня на лбу. Противно, и жалко, и стыдно. Даже Абашидзе, далеко не мягкий, растерялся и приказывает дострелить. Маклаков и Люфт, почти не целясь, поднимают свои винтовки. Два почти одновременных выстрела... Лёгкий синий дымок, брызги мозга и крови... Тело падает на траву; дёргается развороченная голова, кровь с бульканьем и хлюпаньем идёт из горла, потом всё затихает. Пахнет тошнотным запахом крови. Тащат <казнённого> к яме. Тело ещё дёргается, и когда кто-то спихивает его вниз, оно, словно тяжёлый мешок, согнувшись пополам, падает на землю, долгий хрип ещё раз раздаётся из его горла. Но уже никто не обращает внимания, и земля крупными комьями скоро покрывает дёргающееся тело...

Второй разбойник, Стельман, не выдерживает и нервным, прерывающимся голосом протестует:

— Что же это такое? — живого человека в землю закапываете!

— Он уже не живой, — успокаивает его кто-то из драгун.

— Ну, выходи, следующий!

Оба переглядываются, но никто не выходит. Видно, их мужество дрогнуло. Да это и не удивительно! Потом, чуть слышно: «Ну, выходи ты, ведь ты первый резал...» И Стельман выходит. Ему предлагают расстрел вместо повешения. Он отказывается. Происходит какой-то странный кошмарный торг...

— Уверяю вас, что расстрел лучше: раз — и готово.

— А мы настаиваем, чтобы нас повесили.

— Вы же сами видели: драгуны не умеют вешать; только мучение будет.

— Вам приказано вешать, так и вешайте!

...Наконец Стельман устало машет рукой — делайте, мол, как хотите. Не всё ли ему, в сущности, равно?

Темнота уже спустилась и чёрным саваном покрыла полянку. Закончилась сцена из драмы человечества. Театр ужасов, и крови, и смерти. Характерно, что после того, как казнь была совершена, все, как один человек, вынули папиросницы и закурили. Хоть слабый, а всё-таки дурман. Потребность искусственного возбуждения.

Впрочем, уже через полчаса все забыли про казнь, и я сам ужинал с немалым аппетитом.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Бывают кладбища удивительно живописные: старинные могилы чередуются там с великолепными гробницами, художественными памятниками и мавзолеями. Бывают и поэтические кладбища. Там грустные плакучие ивы склоняются к мрамору плит и, словно мистические чёрные зловещие свечи, вырезываются на светлом фоне неба пахучие могильные кипарисы.

Бывают мрачные, страшные склепы, где тяжело давит низкий свод, словно крышка гроба, где тяжело оставаться одному с мертвецами. Но не променяю наше крепостное кладбище ни на Генуэзское Campo Santo, где лучшие гении человечества создавали себе бессмертную славу, ни на простое грустное деревенское кладбище, ни на роскошный склеп. В нём лишь скромные земляные холмики с простыми деревянными крестами. На его скудной глиняной почве, овеваемой со всех сторон суровым морским ветром, не уживаются даже самые неприхотливые кусты. Но сколько в нём простоты и величия!

Словно гигантская каменная шпора, впивается в море узкий крутой мыс. Со всех сторон море, со всех сторон воздух. Его склоны почти отвесны. С одной стороны где-то внизу толпятся домики, копошатся люди, вьётся пыль, дым, словно в муравейнике; дальше море, чудесная голубая бухта, мыс Еникале. С другой — море, необъятное, бесконечное, а над ним небо с беспокойными, рваными, гонимыми ветром облаками.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Я снова в Карантине. Осада ещё продолжается. Взрыв за взрывом, воронка за воронкой... Уже две трети входов завалены. В воронки на всякий случай загоняются проволочные ежи, и потом всё это ещё засыпается.

Население Карантина мобилизовано и работает. Они прекрасно сознают своё ничтожество и пред сарказмами Львова только опускают голову. Чтобы им показать, как надо работать, мы решаем сделать подземную разведку. Гвардейцы заметили наши приготовления и смотрят недоверчиво. Не верят, что мы рискнём войти в эти дырки, даже проходить около которых они боятся. Но вот всё готово, и мы входим.

Здесь как-то мрачнее, чем в Багерово. Галереи уже и потолок ниже. Меньше длинных прямых галерей, а всё какие-то бесконечные повороты и тупики. Настоящий лабиринт... Находим бочки с селёдками, потом натыкаемся на лошадей. Бедные животные зверски привязаны на слишком короткий недоуздок и дрожат от ужаса, голода и, главное, невыносимой жажды. Мы спешим их вывести и снова углубляемся под землю.

Натыкаемся на «товарищеский» цейхгауз. Чего тут только нет! И зерно, и крупа, и мука — всего около 50 мешков. На стене на крючьях висит мясо. По стене идёт телефонная проволока. Здесь где-то, по показаниям Воронкова, должен находиться автомобиль. Мы долго его ищем и наконец находим в конце обрушенной галереи.

В общем, день удачный, тем более что мы извлекли ещё знамя красного отряда. Оно, конечно, ярко-красное, и на нём белыми буквами написано: «Грозный балшевицкий Ден. отряд».

«Ден.» обозначает, что это отряд Денисенки. Денисенко раньше был подпрапорщиком в пехоте и имел полный бант. Это человек редкой находчивости и непоколебимой твёрдости и мужества. У него есть помощник: некто Татаринов, начальник команды разведчиков, бывший дотоле лакеем, метрдотелем и даже актёром-любителем. Это тоже очень храбрый человек.

Если прибавить к этому, что каменоломщики — иде-

альные стрелки, то становится понятным, что борьба с ними — нешуточное дело, и нелегка будет победа.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

В Карантине всё кончено. Гвардейцы наглухо засыпали все ходы. Часть разбойников пробралась в Аджимушкай, часть — в Оливинскую скалу, часть погибла.

Эскадрон перешёл в Аджимушкай к Брянскому Заводу. Я остаюсь в крепости, так как в Карантине вывихнул себе ногу.

В Аджимушкае идёт бой. Из крепости выстрелов не слышно, но зато видно всё как на ладони. В рейде стоят английские миноносцы №№ 77 и 58 и бьют по деревне Аджимушкай. Туда же бьёт наш бронепоезд с Завода. Снаряды разбивают дома, крошат каменные заборы и подымают облака пыли. Выстрелы гулко раздаются в бухте.

Аджимушкай серьёзнее Багерова и Старого Карантина. В Багерове было около 60 разбойников и у нас 2 эскадрона; в Карантине было около 150 разбойников, а у нас — наш полк и гвардейцы. Здесь у врага около 600–800 человек, а у нас кроме нашего Сводно-Кавказского полка и гвардейцев есть ещё 2-й Офицерский конный генерала Дроздова[25] полк, затем Крымский конный полк, казачьи сотни — Таманская и Слащевского конвоя[26], кроме того, так называемая Керченская рота.

С первого же наступления мы загнали противника под землю. Но самое расположение отверстий — беспорядочное и на огромной площади — и то, что отверстия частью выходят в самую деревню между домами, делает осаду крайне трудной и опасной.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Ранены Николай Старосельский, корнет Массальский и штабс-ротмистр Лухава. Старосельский ранен очень тяжело — в обе ноги гранатой и пулей. Левая нога просто прострелена, правая сильно разворочена. Львов расска-

зывал, что когда Старосельского перевязывали, то из открытой раны так и сыпались куски жёлтого жира! Такой он был упитанный юноша.

Массальский, вероятно, умрёт: пуля пробила грудь и, по–видимому, задела позвоночник, так как вся нижняя половина тела от пояса и ниже уже отнялась. Лухава ранен легко — пуля задела плечо.

Убит капитан Юрий Червинов, храбрый начальник нашей подрывной команды. Его привезли хоронить в крепость. Убит он был следующим образом: стояли двое — он и Ю. Абашидзе — у входа в галерею. Червинов прицелился, так как ему показалось, что в глубине что–то мелькнуло. В этот момент грянул выстрел. Бедняга только вздохнул и упал замертво. Пуля попала прямо в правый глаз и вышла из затылка.

Если так будет продолжаться, то каменоломни дорого нам обойдутся.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Мы сидим прямо над обрывом. Перед нами бухта, невидимая в темноте безлунной ночи. Только около берегов бесчисленные огни трепетно дрожат и отражаются золотистой рябью в воде. Город весь сияет огнями и окутан светлой дымкой. Там всё спокойно: так же медленно и беспрерывно переливается толпа, и рестораны полны народом.

Здесь у нас тоже спокойно и тихо под звёздным небом. А там — в Аджимушкае — в это время идёт бой. Ночной бой. Льётся кровь, ружейная трескотня похожа то на треск разрываемой материи, то на клокотание кипящей воды. Пулемёты дают очередь за очередью, ленты всё идут и идут, и, наверное, уже давно кипит вода в круглых стальных кожухах. Беспрерывно бьют орудия с поезда и с двух английских контрминоносцев.

Сверля воздух алмазным мечом, беспокойно передвигаются лучи прожекторов, то скользя по деревне Аджимушкай, то внезапно впиваясь в какое–нибудь особенно интересное место. Невидимые в темноте дома внезапно ослепительно вспыхивают, когда добирается до них любо-

пытный луч. И тогда, вероятно, всё ложится в том месте, объятое паникой... Потому что луч редко бывает один: за ним следует громовой выстрел, и, переходя с высокого тона на альт, летит снаряд и врезывается в землю оглушительным снопом осколков, визжащих, шипящих и воющих, как рассерженные звери.

Изредка где-то, вероятно, около завода медленным, плавным подъёмом взметается ракета, то синяя, то кроваво-красная, вспыхивает, как какая-то сказочная звезда, и сейчас же вслед за ней раздаётся выстрел с английского миноносца, более резкий, чем орудийный. Что-то летит, словно курьерский поезд, с шумом, шипением и треском. Потом лопается, и вдруг, словно какое-то ночное солнце, появляется ракета: огромная, ослепительно-яркая, освещающая самые затаённые закоулки Аджимушкая. Она медленно, словно нехотя, опускается вниз и гаснет где-то у самой земли. Подымается невообразимая трескотня; молчаливые в темноте, пулемёты сразу начинают трещать на все лады. Бьют гранатами, бьют с кораблей. Как только гаснет ракета, те, что лежали, вскакивают, делают перебежки, бросаются вперёд, атакуют, кричат; только слышны отдельные выстрелы в упор.

Так как расстояние до Аджимушкая большое и свет передаётся быстрее звука, то получается обманчивое впечатление, будто когда вспыхивает ракета — всё молчит, потом, когда она гаснет — подымается стрельба. Мы тихо сидим и внимательно смотрим. Странно чувствовать себя в полной безопасности, когда там идёт такой смертоносный огонь. Впереди у меня хороший ужин, потом мягкая пружинная кровать, а там будут драться, может быть, до утра; глаз не сомкнут уже наверняка и будут промокшие лежать, дрожа от холода и сырости в мокрой траве и липкой глине. Немного стыдно. Мы все сидим и смотрим. Стараюсь вообразить себе, что там делается и что переживают в эти минуты наши солдаты и офицеры.

Постепенно всё стихает. Кто победил? Пока неизвестно. Но отдельные выстрелы и очереди из пулемётов не умолкнут до самого утра. Будут лежать <противники>, притаившись, как звери, и наблюдать, а с первыми лучами солнца бой возобновится.

Всей душой рвусь туда, в этот разрушенный Аджимушкай, но нельзя ехать — нога болит.

<u>Керчь. Крепость</u>
Май 1919 г.

Приехал Борис Абашидзе. По его рассказу, дело было так. После прибытия из крепости эскадроны расположились перед Аджимушкаем. Ночью раздалась стрельба. 4-й эскадрон отступил под напором противника. 3-й и переяславцы пошли на подмогу, потом были отбиты, но затем снова перешли в наступление. Там все эскадроны несколько раз передвигались то вперёд, то назад. К утру мы были окончательно отброшены к полотну железной дороги.

У бедного Бориса Абашидзе ужасно жалкий вид: он измучен утомительными боями и сторожёвками, нервы у него истрёпаны, он всё видит в мрачном освещении, не надеется на будущее, клянёт начальство и убеждён, что скоро будет убит. Жаль его.

<u>Керчь. Крепость</u>
Май 1919 г.

Я уже почти поправился, но Львов, несмотря на мои неоднократные просьбы, ни меня, ни Маклакова из крепости не выпускает. Изредка хожу к полковнику Потёмкину, начальнику штаба генерала Ходаковского (начальника гарнизона). Он очень милый человек и живёт в крепости в хорошем большом доме на самом берегу моря. На большой террасе, сидя за хорошо сервированным столом, чувствуешь себя, глядя сквозь белую балюстраду на синее море, где-нибудь на Лидо или на Ривьере.

В Аджимушкае военные действия затягиваются, и уже целую неделю идёт лишь вялая стрельба. В «сферах» твёрдо решили покончить с этим злом, и сегодня ночью будет общее наступление и ночная атака.

Керчь. Крепость
19 мая[27] 1919 г.

По телефону сообщают из Аджимушкая, что деревня и каменоломни окружены и заняты. Ранены Б. Абашидзе, гр. Мусин-Пушкин, поручик Синькевич (переяславец) и много драгун. Дольше сидеть в крепости я не могу. Сажусь на линейку, забираю мешок с бельём, винтовку, полушубок и еду в город. Со мной Люфт.

Настроение мрачное. Абашидзе ранен очень тяжело: пуля пробила шею, ноги отнялись; Пушкину пуля зверски раздробила правую руку, она осталась висеть на куске мяса — кости, словно щепки, торчали во все стороны. Руку отняли у локтя. Синькевичу разбили вдребезги левую руку, и ему сделали ампутацию у самого плеча.

Как всё это печально! Лазарет в здании мужской гимназии полон ранеными. В палате полумрак. Страшно-бледный, с лихорадочными глазами лежит Пушкин. Вместо правой руки — культяпка, толсто обмотанная бинтами. На нём нет рубашки, и тело какого-то землистого цвета, словно у трупа. Абашидзе лежит на спине. Голова так забинтована, что видно только глаза, нос и открытый рот. Ему тяжело. Он не может двигать руками и чуть слышным шёпотом выговаривает только одно слово: «Мухи». Я сажусь и отгоняю их, когда они садятся ему на лицо...

Синькевич тоже мучается. И ему, и Пушкину кажется, что руки их ещё не отрезаны и чувствуется боль в несуществующих уже пальцах. Какое-то чувство жалости ко всем этим калекам, к другим, ещё не убитым, к самому себе, который тоже, быть может, будет подбит через час, охватывает меня. Нервы не выдерживают, и я начинаю судорожно рыдать. Плачут и Люфт, и Воронков. У Маклакова слёзы так и катятся по щекам. Стыдно проходящих по коридору: я отворачиваюсь к стене и опираюсь на винтовку. Кто-то ласково берёт мою руку. Это сестра Стессель. Надо взять себя в руки... Довольно.

Слёзы высыхают, только горят ещё глаза, и слепая злоба вдруг охватывает меня с такой силой, что кулаки судорожно сжимаются... Ах так! Ну, ладно, ещё посмотрим, кто кого победит... Посмотрим ещё, сумеем ли мы отомстить... Увидим, кто будет болтаться на фонарях!!!

«Вали скорей!» Мчится линейка, прыгает на ухабах. Аджимушкай уже близко. Идёт перестрелка. Изредка громыхнёт ручная граната и хлопнет мина. Около Царского кургана есть другой, поменьше: его прозвали Комиссарским. Почти на самом его гребне стоят два пулемёта, и около них возится Ермолов. Его уже чуть не задело.

Стрелки против нас отличные, а расстояние пустячное: каких-нибудь 50–100 шагов! Пули то и дело отскакивают от пулемётных щитов и чиркают по камням. Противника не видно: он засел среди разрушенных домов, холмиков, каменных заборов и камней. Как только появится на мгновение чёрная фигурка, надо бить... бить скорее: если сам не убьёшь, то почти наверняка получишь пулю в лоб.

Эскадрон залёг за хребтиком немного сбоку. Надо до него добраться, а это не так просто. Для этого надо пробежать шагов сто по совершенно открытому месту, которое всё время обстреливается в упор. Но делать нечего. Собираюсь с духом, совершенно с таким же чувством, как ныряешь вглубь или прыгаешь с высоты, и пускаюсь полным ходом, низко пригнувшись к земле. Рядом бежит Люфт. Пули так и свистят. Ложимся, а то они пристрелялись. Маленький холмик едва защищает нас от пуль. Рядом кто-то лежит и стонет. Оказывается, мы не одни: рядом Гоппер, раненый солдат Герман — тот самый Герман, что вёл подозрительные разговоры, и фельдшер. Герман ранен в живот, пока носил патроны для эскадрона. Фельдшер его перевязал, но вынести его до вечера нет возможности, а теперь только утро! Весь день промучается на жаре!

Осталось пробежать шагов 25–30, но противник сбоку тоже шагах в 40–50!! Не одна винтовка нацелена, наверное, на наш холмик, зная, что мы скоро вынуждены будем бежать вперёд. Страшно и даже невозможно кажется идти дальше... А идти надо! Чтобы оттянуть неприятный момент, предлагаю Гопперу покурить. Курим нарочито медленно и с расстановкой. Но как-то быстро оказывается, что папироска выкурена и что бежать всё-таки надо. Тем более что все на нас смотрят. Гоппер собирается с духом, вскакивает на четвереньки... Пуля в одно мгновение вздымает песок и камешки около самой его головы. Какой-нибудь вершок! Он снова ложится. Выкуриваем ещё по одной

папироске... Я предлагаю бежать поодиночке: «Ну!.. раз! два... три!!!»

Разом вскакивает Люфт, за ним я, сзади тяжело бежит долговязый Гоппер... Шумит только ветер в ушах да чиркают, поют, свистят пули то справа, то слева, то между ног, то у самого уха. Скорей... Скорей... Вот и эскадрон! С размаха бросаемся прямо мордой в пыль и тяжело дышим. Последняя пуля где-то фальцетом поёт над головой, но теперь уже нестрашно. Пусть себе поёт на здоровье. Мы вас уже больше не боимся!

Весь день лежим мы в грязи. Два раза шёл дождь. Два раза снова появлялось солнце и сушило нас. После второго дождя мы, вероятно, не вполне просохли. Мой полушубок линяет чем-то жёлтым, вероятно, мелинитовой пылью.

Весь день шла стрельба и бросание гранат. Уже второй убитый лежит среди нас, широко раскинув руки и смотря стеклянными глазами в вечернее небо. Из дырки в голове на траву вывалились мозги, но он дышит ещё, хотя и бессознательно. Уже не одна сотня пустых гильз валяется у наших ног. Руки пахнут порохом, и хочется спать.

Кто-то бежит с Комиссарского кургана. Крутом него летают пули. Передаёт беленький конвертик, тот самый, из-за которого он сейчас чуть не был убит. Приказание гласит, чтобы немедленно рыли окопы в том месте, где сейчас находимся.

Рыть так рыть. Окопы придётся сильно загибать, так как позиции иногда обстреливаются фланговым огнём. Начинаем копать. Земля твёрдая и каменистая и плохо поддаётся. Рыть приходится лёжа. Я тоже рою, потом спускаюсь немного ниже. Мне эти окопы не нравятся. Сбоку откуда-то положительно бьют по нам! Или это кажется только? Нет, уже отчётливо свистнула пуля, где-то под ногами. Ясно, что хотят попасть именно в меня и Люфта. «Знаете, уйдёмте куда-нибудь, к чёрту, отсюда, а то это рытьё окопов кончится бедой!»

Но Люфт не хочет уходить. Опять пуля резко пропела на уровне головы. Вдруг какой-то резкий удар подбросил правую руку вверх. Будто палкой по руке... Такое чувство бывает, когда ударишься локтем об край стола, и электрический ток неприятно проходит по телу. Потом острая, но-

ющая боль сразу сжимает руку у локтя, словно что-то дёргается и дрожит в кости...

Я понимаю, что меня ранили, и быстро схожу вниз. Горячая кровь стекает по рукаву. Боль прямо невыносимая, холодеет всё внутри, и на всём теле выступает холодный пот. Хочется броситься на землю и кричать. Бритвой разрезают рубашку и делают перевязку индивидуальным пакетом.

Надо бежать к кургану, так как уже темно и надо ехать в город в лазарет. Но бежать не могу, надо сначала придти немного в себя, а то как-то весь ослаб. Ложусь на спину и лежу минут пять, посматривая на вечернюю зарю. Потом разом вскакиваю и во всю прыть бегу назад. По дороге машу шапкой, чтобы успокоить своих, что сидят на кургане.

Ермолов бьёт из обоих пулемётов, чтобы ослабить огонь противника. На кургане мне делают ещё одну, более тщательную, перевязку. Затем сажусь на линейку и еду в город.

После стрельбы здесь как-то странно тихо. Купы деревьев темнеют сплошной массой, и на их фоне белеет церковь. Откуда-то несётся запах белой сирени. Сквозь листву горят окна пригородных дач и слышится пение. Поёт женский голос. Как здесь спокойно и хорошо! И при мысли, что мне не придётся больше ночевать в мокром тулупе под открытым небом, что меня ждёт тёплая белая лазаретная палата, что я отдохну и скоро пройдёт самая боль, и что я наконец ранен, меня охватывает безумная радость. Хорошо быть легко раненным! Будешь потом гулять этакой «жертвой» войны.

В лазарете 5-й тех. дивизии меня долго заставляют ждать. В перевязочной уже кончается работа; я последний раненый за сегодняшний день. В ящике полно уже от окровавленных бинтов и марли. Доктор устал: день был жаркий.

Руку разбинтовывают. С болью отдирают повязку. Бог ты мой! Ну и рука!.. Вся оранжевая и испещрённая, словно мрамор, тёмно-лиловыми пятнами и полосами. Это кровоподтёки и подкожное кровоизлияние. С обеих сторон по маленькой аккуратненькой дырочке, из которых пульсируя выползает кровь. Доктор пробует вертеть рукой, но боль тогда делается нестерпимой. Очевидно, затронута кость.

В палате я спать не могу. Сестра обещает морфий, но почему-то его не даёт. Я всё ворочаюсь, но боль такая, что спать немыслимо. Кругом стоны: то кто-нибудь просит воды, то кто-то бредит. Мешает лампа наверху, и какое-то пятно на стене словно пухнет и растёт. Скоро оно займёт всю стену. Эге! Да это попросту бред... Значит, жар есть всё-таки.

Ночью заходит сестра:

— Вы, я вижу, всё ещё морфия дожидаетесь; ну, Бог с Вами.

Смеётся и идёт за шприцем. От морфия как-то тупею, но спать всё-таки не могу.

<u>***Тамань***</u>
20 мая 1919 г.

Пароход плавно отчаливает от берега. Палуба мирно вздрагивает, как будто внутри, под нею, бьётся огромное послушное сердце. От всего случившегося, от боли, от бессонной ночи в голове какая-то пустота и всё тело ноет. Но теперь, днём, болит меньше.

Пароход называется «Киев». На его стройной мачте широко развевается флаг Красного Креста. В главной каюте устроена перевязочная. Там кого-то потрошат. Пароход страшно переполнен. На палубе не протолкнёшься, но зато можно дышать, а внизу, где лежат тяжелораненые, хуже. Там лежат Пушкин и Синькевич. Пушкин держится настоящим героем. Ни слова жалобы, ни стона.

Уже близок Таманский берег. Он обрывистый, наверху станица, где когда-то был Лермонтов. У пристани дожидаются двуколки. Мы попадаем в лучший госпиталь — Алексеевский. Другие значительно хуже. Когда я вхожу в госпиталь, уже ночь. Толпа больных с любопытством разглядывает новоприбывших. Меня с Пушкиным сажают на стулья, появляется сестра, тёплая вода, щётки, мыло, полотенце. Нас в одну минуту раздевают, моют, дают чистое бельё и халаты, ведут в палату, укладывают в чистую постель и в довершение блаженства дают чаю... Вот это лазарет!

Рядом со мной лежит Николай Старосельский и Пушкин. Дальше — полковники-переяславцы Лельевр и Бас-

тамов. Бедному Старосельскому очень плохо. Дело в том, что, когда он был на «Киеве», ему сделали неудачную операцию и зашили рану. Здесь сняли швы и увидели, что начинается сильное нагноение и гангрена. Пришлось сделать ещё одну жестокую операцию. В общем, за эти операции ему вырезали несколько фунтов мяса!! Он не может шевельнуться, страдает и, по-видимому, боится умереть.

В комнате (это здание школы) горит перед образом лампадка. Похоже на часовню. Когда я об этом сказал Старосельскому, он страшно обозлился. Бедный мальчик сделался мнительным и суеверным.

<u>***Тамань***</u>
21 мая 1919 г.

Эту ночь я опять не спал. Сегодня мне сделали перевязку. Немного неприятно, что перевязки делают одновременно чуть ли не восьми человекам; сидишь на стуле и видишь, как роются в ранах, делают перевязки, и люди стонут, корчатся и мучаются.

После перевязки я блаженно растянулся и закурил. Пришла старшая сестра Щетинина — жена Щетинина, Екатеринославского губернатора — та, что вчера меня мыла. Какая милая женщина и какая работница! Вот энергия! Прямо диву даёшься...

Вообще здесь все вполне приличные сёстры и очень симпатичные: Одинцова, Ольхина, Фрейберг, Яновская и другие. Яновская прямо душка. Бывают женщины, которые самой природой предназначены быть сёстрами милосердия. Ухаживать, утешать и успокаивать... Когда она входит только в комнату и смотрит на вас своими добрыми голубыми такими женскими глазами, уже кажется, что боль как-то утихает. Всё в ней мило: и мягкая неслышная походка, и руки, которые не делают больно, и голос, в котором такие нотки, которые сразу утешают и умиротворяют.

Но довольно об сестре Яновской, а то ещё можно подумать, что я в неё влюблён. А этого нет. К тому же она красотой не отличается.

<u>Тамань</u>
22 мая 1919 г.

Мне гораздо лучше. Боль почти прошла и только ноет где-то в костях. Впервые за эти дни я выспался, но так, что все даже удивились: спал часов 18 подряд. С трудом оделся и вышел в сад.

Какая прелесть! Белые акации густо покрыты цветами, словно опушены снегом. Гудят пчёлы, и свежий, сладкий запах проникает даже в наши палаты. Старосельского и Пушкина вынесли в сад. Их носилки лежат рядом в густой зелёной траве. Солнце сквозь густую листву акаций играет яркими бликами по белизне простыней. Сверху падают лепестки акаций, словно душистый, как мёд, снег.

Меня охватывает какая-то детская радость — радость жизни, радость молодости. Как всё хорошо складывается в жизни! Даже индюк, который напыщенно делает круги около нас, и тот нужен для общей гармонии: он — необходимый штрих общей картины.

Невольно взглядываю на Пушкина и Старосельского, и радость моя меркнет. Делается стыдно за свой эгоизм. И не такими весёлыми кажутся уже золотые зайчики, которые бегают по бледному лицу Пушкина. Он лежит, и глаза его неподвижно устремлены куда-то вдаль. О чём он может думать? Бедный, бедный Алексей!!!

Гражданская война 1919 г.

Вторая тетрадь

с. Болячев
17 ноября 1919 г.

Вот и вернулся из Батума, но в каком виде — усталый, покрытый вшами, с хроническим бронхитом. Да оно и неудивительно: ехал 17 суток. До Ростова добрался благополучно; там узнал, что Екатеринослав занят шайкой Махно и поезда не ходят.

Это даже не шайка, а настоящая армия численностью до 15 000 пехоты и кавалерии при пулемётах и артиллерии. С запада прорвались к нему 5000 при 16 орудиях и 100 пулемётах. Будучи прижат к Петлюре частями 5-ой пехотной дивизии генерала Оссовского (2-го Армейского корпуса генерала Промптова), он собрал свои силы в этом тылу и обрушился на участок Севастопольского полка <нрзб> фронта <нрзб.> на востоке, где и захватил несколько городов — Мариуполь, Бердянск, Александровск и Екатеринослав.

Поэтому мне пришлось ехать через Лозовую, Харьков, Полтаву, Кременчуг, Знаменку, Бобринскую, Христиновку, Казатин. До Казатина доехал на базе бронепоезда «Новороссия». Приятная служба на бронепоездах! Повоевал, вернулся в базу, вымылся, потом выспался в тепле и утром снова вперёд. От Казатина доехал до станции Попельня, что на Фастов-Киев.

Кстати, чтобы иметь возможность доехать последние 18 вёрст, пришлось мне и ехавшим со мной офицерам ломать забор, пилить вытащенные брёвна пополам, волочить их до паровоза, грузить их на тендер и чуть ли не помогать машинисту растапливать паровоз. Да, настали последние времена, как говорится.

В Попельне встретил нашу летучую почту, взял подводу и поехал через Койповку, Корпин на деревню Соловеевку. В Соловеевке встретил корнета Люфта с разъездом и наш полковой обоз с поручиком Счастливцевым. И как со мной всегда бывает, с места попал в разъезд.

Дело в том, что мимо нас промчались (именно промчались) совершенно обезумевшие артиллеристы 4-й Корни-

ловской батареи. Их сильно обстреляли (по их словам) около д. Морозовка. Они начали отходить и, по–видимому, так поспешно, что одно орудие на повороте у моста слетело с насыпи и повалилось в глубокую канаву, где и застряло.

Обсудив создавшуюся ситуацию, я собрал три разъезда, которые случайно были в этой деревне: как сейчас помню, это были разъезды корнета Лемаршана 2–го эскадрона, поручика Юзвинского, тоже 2–го эскадрона, и корнета Люфта 3–го (нашего) эскадрона. Будучи старшим в этой компании, я стал во главе этого соединённого разъезда, приказал артиллеристам подать передок орудия, посадил ездовых и повёл всю компанию на деревню Морозовку.

Было уже темно, но всё же можно было ориентироваться, так как кругом смутно белел снег, талый, пористый, покрытый лужами. Туман скрадывал всё, что было в стороне от дороги. Еле выступали мокрые ветви деревьев, заборы и чахлые кустики боярышника.

Выслав дозоры, я двинулся вперёд. К счастью, противник не успел ещё занять Морозовку, а то бой был бы неравным, так как у меня было всего 10 человек, измученных разъездом. Орудие нашли <там>, где оно и было брошено, <лежавшее> на одном боку, затопленное грязью и жёлто–красной глиной. Со своим беспомощно поднятым комлом оно имело довольно жалкий вид. Поработать пришлось часа два, пока наконец не вытащили орудия из канавы и не выехали из деревни. Только тогда, когда в жёлтом тумане растаяли силуэты домов деревни, я вздохнул свободно, ведь неприятель как–никак был всё время в каких–нибудь двух вёрстах от нас.

На следующий день я догнал полк в д. Карабачин. Наш эскадрон был на разведке. Я зашёл к священнику. Он не знал от радости, чем нас угостить. Его дом весь разорён, двери выломаны, мебель изрублена, шкафы разбиты. Другой священник его села сошёл с ума. Здесь была чрезвычайка, вся жидовская, как и полагается, и творила всякую скверну.

Зашёл в штаб полка. Оказывается, мы находимся в тылу той группы большевиков, что действует на фронте Фастов — Киев. Станция Фастов занята Волчанским партизанским отрядом и Терской бригадой. На Бердичев ведётся наступ-

ление при участии двух наших новых, недавно выпущенных Одесскими заводами бронепоездов «Новороссия» и «Ураган», третий бронепоезд «Доброволец» работает у Фастова. Итак, вся линия Казатин–Киев в наших руках. С нами работают части 2-го корпуса генерала Промптова, именно 5-ая армейская пехотная дивизия генерала Оссовского. В неё входят, кроме нас, 75-й Севастопольский полк и 78-й Навагинский. Они оба очень маленького состава. Например, рядом с нами в селении Водотый ночует пять рот 75-го полка в составе... 150 штыков (!!!).

Вчера вернулся наш эскадрон. Неприятное чувство испытал я, когда попал в совершенно новую компанию офицеров. Командует эскадроном какой-то полковник Рутковский — хам, грубиян. Словом, господин с весьма тёмным прошлым и неприятнейшим характером. Со мной он, впрочем, как со старым нижегородцем весьма любезен и предупредителен даже в мелочах. Младшими офицерами являются поручик Эртман и подпоручик Вишневский. Оба они и Рутковский — пехотинцы, но, кажется, оба храбрые офицеры. Из старых только Люфт. Маклаков[28] ещё не оправился от раны. Гоппер болен, Львов в Ростове, Старосельский ещё не выздоровел после своего ранения. Да и моя рана даёт себя чувствовать. Нога ниже раны бесчувственная и мёрзнет на холоду. Видно, на всю жизнь остался калекой.

Днём началась артиллерийская и ружейная стрельба. Сначала выслали 4-й эскадрон, затем наши 3-й и 4-й взводы с Люфтом. К двум часам выступил весь полк, спешились у деревни и стали ждать. В направлении на Брусилов слышались залпы и частая ружейная стрельба. Скоро затрещало несколько пулемётов, и началась орудийная стрельба. Впереди среди густого тумана видны были на снегу чёрные силуэты пулемётных тачанок. Через полчаса появились сани и в них штабс-ротмистр Лухава 4-го эскадрона в довольно жалком виде. Бледный, он лежал на санях, и кровь текла у него изо рта красной струйкой. Пуля пробила ему левое лёгкое выше сердца и вышла у лопатки. Оказывается, неприятель в составе 300 человек пехоты с орудиями, пулемётами и кавалерией воспользовался туманом и атаковал Брусилов. Навагинцы[29] отошли на д. Водотый, а мы на д. Болячев.

Сегодня мы пока что ждём. Люфт и юнкер Ваксель (взводный 2-го взвода) пошли с разъездами. Вчера мы целый день не ели пищи, только утром пили чай. Попали на ночлег к 10 часам вечера с замёрзшими ногами, мокрые, усталые и голодные как волки.

Посмотрим, что будет дальше.

с. Дивино
18 ноября 1919 г.

Выступили в 8 часов утра и двинулись на с. Водотый. Задача была весьма боевая для нас. 75-й и 78-й пехотные полки должны были атаковать Брусилов с юга и юго-востока. Мы же — с западной или даже с северо-западной окраины, т.е. с фланга или тыла.

Перед боем у меня всегда немного приподнятое настроение. У других, очевидно, то же самое, но все стараются сделать вид, что им совершенно безразлично. Да и я тоже. Немного жутко, но и приятно.

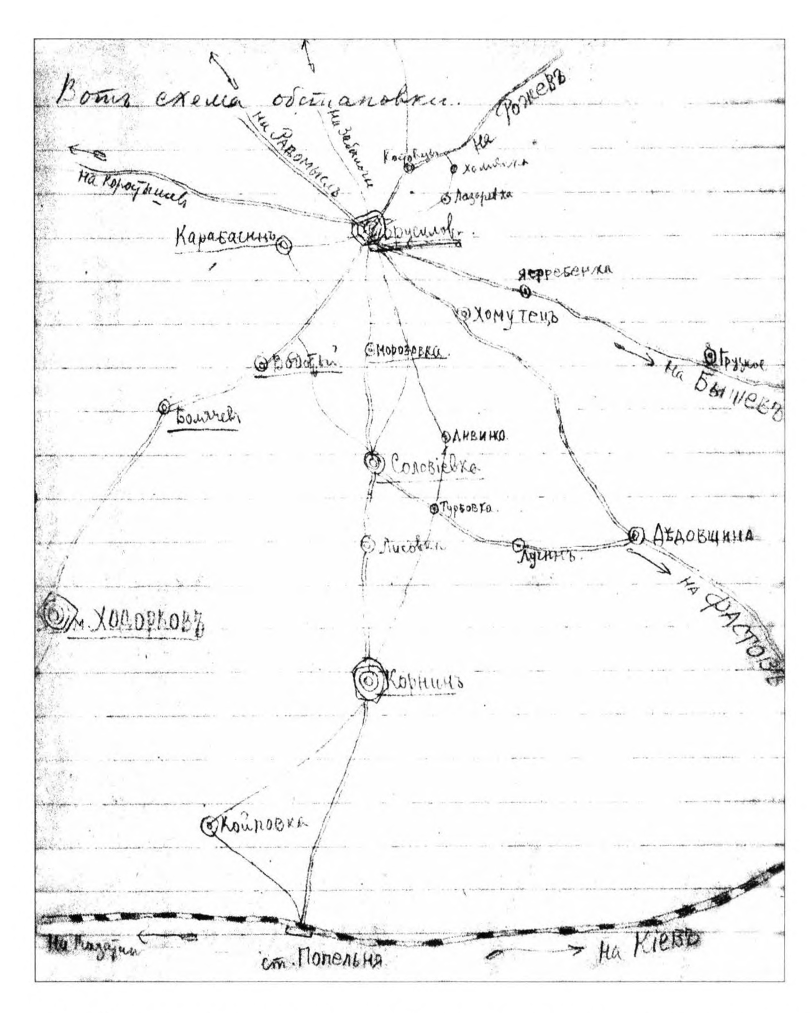
В Водотые английские орудия 4-й батареи, запряжённые тяжёлыми лошадьми. Есть одно орудие с английскими мулами. Огромные, тёмной масти мулы спокойно стоят, и их тёмные силуэты спокойно отражаются в лужах на дороге. Узнаю и спасённое в Морозовке орудие. Офицеры как будто меня не узнают. Впрочем, дело тогда было ночью.

Впереди идёт разъезд юнкера Вакселя, взводного 2-го взвода, за ним головная застава с Люфтом. Сзади наш эскадрон. За нами 4-й, 1-й и 7-й. 6-й эскадрон при пехоте. Нами командует Голицын.

Село Карабачин, где мы недавно были, оказывается не занятым неприятелем, и мы проходим по знакомым улицам до выхода на Брусилов. Там собираемся и выставляем охранение.

Вот схема обстановки <см. рисунок на с. 80>.

Мы, в сущности, ждали, чтобы наша пехота начала боевые действия, для того чтобы самим начать обход Брусилова от Карабачина на север. Но человек предполагает, а Бог располагает. Внезапно в тылу у нас началась стрельба. Все вскочили и заволновались. Больше всех, разумеется, Голицын.

4-й эскадрон рысью пошёл назад от церкви через плотину. Наш эскадрон сел на коней и за Голицыным и Рутковским рысью пошёл тоже к плотине на главную улицу. Когда мы подъезжали к плотине, затрещало сразу несколько пулемётов. Встретили всадника 1-го эскадрона. Оказывается, неприятельская пехота заняла уже чуть не полдеревни. Положение не из приятных. Масса конницы, стеснённая в улицах, крик, затерянные среди моря людей и лошадей пулемётные сани. Голицын совершенно растерялся, и если бы не Рутковский, дело могло бы

кончиться хуже. Признаюсь, несмотря на всю его несимпатичность, он мне даже понравился. Подъехав к растерявшемуся Голицыну, он крикнул ему: «Теперь, г-н полковник, не время рассуждать, но действовать». И, выхватив шашку, повёл эскадрон за собой. Наши четыре пулемёта на санях выехали вперёд. Мы въехали на главную улицу. Промелькнули отдельные люди 4-го эскадрона, стреляющие через забор куда-то на запад. Промелькнуло несколько всадников, скачущих карьером по мокрой улице. Вылетев на окраину деревни, я приостановил коня, подождал несколько секунд, пока выехал эскадрон, тоже выхватил шашку и вместе с нашей лавой кинулся к пехоте на выстрелы.

Вместе со свистом ветра в ушах прожужжало несколько пуль. Какие-то фигурки промелькнули у крайних домов. Выскочила стриженая рыжая лошадка под офицерским седлом без всадника. Я оглянулся и невольно улыбнулся: от края и до края весь угол деревни охвачен огромной лавой — это наш эскадрон. Тёмная масса коней ещё толпится и выскакивает из улицы непрерывной струёй. Картина внушительная.

Постепенно тёмные пятна всадников, отчётливо, как будто вырезанные из тёмного картона, выделяясь на снегу, приходят в движение. Раздаётся сначала робкое, потом более громкое «ура». Сверкает одна, потом другая шашка. Затем вдруг все выхватывают оружие. Выходит красиво — совсем картинка для иллюстрированного журнала. Всё несётся, как вихрь; куда — в сущности, неизвестно, так же как и не выяснено количество красных.

Подо мной кабардинец Маклакова; он с места пошёл в карьер, и остановить его я не мог бы, даже если бы и хотел. Я тщетно стараюсь повернуть его направо — туда, где мелькают тёмные фигурки пехотинцев. Захватываю повод у самой головы, завязываю повод и обматываю его вокруг кисти. Всё это в течение нескольких секунд. Затем ещё раз оглядываюсь, вижу за собой несколько передних всадников. За ними скачет эскадрон, летят комья снега. Болезненно ноет левая рука, сдавленная поводом. Затем наклоняюсь вперёд и от быстроты движения уже почти ничего не вижу. Какие-то палки — должно быть, забор, угол хаты, кусты, задевающие за стремя, — и я во дворе.

У стены несколько красноармейцев; один прижался к белой стене, винтовка у него опущена к земле. Несколько всадников рубят других двух, страшная брань висит в воздухе.

Проскакиваю дальше. Впереди полуоткрытые ворота; на полном скаку пролетаю. Сильная боль в колене. Это, очевидно, столб у ворот, за который я зацепился. Теперь скачу уже вдоль улицы. Кто-то на рыжем коне скачет передо мной и обдаёт комьями мёрзлой земли и грязи. Правый глаз уже не видит: он залеплен куском грязи.

Стрельба стихла, и лава уже проскакала за деревню. Я собираю эскадрон и поворачиваю на север. В чём же дело? Вот какие-то фигуры вдали бегут к Брусилову. За ними скачет наш взвод и приводит их обратно. Их всего девять. Немедленно их раздевают, снимают хорошие сапоги и шинели. Эскадрон тихо возвращается обратно, впереди шлёпают красноармейцы.

Постепенно выползают перепуганные жители; среди них есть раненые, кажется, две бабы. Оказывается, вот что случилось. Ничего не подозревающие красные, думая, что Карабачин не занят, послали 38 разведчиков — «батальона связи». Они натолкнулись на наш пост, и из них ушло только 3 конных, пешие попались все: 11 в плен, остальные зарублены. Комиссар их натолкнулся на графа Шамборанта (4-го эскадрона), убил под ним лошадь, выстрелил второй раз в упор, но винтовка дала осечку. Эту-то именно рыжую лошадку я и видел у края деревни. У нас в эскадроне ранен 1. В 4-м эскадроне убито 3 лошади, 1 ранена. К вечеру пехота выбила противника из Брусилова, причём захватила 1 пулемёт и много шинелей. Если бы не Голицын, мы бы захватили и орудия, и весь отряд.

Пришли мы обратно в Карабачин к 8 вечера, стали на старые квартиры и приготовились к ужину. Но опять не подвезло. Выступили на Водотый, Морозовку, Соловеёвку, в с. Дивино. Полусырой гусь попал прямо с блюда в кобуру седла. К 12 часам ночи прибыли. Лошади выдохлись совершенно.

с. Дивино
19 ноября 1919 г.

Слышна стрельба. Ночью противник снова выбил наших из Брусилова. Это важный коммуникационный пункт, и красные боятся быть отрезанными от Ходоркова, где их вторая группа. Наша задача теперь дождаться Лабинского казачьего полка, двинуться на север снова, захватить Брусилов, но на этот раз уже полностью забрать весь их отряд вместе с орудиями. Задача интересная и вполне выполнимая.

Снова почему-то поседлали лошадей и запрягли обозных коней. Дело идёт к вечеру, и мы едва ли выступим.

с. Козичанка
20 ноября 1919 г.

Отвратительное село, грязное, полное тифозных больных и бедное. Выступили утром и по дороге встретили 78-й Навагинский полк, идущий на село Грузское. Местечко Бышев занято уже нашими войсками, но зато противник идёт от Ходоркова в нашем ближайшем тылу. Приехало двое наших драгун, бывших на постах летучей почты. Посты, получив приказание сняться, стали нагонять полк, но ночью были атакованы врасплох в Корнине. Что произошло, в сущности, неизвестно. Двое пока что есть, остальных девяти нет. Попались ли они в плен, убиты ли, бежали ли — неизвестно. Я ещё не теряю надежды, что они вернутся.

Корнет Люфт выслан в разъезд на деревню Великий Карашин, что около Рожева, немного в тылу Брусилова. Поручение опасное, и не знаю, чем оно окончится. Люфт должен вернуться к вечеру. Говорят, поляки заняли Житомир и занят вдобавок Бердичев.

с. Скрагливка
21 ноября 1919 г.

Деревня в середине густого леса. Я вёл головную заставу. Ночью выяснилось, что противник близко — в Сущанке и Мохначке, пришлось выслать ун. оф.<унтер-офицерский> разъезд из 5 человек с унтером Жугой и выставить,

хотя была и не наша очередь, заставу у леса от 3-го взвода. Оказалось, что пехота не выставила охранения, где ей было приказано. Попов очень обозлился, и пехоте, соответственно, вставили фитиль. С перепугу они выставили 50 человек при двух пулемётах, что по теперешнему времени есть ни более ни менее как две роты.

<u>с. Романовка</u>
22 ноября 1919 г.

От нашего эскадрона был разъезд с корнетом Вишневским. Вечером выставлял сторожевое охранение у плотины, что на местечко Жидовцы: 4-й взвод при 2-х пулемётах. И у другой плотины, что на Мохначку, 8 человек при одном пулемёте. С юга и востока — охранение от пехоты.

Вечером приехали Кишинский, Гоппер, кн. Долгоруков и какой-то новый офицер туземной дивизии — Майборода (корнет). Кишинский попал к нам в 3-й, Майборода и кн. Долгоруков — в 4-й. Кроме этого приехал младший Маклаков и два новых вольноопределяющихся — кн. Чавчавадзе и Леонард. Последний — избалованный и болезненный юноша, привыкший к своему автомобилю, сытному житью в Бессарабии, где теперь сравнительно жизнь течёт как и раньше. Вероятно, он не выдержит солдатской жизни и удерёт.

Вчера заболел Рутковский, и я принял эскадрон. Кажется, это навсегда. Чувствую некоторую гордость даже.

<u>с. Лозовики</u>
23 ноября 1919 г.

Славный боевой день. Первый день моего командования ознаменовался лихим делом. Это хороший признак. Поведено было наступление на местечко Жидовцы из Романовки. В лоб наступала пехота, то есть 75-й и 78-й полки и 1-й и 7-й эскадроны. Слева обходил 6-й эскадрон, справа мой и 2-й. Вторым командует ротмистр Денисов, лихой и доблестный офицер. Мы прошли севернее, полями без дорог по вязкому пахотному чернозёму. Была оттепель. Скоро левее нас послышались ружейная стрельба и

пулемёты. Пулемёты стреляли не очень сильно, приблизительно, по звуку можно было определить, что стреляло их 3 штуки. Были слышны и несильные залпы.

Мы заняли перекрёстки дорог на Корнин и Липки. Вдали показалось несколько подвод (9), удиравших на Липки. Я послал туда Гоппера, а Денисов также послал туда свой взвод. Вскоре послышался выстрел, и подводы остановились. Но уже некогда было за этим наблюдать. На перевале, который скрывал от нас с. Жидовцы, показались тачанки. Быстро одна за другой они скакали прямо без дорог по сжатому полю. Мы поскакали навстречу. Первым дошёл с 4-м взводом и взвод 2-го эскадрона. Произошло замешательство, и тачанки остановились. В эту минуту кто-то крикнул: «Смотрите, г-н ротмистр, цепь появилась!» Действительно, даже я со своими плохими глазами заметил фигурки, точно муравьи или пчёлки, ползающие по полю там, откуда выскочили тачанки.

Эскадроны пошли рысью, ближайшие взводы — Люфта и Вишневского — выхватили шашки и понеслись в атаку. Хороший конь Люфта вынес его вперёд, и красиво развевался его белый башлык. Мы вкатились в деревню по узкой дороге. Пехота их крикнула: «Ура!» ...Но и это «ура» не помогло. Красноармейцы легли в канаву, и их всех забрали в плен.

Интересная подробность: как только первые драгуны доскакали до пехотинцев, они крикнули не «Сдавайся!», не «Руки вверх!», а... «Давай сумки!!» (!!!). Это очень типично для Добрармии.

Втянулись в деревню. Справа колоссальный глинистый обрыв, слева огромный пруд. Дорога сначала огибает пруд, затем круто поворачивает вправо, и надо уже через плотину входить в село. Впереди Вишневский с несколькими всадниками встретил пехотинца с винтовкой. Кто-то выстрелил. Пехотинец взмахнул руками и упал с насыпи на белый лёд пруда. Сверху раздалось несколько выстрелов. Положение становилось критическим. В узком промежутке между прудом и крутым откосом мы были в страшной опасности.

Денисов решил выбраться снова наверх; я последовал его примеру и стал подыматься по крутой скользкой дороге. Не успел я вывести эскадрон, как случилось нечто со-

вершенно неожиданное. С той стороны, где, несомненно, была наша пехота, в упор затрещали два пулемёта. Пули целым роем пронеслись сначала над головой, потом ниже, мимо нас. Одна свистнула над самым ухом. Несколько лошадей перевернулось вместе с всадниками. Упал Кишинский. Я едва успел крикнуть: «За сараи, ходу за сараи!» Через минуты, сбившись в кучу, мы уже стояли за сараями. Я перевёл дух и рассыпал эскадрон лавой. Пошли галопом в поле, потом, не слыша больше выстрелов, <я> перевёл в рысь и наконец остановил лаву. Кишинский сидел уже на пулемётной тачанке, с бледным лицом и покрытый грязью.

— Что с Вами?

— У меня убили лошадь, и, кажется, я сломал себе ребро.

— Жаль, лошадь была хорошая.

Я вызвал охотников, и мы сняли седло. Я тщетно искал, куда угодила пуля. Бедное животное было убито наповал, и раны не было даже видно. Стали подсчитывать трофеи: 4 пулемёта, из них 1 кольт, 2 маузера и французское ружьё-пулемёт; штук 60 винтовок, корзины с разной дребеденью, бельём и пр., 50 именных, агитационная литература и сахар.

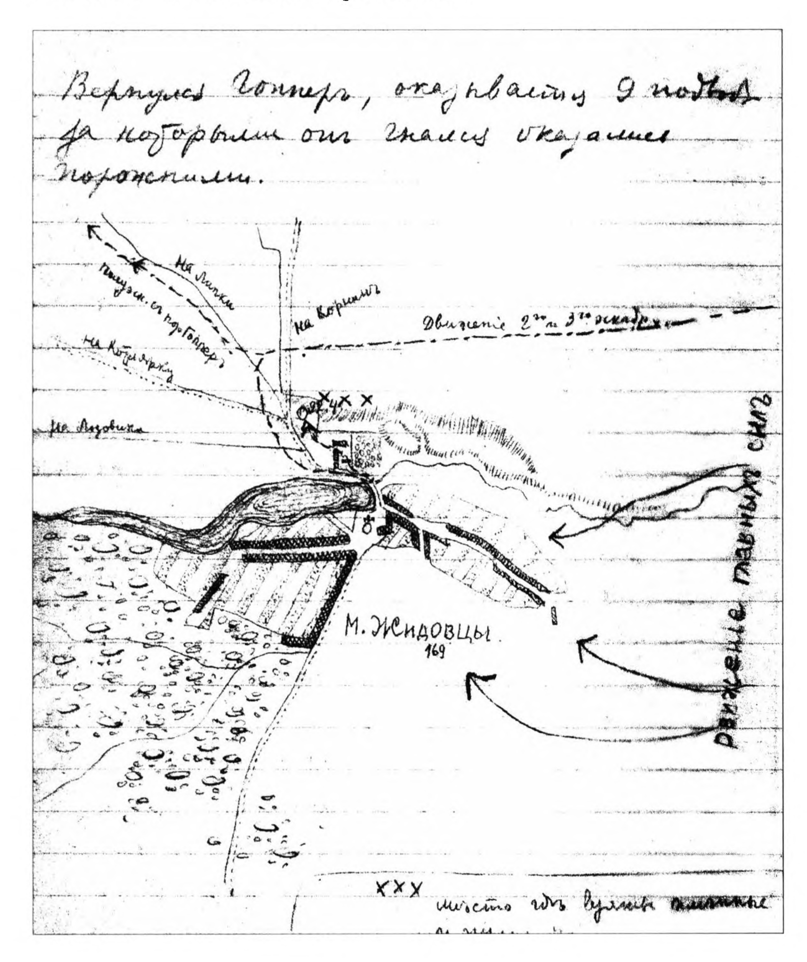
Усталые и довольные, мы с Денисовым стали приводить себя в порядок и делить добычу. Корзины взломали, «литература» весело запылала. Среди именных всё больше мальчики лет 18–19–20. На многих нового образца шапки из зелёного сукна с наушниками.

Отдохнув, поехали в деревню, из которой неприятель был уже выбит. Оказывается, это передовые части 47-й дивизии, именно какой-то Гомельский полк. Расстреляли комиссара — жида по фамилии Фидельман — и двух-трёх коммунистов. Весь этот отряд, на 3-й батальон которого мы только что наскочили, имеет задачей поймать наш отряд, который, между прочим, именуется у большевиков Сводно-Одесским. К счастью, у них нет кавалерии, и потому у нас путём разведки больше сведений. Мы всегда знаем, хотя и приблизительно, где они; у них же имеются только довольно туманные сведения.

Идёт, в общем, партизанская война и игра в кошки-мышки или даже в жмурки. Всего в Жидовцах захваче-

но до 80 пленных при 4-х пулемётах. Человек 100 успело удрать. Командир полка на доклад Денисова сказал лестную фразу, что, мол, от 3-го и 2-го эскадронов другого нельзя было и ожидать.

Вернулся Гоппер. Оказывается, 9 подвод, за которыми он гнался, оказались порожними.

с. Кошляки
24 ноября 1919 г.

Утром выступили обратно в Жидовцы, где пехота готовилась выступать на местечко Корнин. У нас задача: вы-

бить противника из Корнина, деморализовать его и затем, невзирая на исход боя, отойти к железной дороге.

Вперёд пошла пехота. 75-й полк по большой дороге через Сахарный завод[30], 78-й вправо с 7-м, 6-м и 5-м эскадронами. Влево 4-й и 1-й на селение Кривое. 3-й и 2-й в резерве за 75-м полком. Подходили к Корнину очень медленно. Надо было подойти всем колоннам одновременно и вдобавок осторожно. Вскоре нарвались на пехоту в количестве 60 человек при пулемётах у Завода. Заставу эту севастопольцы[31] сбили без труда. К вечеру 3 батальона, что занимали Корнин, ушли почти без боя в направлении на Королёвку — Гнилец. 4-й и 1-й <эскадроны> нарвались на 60-80 человек у о. Кривое. С опушки их обстреляли из 4-х пулемётов. Они выкатили свои, и противник отошёл по улицам деревни. Граф Шамборант атаковал из улицы по направлению на кладбище, но его лошади завязли в топкой глине и приотстали. Был ранен 1 драгун и корнет кн. Долгоруков. Последний тяжело — в живот и руку. Наши пулемёты отогнали противника, и в общем забрано было 28 пленных. 1-й эскадрон начал обход, но натолкнулся на овраг и в бою участия не принимал. По дороге из Кривого Долгоруков скончался.

<u>с. Кошляки</u>
25 ноября 1919 г.

Днёвка — первая до сих пор. Хоронили бедного Долгорукова. Печальные были это похороны: скверная телега, запряжённая двумя лохматыми и маленькими, как козы, лошадками. На соломе простой деревянный гроб, на нём шашки и волчья папаха Долгорукова. Всю дорогу шёл снег. Хоронили уже почти в темноте. Торопились. Кое-как сделали то, что полагалось, и побежали домой, холодные, засыпанные снегом, простуженные и злые.

<u>с. Вербов</u>
26 ноября 1919 г.

Наш и 1-й эскадроны пошли отдельно от полка. Мы посланы на присоединение к Симферопольскому офицерскому полку в д. Вербов. Шли целый день через деревни

Романовка, Ерчики Жидовецки, местечко Жидовцы, Лозовики, Койловка и Котлярка. По дороге заблудились, плутали по снегу и нашли селение только по лаю собак.

В Вербове симферопольцев[32] нет. Карцев не знает, что делать. Кругом неизвестно кто, не выяснено, где неприятель. Приходится выставлять сторожевое охранение.

с. Вербов
27 ноября 1919 г.

Полковой праздник. Выслали разъезды во все стороны, пока они ещё не вернулись.

В эскадроне идёт пьянство. Достали самогону, скверного и вонючего, и вишнёвой наливки. Господа офицеры тоже «на взводе». Идёт дождь.

с. Кривое
28 ноября 1919 г.

27-е мы провели довольно неожиданно. Из Вербова решили перебраться в с. Котлярка, что и выполнили к вечеру. Разместившись по квартирам, совершенно неожиданно получили приказание присоединиться к полку.

Шли в проливной дождь, сбились с дороги, так как густой туман, словно саван, окутывал землю. Пришли голодные, усталые, промокшие до нитки и ругаясь, как ломовики[33].

Сегодня было пьянство в 4-м эскадроне.

с. Котлярка
29 ноября 1919 г.

Опять дождь и туман. Противника в Ходоркове нет, и он ушёл на север. Вели наступление на Яроповичи, но противник ушёл. Будем здесь ночевать. Пехота и артиллерия останутся в Вербове.

с. Котлярка
30 ноября 1919 г.

Пехота куда-то ушла из Вербова. Выслано 2 разъезда от нашего эскадрона. Один с Люфтом на Ходорков, другой с

Гоппером на Корнин. 4-й эскадрон целиком выслан на Вербов — Зарудницы.

От Шамборанта только что пришло донесение, что его обстреляли у Зарудницы 4 пулемёта и около 150 пеших, что он пытался атаковать, но не мог, только потерял двух лошадей. Затем его обстреляла артиллерия, и на него повели наступление, после чего он отошёл на Вербов. В подмогу выслан 2-й (дежурный) эскадрон.

Посмотрим, что нам даст вечер. Если противник не будет нас тревожить, мы простоим до сформирования отряда, т.е. до того времени, когда прибудут лабинцы[34], Волчанский партизанский отряд и пехота.

Вернулись Люфт и Гоппер. Люфт в поисках за комиссаром и председателем ЧК перепорол весь Ходорков, а Гоппер дошёл до Соболёвки, где нарвался на противника и был обстрелян.

м. Ходорков

1 декабря 1919 г.

По каким-то гадательным причинам выступили в 10 утра и припёрли в Ходорков. Жиды здесь совершенно разгромлены[35].

Наконец прекратилась непогода и настали морозы. По гололёдке приходится идти крайне медленно. Сейчас привели драгуна из 2-го эскадрона с приказанием Попова его расстрелять. Я вызвал вольноопределяющегося Маклакова[36] и моего вестового Наркевича и сдал им его. Не успели они выйти, как грянуло два выстрела, затем ещё один. Оказывается, он оттолкнул Маклакова и пытался бежать. К счастью, его убили.

Ночью поднялась пулемётная стрельба у заставы севастопольцев. Так как наш эскадрон был дежурным, то пришлось выслать унтер-офицерский разъезд. Через четверть часа ввалился драгун 6-го эскадрона, бывший при заставе. Забыл чуть ли не свою фамилию. Потерял лошадь и всё. За ним явился пехотный обозник. Оба в панике. Обозник потерял шинель. Вывели эскадрон. Опять из тёплой хаты в холодную звёздную ночь, под леденящий ветер. Однако севастопольцы справились и огнём прогнали противника.

Ночь, однако, была испорчена. Заснул часов в 12 1/2, проснулся в 5 утра и пошёл в штаб.

<u>с. Гнилец</u>
2 декабря 1919 г.

Моему эскадрону дана отдельная задача. В то время как полк должен вести наступление на Соболёвку — Гнилец и выбить противника, 3-й эскадрон должен занять западную окраину Ходоркова и в случае наступления противника держаться до часу дня. А если это невозможно, то отходить, задерживаясь на естественных позициях по дороге на Соболёвку. В двух словах, наша задача охранять отход полка и его тыл.

В 7 утра полк пошёл на северо-восток, а я на запад. Утро было чудесное. Мороз и ясное голубое небо. Под ясными лучами зимнего солнышка местечко имело унылый вид. Все жидовские дома разгромлены до основания. Выбиты стёкла. Выломаны двери. Жиды попрятались. У огромного пруда горит один еврейский дом. На утреннем морозце густой беловатый дым поднимается почти вертикально.

Мне припомнилось место из «Тараса Бульбы», где сказано: «Он разорил уже 18 местечек и пошёл на главный город Краков» или что-то в этом роде[37]. Действительно, мы снова переживаем какое-то средневековье.

Вишневский занял дорогу на Вербов с 2-м взводом и пулемётом Ма́ксима. Я с остальными взводами, двумя ма́ксимами и льюисом[38] заняли дорогу на Яроповичи. Подъезжая, мы ясно увидели у Яроповичей группу человек в 12-20 красных.

Было 8 утра. Сумею ли продержаться до часу? Время шло убийственно медленно. Я выставил наблюдателей вправо в хуторок для наблюдения за лесом и влево на крыше мельницы.

До 12 часов всё было спокойно. Вдали слышалась ружейная и пулемётная трескотня — это наши брали Соболёвку и Гнилец. Внезапно раздался орудийный выстрел. Снаряд упал где-то в местечке за нашей спиной. За первым полетело ещё штук 7-8. Шрапнель разорвалась довольно удачно и вслед за ней появились неприятельские цепи. Их было несколько: вышли они из Яроповичей и по-

шли по разным направлениям. Одна левее меня на местечко, другая — жиденькая на вид — в лоб, и, наконец, третья, самая грозная и внушительная, пошла вдоль леса и начала обходить мой правый фланг. Положение было не совсем приятное, но стрелять надо было. Это могло задержать противника, а во-вторых, приказано было наделать побольше шума.

Затрещали наши пулемёты. Идеально работал льюис, выставленный на соломенной крыше хаты. Ма́ксимы работали с перебоями. Взводы рассыпались в цепь, лошадей отвели назад. Под нашим огнём цепи противника остановились и залегли. Та, что была около леса, была уже в 1000 шагах; та, что была слева, шагах в 600, не больше. За нею шла другая цепь.

Гоппер остался у мельницы. Я же главное внимание обратил на лес и направил пулемёты туда. Вскоре меня совсем обошли. Было уже без четверти час. Пришлось отходить.

Вишневскому пришлось туже. Он уходил под сильным ружейным огнём и потерял лошадь. К вечеру догнали полк. Противник в Соболёвке и Гнильце сопротивления не оказал.

<u>с. Белки</u>
3 декабря 1919 г.

Переночевали с 4-м эскадроном в доме попа. Ели полусырую гусятину и жидкий суп. Уснули, как убитые, но вставать пришлось рано, в 5 часов утра. Построились в резервную колонну и стали ждать прихода Попова.

Вдруг раздался выстрел: снаряд прожужжал где-то над головами и взорвался левее нас в мёрзлой пахоте. Мы стали вытягиваться. За первым пролетел ещё один снаряд и упал ближе. Это были всё гранаты и рвались они всё дальше и дальше. Мы поняли, что нас ещё не видели, а били по уходящим севастопольцам. Но едва мы вышли за рощу и появились в поле, как поднялась пулемётная трескотня и ружейная пальба. Мы как были колонной, так и пошли рысью. К счастью, противник был далеко, но всё же вдоль шоссе, по которому мы шли, пули взбивали лёгкие облачка пыли и песку.

Добравшись до Королёвки, мы рассыпались лавой по полю и стали ждать. Когда наши обозы ушли, а противник не появился, то ушли и мы. Прошли через Корнин, где стояли лабинцы, и дошли до Белок, но отдохнуть так и не пришлось. Оказывается, противник уже занял Кривое, и Попов решил его выбить.

В собачий мороз по чёртовой дороге двинулись мы к Сахарному заводу. Около Кривого виднелись конные лабинцы. Наша артиллерия подъехала. Английские мулы сделали лихой заезд. Орудия дали два выстрела и... прискакали два всадника и сказали, что навагинцы уже заняли Кривое (!!!). Итак, мы били по своим.

Я устал до крайности. Глаза болят, всё тело разбито. Я стал худой, как мощи, да и не я один: все переутомлены непосильной работой. Хоть бы отдохнуть завтра.

<u>с. Пивни</u>
4 декабря 1919 г.

Построились в 9 утра и выступили опять на Сахарный завод, что возле Корнина. 1-й, 6-й и 2-й эскадроны пошли вперёд. Лабинцы и пехота пошли на Кривое.

Сколько пулемётов у пехоты! У одних навагинцев 80 пулемётов, севастопольцы таскают с собой штук 40! Это уже сильно смахивает на пулемётные полки царского времени.

Выбит противник был легко; так легко, что это показалось нам даже подозрительно. Взято 30 пленных. Из них один рассказывал, что третьего дня на мой эскадрон наступал целый пехотный (2-й Гомельский) полк. Но наш огонь был весьма неудачен. Ранен всего один, и то легко. Лабинцы ранили одного китайца. Он упал на лёд пруда и один отстреливался от целых двух сотен, пока не был смертельно ранен. Его последние слова были: «Всё равно живым не сдамся».

По сведениям разъездов и пленных выяснилась очень печальная картина. На Корнин делается демонстрация и делается лишь усиленная разведка. Главные же силы брошены на юг. Сегодня они заняли Жидовцы и ведут наступление на Романовку. Вероятно, Романовка уже взята. Одновременно севернее нас ведётся наступление через

Турбовку. Мы почти окружены. В связи со слухами о падении Киева наше положение становится безнадёжным. Надо уходить, и уходить скорее. Вперёд пошла пехота, за ней артиллерия и лабинцы.

Последними шли мы. Провели кошмарную ночь. Ужасно быть в хвосте обоза. Идут медленно, на каждом шагу остановка. Холод зверский. Ярко блещут звёзды, снега нет, и мёрзлая земля, звонкая, как стекло, изрыта комьями и ямами. Все ругаются. В общем, немного похоже на отступление французов в 12-м году. Некоторые завёрнуты в одеяла, так что картина получается полная.

Пришли к 2 часам утра и, дрожа от холода, улеглись на грязной соломе. Приехал Тургиев. Положение на фронтах катастрофическое. Что будет дальше?

с. Пивни
5 декабря 1919 г.

Я, кажется, заболел. Вот уж не вовремя так не вовремя. Жар. В комнате душно. Где-то под печкой кудахтают куры. Им, наверное, тоже душно.

Киев, говорят, почти взят. Идут бои на улицах города. В Фастове паника. Генерал Драгомиров уехал. Связь порвана. Лошади у нас посёдланы и обозы запряжены.

с. Винницкие Ставы
6 декабря 1919 г.

Накануне я едва забылся лихорадочным сном с бредом и мрачными кошмарами, как явилось донесение из штаба. Через полчаса — другое донесение, отменяющее первое приказание. Ещё через час пришло приказание обозу немедленно выступать на Фастов.

При тусклом свете ночника я едва рассмотрел, что был 12 $^1/_2$ час ночи. Стуча от лихорадки зубами, я оделся и в полубессознательном состоянии повалился на солому, которая устилала дно телеги. Кто-то завернул мне ноги в одеяло, что-то мягкое подложено было под голову. Потом всё стало темно: это меня всего покрыли буркой. Дёрнули мохнатые крестьянские лошадёнки, и с громом покатилась телега по мёрзлой и ухабистой дороге. Что я испытал,

не поддаётся описанию. Вот уж пытка, так пытка. Почище «Сада пыток»[39] будет. С безумной головной болью, дрожа от холода, ехать в лютый мороз (с ветром) от 12 1/2 ночи до 8 вечера, делая бесконечные остановки в поле, на тряской телеге!

Боже, что это за война!

г. Белая Церковь
7 декабря 1919 г.

Я немного ожил. Вчера полк вёл бой где-то около Фастова, но я ещё при обозе, который оторвался от полка. В Фастове увидел Львова, и он присоединился к нам.

Фастов имеет вид мёртвого города. Вся еврейская часть разгромлена так, как я ещё себе не представлял, чтобы город мог быть разгромлен. Ходорков и Корнин — пустяки в сравнении с Фастовом. Дома не только все без окон и без дверей, но, по крайней мере, из пяти один сожжён дотла. Но жиды живут. Уже смотришь, из домика, который со стороны улицы имеет совсем нежилой вид, где-то из какой-то скважины вьётся узенькой струйкой дым. Значит, уже вернулся хозяин и где-нибудь под чердаком устроил себе логовище.

Станция загружена составами. Вывести их, конечно, не будет никакой возможности. Спасут только снаряды, патроны, обмундирование и мелочь. Остальное достанется красным.

Начальство страшно растерялось. Теперь мы уже в Белой Церкви. Где-то близко было имение Браницких[40]. Теперь от него, говорят, мало что осталось. Уничтожили не только дивный дворец и службы, его окружавшие, но даже школы (?), больницы для крестьян (?) и другие чисто демократические затеи Браницких. Здешние обыватели в панике. Ждут «товарищей» и трепещут, а выезжать нет возможности.

Цены поразительные: десяток яиц 70 р., фунт мяса тоже 70 р. Белый хлеб 200 р. и т.д. Крестьяне радуются нашему отходу. Когда мы уходили к Фастову, в тылу у нас восстало 10 волостей. Кое-кого выпороли, кое-кого расстреляли, тем дело и кончилось. Чувствуется украинско-большевистское настроение. Их озлобило, что мы уже

чересчур откровенно забирали почти даром фураж и провиант. Но в большевиках они ещё скорее разочаруются, ведь теперь там много китайцев, а китайцы — это такой народ, что после него остаются только стоны, слёзы, кровь, разорение и проклятия.

Наши дела на фронте убийственны. Во всём виноват лишь тыл.

г. Белая Церковь
8 декабря 1919 г.

Имение Браницких окружено чудесным парком. Всё поломано, статуи сорваны с пьедесталов и куда-то исчезли. Обоз получил приказание догнать полк. Обоз 2-го разряда пошёл на Христиновку.

с. Фурсы
9 декабря 1919 г.

Догнали полк. У станции Кожанка был полк неприятельской пехоты. У Завода вёл бой 4-й эскадрон. 7-й и 6-й эскадроны поддержки почти не оказали. Полк потерял штук 15 лошадей и раненых, между прочим, двух офицеров 1-го эскадрона (новых). Забрали человек 60 пленных. Неприятель, по показаниям именных, понёс потери (около 180 чел.).

с. Шамрай
10 декабря 1919 г.

Мы будем отходить на 8 пароходах без боя. Это то, что называется на казённом языке штабов и вообще начальства «перегруппировкой войск», «уплотнением фронта» или «маневрированием». Отступление, впрочем, пока что далеко не паническое, и брошено сравнительно мало. Кое-что на станциях пришлось, конечно, сжечь, но это почти неизбежно бывает во время всяких отступлений и меня мало волнует.

с. Рубченки
11 декабря 1919 г.

Бесконечный переход. Нелегко сделать 25 вёрст, когда болит голова, темнеет в глазах и жар.

м. Тетиев
12 декабря 1919 г.

Остановились в чистеньком польском домике. У католиков Рождество. Вчера здесь были петлюровцы, Бог весть откуда появившиеся, в количестве 4000 человек, при 3 орудиях.

Люфт был в разъезде и поймал 2-х петлюровцев. Я был в головной заставе. Мы продолжаем отходить без боя.

м. Ситковцы
13 декабря 1919 г.

Сегодня опять славный день, полный удачи, веселья и счастья. И всё это несмотря на то, что число 13 считается роковым, а сегодня именно 13 декабря.

Вечером 12-го я получил извещение, что вследствие болезни графа Шамборанта я временно принимаю 4-й эскадрон. Грустно, тем более что офицерский состав 4-го эскадрона неважный в данное время. Исаев и новый офицер Майборода — оба не отличаются храбростью. Вано Старосельский уже давно зарекомендовал себя не с лучшей стороны.

Выступили из Тетиева и дошли почти до местечка Животов. Вдруг впереди идущие эскадроны пошли рысью. Я в это время ехал в экипаже с больным Шамборантом. Едва успел сесть на хромую серую кобылу Тускаева и догнать эскадрон. Овраг, затем крутой подъём и равнина. Подъезжаю к Попову.

— Смотрите, — говорит Попов и указывает по направлению на Животов. Я посмотрел... и замер... Целый ряд повозок — совсем близко — ползёт по дороге на Ситковцы. С ними эскадрон. Несомненно, настоящий, честь честью, как ему и полагается быть — эскадрон и пехота: может быть, рота, может быть, больше. А повозки всё ползут и ползут, как вереница маленьких чёрненьких жучков.

— Берите дивизион, обойдите овраг, что нас разделяет, займите вон ту возвышенность и обстреляйте эту колонну, а тверцы тем временем атакуют её в прямом направлении и справа.

Я повёл дивизион рысью. Параллельно 4-му шёл 3-й эскадрон с Гоппером, т.к. Львов тоже болен. Начали обхо-

дить бесконечный овраг, поросший кустарником. Вдруг шагах в 10 от меня поднялся заяц и перебежал мне дорогу.

— Плохая примета, — сказал Исаев.

Я послал его к чёрту, и мы перебрались наконец на другую сторону оврага. Вынырнув из лощины, мы увидели ту же колонну, но уже ближе. Пехотинцы рассыпались в цепь, и загремели первые выстрелы. Я развернул дивизион лавой, мы выхватили шашки и понеслись. Только ветер загудел в ушах. Наткнулись на канаву, и на минуту всё смешалось. Исаев и Майборода вместо того чтобы смело броситься в канаву и показать пример, только что-то кричали драгунам и без толку метались у рва. Я плюнул на всё, ударил лошадь шашкой раза два, перешёл канаву и понёсся дальше.

Третий эскадрон красивым веером подскакивал уже левее меня к противнику. 4-й тоже подлетал, но значительно правее меня. Наконец я доскакал до первых пехотинцев; все бросились бежать, бросая оружие. Некоторые ложились на землю. На многих галичанские шапочки с чёрным околышем и большим козырьком.

Ура! Есть и пулемёты. И много: один, два, три, четыре, пять — и все максимы. Мечутся всадники кругом чего-то большого. Подлетает взволнованный и радостный Гоппер, театрально салютует блестящей шашкой и докладывает:

— Г-н ротмистр, 2 орудия при полных запряжках и с зарядными ящиками.

Боже мой! Это уже что-то уж слишком хорошо для одного раза: и пулемёты, и огромный обоз, и орудия, и пленные!!! С трудом собираю 4-й эскадрон. Все без всякого толка мечутся по полю; кое-где выстрелы — это по убегающей кавалерии или расстреливают китайцев. Появился и «знаменитый» 7-й эскадрон — стал и открыл по неизвестно чему огонь из пулемётов.

Наконец появился полковник Попов. Я ему доложил. Чувствую себя именинником. Ведь как-никак, а дивизион захватил два орудия, 8 максимов и 3 льюиса!!! И всё это без потерь! 11 пулемётов! Кроме того, захватили 5 сестёр милосердия и несколько офицеров. Пленных — человек сто.

Когда мы вернулись на ночлег в Ситковцы, то я почти полночи не мог сомкнуть глаз от радостного волнения. А вдруг дадут Георгий или оружие?

с. Цибулевка
14 декабря 1919 г.

Всё подсчитываем трофеи и роемся в добыче. Офицеры-галичане очень милы и любезны. Одна из сестёр прехорошенькая и теперь временно едет при нашем эскадроне, пока не проберётся к себе на родину (Киев).

Мы сделали мучительный переход — 30 вёрст, черепашьим шагом по мёрзлой кочковатой дороге. Лошади выбиваются из сил, падают, снова поднимаются, телеги ломаются, колёса отскакивают — прямо беда.

У бедного Шамборанта под 40 градусов, и он страдает. Я с ним в экипаже. Пропёрли по морозу от 8 утра до 7 вечера.

м. Устинград (с. Соколивка)
15 декабря 1919 г.

Вчера от моего эскадрона пошло два разъезда. Из них вернулся пока один — Старосельского. Он был обстрелян петлюровцами. Исаева ещё нет. Это меня немного беспокоит. Завтра днёвка. Мороз крепчает.

м. Устинград (с. Соколивка)
16 декабря 1919 г.

Мороз всё крепчает. Прямо дышать нечем. Шамборант уехал. Исаев вернулся. Он тоже был обстрелян петлюровцами. Мы находимся уже на уровне ст. Монастырище.

ст. Нестеровка
17 декабря 1919 г.

Мороз всё крепчает. Бедный корнет Майборода пошёл в ночной разъезд, благо ночь лунная.

с. Кочержинка
18 декабря 1919 г.

Выступили в 6 часов утра и пришли на ночлег в 10 часов вечера. Считая, что отдыхали 2 часа за всё это время, выходит, что 13 часов были на морозе градусов в 15–20. Это тяжело.

с. Вербовка
19 декабря 1919 г.

Опять славное дело. Положительно, наше отступление происходит более чем удачно. Усталые, проспав какие-нибудь 4 часа (это уже вторая такая ночь), утром в густом тумане выступили из Кочержинки. Лица у всех вследствие бессонницы какого-то землистого оттенка. В первом же селе узнали, что какие-нибудь четверть часа тому назад шёл бой.

Отходящая Государственная стража[41] (Киевская, Уманская и др.) наткнулась на село Ладыженское, где находился отряд Красных украинцев (Украінска Радянска Республика) коммунистов (три полка при 7 орудиях и многочисленных пулемётах). Всего украинцев-коммунистов было человек 500 пехоты. Это был отряд, отколовшийся от Петлюры и под начальством Марка Волохова. Стража была отбита и прошла правее Ладыженского в своём движении на юг к Ольвиополю.

Вообще, теперь с взятием Кременчуга вся Киевская группа войск должна форсированным маршем двигаться по направлению на Ольвиополь. В Ольвиополь мы должны попасть 23 декабря вечером. Выходит в среднем по 30–35 вёрст в день, что, принимая во внимание состояние людей и лошадей, является цифрой ужасающей. Но самое грустное, что мы всё время принуждены пробиваться через неприятельские отряды и вести бои.

Приезжаешь на ночлег ночью. Пока приготовят поесть да чаю напьёшься, смотришь — уже 12 часов ночи. Едва заснёшь, как входит прозябший, злой как собака ординарец и подаёт приказание штаба полка. Приходится основательно просыпаться, иначе забудешь потом содержание записки. Под утро, когда сон самый сладкий, является ещё один ординарец, а там, смотришь, восток светлеет; значит, пора и вставать. Я похудел и стал похож на драную кошку. Почти все больны: в нашем обозе много саней с тифозными и другими больными.

Но возвращаюсь к нашей славной победе над супостатом. Туман, густой, как молоко, обволакивал всю деревню. На площади следы крови, дальше — серая лошадь с задом, оторванным снарядом. Это следы боя стражи с украинцами.

Вышли из деревни. Туман превратился в мелкий, как пыль, дождик. Стало знобить, и сырость проникла через почерневший от воды полушубок.

Сбились с дороги. Вернулись в село и пошли по другой дороге. Прошли мимо Терских батальонов, собирающихся к бою. Смазывали пулемёты маслом, продёргивали ленты и готовили патроны. Настроение так себе. Главное, что продрогли и туман. Я опять заворачиваю дивизионом. Гоппер спокоен и острит. Я тоже стараюсь быть остроумным. Вообще, я заметил, что перед боем все стараются быть спокойными и весёлыми. И это желание казаться остроумными именно и показывает, что люди волнуются.

Между двумя селениями вёрст семь. Скоро раздался пушечный выстрел, и при этом так близко, что я даже вздрогнул. За ним другой и третий. Затрещали винтовки и пулемёты. Пролетел адъютант: «Пулемёты вперёд — вперёд!» По дороге пошёл 6-й эскадрон, правее его 5-й, левее наш, ещё левее 3-й. В густом тумане видно лишь 10–15 всадников, остальные где-то в тумане. Свистят пули, откуда — неизвестно. Лава идёт шагом. Отдельные всадники снимают винтовки и стреляют. Вперёд выезжают тачанки, поворачиваются задом и открывают огонь из пулемётов. Куда стреляют — тоже неизвестно. Иногда огонь сливается из нескольких пулемётов и получается эффектно. Стараюсь держаться на уровне 6-го эскадрона, а 3-й равняется по мне.

Иногда продвигаемся рысью. Иногда переходим в шаг. Передаются по лаве откуда-то справа приказания. Тоже неизвестно от кого. В общем, положение тяжёлое. Где противник — неизвестно, где деревня — тоже неизвестно. Стрельба и справа, и слева, и посередине. Ясно, что нас не видят, но иногда пули так близко пролетают, что кажется, будто нас заметили. Стрельба то затихает, то снова возобновляется.

Пошли рысью по паханому полю. Земля уже отмёрзла, и делается грязно. Спускаемся в овраг, снова поднимаемся вверх по крутому скользкому склону. Перебираемся через болото. Лошади уже сильно выдохлись. Вдруг в тумане что-то обозначается серой массой.

«Шашки вон, вперёд!» Это деревня. Сначала сады. Потом подъём. Узкие кривые улицы. Со мной рядом скачет

Старосельский. По деревне отчаянная стрельба. Где-то «ура!». Сверкают шашки — это ворвался 1-й эскадрон. Проскакиваем через плотину мимо замёрзшего пруда. Переходим в рысь, проходим через экономию. Нет никого. Снова подымаем лошадей в галоп. Левее скачет 3-й эскадрон. Опять поле. Поедем: внизу с грохотом что-то несётся.

Громкое «ура!», мелькание шашек, страшные ругательства, и мы врезаемся в какую-то кашу повозок, людей и лошадей. Скачем дальше. Коммунисты убегают через пруд и скрываются в зарослях ивняка. Забираем именных. Кого-то уже рубят, кого-то стреляют. Наконец всё захвачено. Подсчитываем трофеи. 5 максимов, 3 льюиса, 3 траншейных орудия, одно 3-х-дюймовое, 62 лошади, 24 повозки, 2 мула, телефонное и иное имущество. Говорят, было золото, но оно поехало вперёд. Возвращаемся обратно и узнаём, что всего забрано 7 орудий. Словом, разгром неприятеля полный.

Лошади еле идут. Пот льёт градом, но настроение зато весёлое. Все завидуют нам. Опять отличился Нижегородский дивизион. Это редкий случай — такая атака в конном строю в густом тумане.

За время моего командования отбито дивизионом 17 максимов, 5 льюисов, 1 мансен, 1 маузер, 2 кольта, 3 орудия и 3 траншейки.

Попов приказывает расстрелять пленных, что и делается тут же. Прохлаждаемся часа два, потом сигнал и двигаемся дальше. Проходим ещё 15 вёрст и опять засыпаем в час ночи.

с. Кочубеевка
20 декабря 1919 г.

Опять заболел, не знаю чем. Подал рапорт о болезни и еду в экипаже. Отступает много частей. Грязь невылазная — вывезем ли обоз, отбитые орудия и пулемёты?

г. Ольвиополь
21 декабря 1919 г.

Выехал в экипаже. Через две версты бросил экипаж и перепряг лошадей в тачанку. Ещё через две версты бросил тачанку и, несмотря на сильную головную боль и сла-

бость, сел верхом и доехал через 15 вёрст в Голту — пригород Ольвиополя.

Полк ещё не пришёл. В орудия впрягли по 20–30 лошадей. Вся дорога усеяна брошенными обозами.

г. Ольвиополь
22 декабря 1919 г.

Прибыл полк. Орудия уже на станции, где их будут грузить. На фронте трагично. Бои идут уже под Ростовом. Мы отрезаны от армии и имеем два пути к отходу — или на Одессу, или в Румынию.

г. Ольвиополь
23 декабря 1919 г.

Говорят о союзе с немцами. Будто бы они обещают нам к весне очистить Россию от красных и уже через неделю дать первые 4 корпуса. За это требуют установление монархии с главой из дома Романовых и немедленного объявления войны Англии и Франции.

г. Ольвиополь
24 декабря 1919 г.

Началось повальное пьянство. Пьяны все: и солдаты, и офицеры. Прямо тошно смотреть; главное, что сам пьян в дым.

г. Ольвиополь
25 декабря 1919 г.

Праздник прошёл вяло и скучно. Пьянство продолжается. Приехали Каниболотский и младший брат Шамборант. Я снова принимаю 3-й эскадрон. Львов поправляется.

г. Ольвиополь
26 декабря 1919 г.

Кажется, начинаю заболевать. Чем — не разберёшь; кажется, тифом. Придётся, по-видимому, эвакуироваться в Одессу в лазарет.

Отступление

с. Ставчаны
14 февраля 1920 г.

Вот уже давно я забросил свой дневник, но это не по моей вине. Сколько пришлось пережить за это время всяких мучений, и нравственных, и физических! Теперь у меня нервы истрёпаны, здоровье расшатано: я старая измотанная кляча, никуда не годная.

Начались мои испытания с того, что меня погрузили в Голте в товарный вагон и повезли в Одессу. Бред смешивался с действительностью. Было холодно. Вагон весь в щелях. Печка не греет; ноги мёрзнут, голова в огне; рядом стонет Гоппер, тоже больной сыпным тифом. Вишневский в бреду соскакивает с нар, бросается к выходу; его ловят и с трудом водворяют на место.

После четырёх дней настоящей пытки подъезжаем к Одессе, но к самому городу нас не пускают: не то пути забиты, не то просто начало паники, ведь городу грозит уже отдалённая опасность большевистского нашествия.

У меня тяжёлый бред: кажется, будто большевики окружили нас и спасения нет — надо стреляться. Тяжело расставаться с жизнью в 25 лет, но, с другой стороны, такая апатия ко всему, такая усталость, что всё безразлично. Наконец наступает решительная минута, беру револьвер, поворачиваюсь почему-то лицом вниз и стреляю себе в голову. Раздаётся оглушительный выстрел, и я умираю. Странным кажется то, что после смерти всё остаётся по-прежнему: слышу разговоры окружающих, смутно в темноте вагона вижу красноватый отблеск печки. Минутами бред проходит, но тогда ещё больше ощущаешь жажду, и холод, и безвыходность положения. Нет ни врача, ни лекарств.

Наконец встречаем кого-то из нашего дивизионного обоза. За мной высылают тачанку и меня везут в город — вёрст за восемь. Холод нестерпимый. В полубессознательном состоянии я еду по улицам Одессы. Город представляет жалкую картину. Магазины почти все закрыты; жители мечутся в каком-то лихорадочном состоянии.

Оказывается, нигде в лазаретах нет места. Меня с трудом устраивают в только что открытый лазарет Союза го-

родов. Но не отдых сулит мне это, а только начало новых мучений и испытаний. Нас ведут в приёмный покой и кладут на землю, на соломенные маты. Больные лежат рядами; тифозные, вперемешку с другими, полные вшей, заражая друг друга, в грязи, в изодранных шинелях. Иногда появляются сестра или доктор, быстро обходят больных, но ни лекарств, ни какой-либо помощи всё равно не дождёшься. Температуру не меряют, пить дают прямо сырую воду.

Рядом со мной лежат доктор Гукасов — наш полковой доктор, Вишневский и Гоппер. На пятый день нам делают ванну. После горячей ванны заставляют подниматься по крутым лестницам на третий этаж и кладут на носилки в нетопленой комнате. Нет даже одеяла, чтобы укрыться. Градусов в комнате самое большее 3–4. Санитар из жалости даёт мне свою шинель. Мои вещи взяты в дезинфекцию.

Приходится устраивать скандал, и меня переводят в более тёплое помещение. «Более тёплое» — это, конечно, понятие относительное, ибо градусов там, наверное, не более восьми. Вместо одеяла на меня кладут матрац, набитый соломой. Холодно и голодно.

Кроме меня и Гоппера, в палате находятся ротмистр Чикваидзе, командующий 7-м эскадроном, и корнет Иртахов, тоже <из> 7-го эскадрона. Нас изредка навещает Боря Шереметев, кн. Давид Чавчавадзе и Шамборант, уже оправившийся от тифа. Нам привозят еду из обоза.

Числа 20 января Гоппер выписывается из лазарета и переезжает к нам в обоз, стоящий на окраине города. Становится скучнее, и — что всего печальнее — у меня внезапно снова поднимается температура. Мало оказалось с меня сыпного тифа — я заболеваю возвратным, но, к счастью, в лёгкой форме. Всё тело ломит, чувствуешь каждую косточку, каждый сустав. И лежишь при этом почти на голых досках.

Так проходит 22 дня. События идут своим чередом, и наступают грозные дни. Ростов, Таганрог и Новочеркасск захвачены красными; полк наш уже где-то под Вознесенском в тылу у большевиков. Позиции приближаются к Одессе. Уже осталось красным пройти до города только вёрст 80–50. В городе паника. Стараются организовать

какую-нибудь защиту, но тщетно. Формируются какие-то фантастические отряды с пышными названиями, но все, даже устроители, чувствуют, что это бутафория, что ни «Отрядами священного долга», ни «Крестьянским отрядом атамана Струкова» не спасти Одессу. Здесь нужны боевые полки. В городе зарегистрировано до 45 000 одних лишь офицеров! Неужели нельзя объединить их?

Шиллинг растерялся и уехал. Первыми удирают, конечно, штабы и начальство. Скоро все магазины закрываются. Нельзя достать ни хлеба, ни молока — в лазарете выдают уже полпорции; затем хлеб совершенно исчезает с нашего горизонта. Мы голодаем.

В городе начинается уже стрельба — это многочисленные местные большевики подняли восстание. Наш лазарет отрезан от обоза. Англичане обещают устроить эвакуацию лазарета. Не поздно ли? Говорят, часть раненых и больных попадает в Алжир, часть в Варну. Но что делать там без вещей и без денег?

Наконец положение становится совсем угрожающим. Слышна уже канонада. Тяжёлые орудия английских броненосцев сотрясают воздух. За мной заезжает Боря Шереметев в коляске и берёт меня и Вишневского. У последнего всё ещё бред. Едем по пустынным улицам Одессы. Всюду паника; зрелище не из приятных.

Вот и обоз. Половина имущества бросается. Мы теряем около 300 сёдел — сёдел, которые мы целый год ждали, как манну небесную. Бросаем муку. Да мало ли что бросается в этот вечер в Одессе. Ночью выезжаем из города под аккомпанемент грохота английских орудий.

Куда мы идём и зачем? Определённо ничего не известно. Говорят, что Румыния под давлением союзников согласна нас пропустить. До границы недалеко: сделаем два-три перехода — попадём в Румынию. Оттуда — в Варну, где нам подадут пароходы и откуда нас перевезут в Новороссийск. Если бы я знал в этот вечер, сколько мне ещё предстоит мучений!

Начался поход, полный опасностей, неожиданностей и приключений, воистину «Ледяной поход»[42] со всеми его ужасами и страданиями.

Отход к полякам

24 января 1920 года часов в 9–10 вечера целый ряд повозок, фургонов, тачанок и даже элегантных экипажей проезжал по улицам Одессы. Это был наш обоз: дивизионный — под командой поручика Козлова и полковой — под командой Стецкевича и Томсена. Впрочем, беспорядок в обозе полный, так как, в сущности, распоряжаются все — и полковник Томсен, и Стецкевич, и кн. Туганов. Все мечутся. Много новых лиц: очевидно, за время моей болезни к нам попало много новых офицеров.

Город огромный, и мы без конца плутаем по почти тёмным улицам, так как освещение отсутствует. Впереди, сзади и с боков двигаются какие-то другие обозы и задерживают нас на поворотах. Постепенно мы всё-таки выбираемся из города.

Как красиво, должно быть, было здесь в мирное время. По обеим сторонам шоссе тянется ряд чудных садов. В их глубине мелькают светлые дачки и домики. Да и теперь, при трепетном свете луны, которую то и дело закрывают облака, всё это сказочно красиво. Как будто какое-то мёртвое заколдованное царство.

Но какой холод! Лёгкие болят, и застывают руки и ноги от сидения в экипаже. А ходить нельзя: такая слабость, что сердце не выдержит. Наконец, после бесконечного перехода, уже совершенно замёрзшие и измученные, мы приходим в немецкую колонию Гросс-Либенталь. Колония скорее напоминает нарядный немецкий городок: дома в несколько этажей чисто городского типа, с садиками, окружёнными чугунными решётками; словом, с деревней имеет мало общего.

Начинаем тыркаться в дома — половина занята уже пехотой, которая нас к себе не пускает. Другая часть пуста: хозяева сбежали из боязни большевизма. Есть и такие, которые просто не желают пускать к себе обоз. Наконец порядок теряется окончательно — все разбредаются куда попало, и ищут себе квартиры самостоятельно. Я ещё долго брожу по холоду, пока Боря Шереметев не впускает меня в какой-то дом.

В одной половине наши «главковерхи», в другой — Каниболотский, Тускаев, Янович, я и наши две сестры. Виш-

невского, совершенно больного, положили тут же на соломе. У меня отморожены пальцы на обеих ногах, да это и неудивительно при английских сапогах с подковами. С наслаждением пьём чай и засыпаем мёртвым сном без сновидений.

25 января часов в 10 выступаем. Спать пришлось часа три. У всех серые злые лица, все устали, лошадям фуража досталось мало. В моём экипаже хорошие лошади — пара вороных поручика Козлова: Васька и Зайчик. Переход, к счастию, сравнительно небольшой — вёрст 12–15, но мы двигаемся черепашьим шагом, потому что нам то и дело преграждают дорогу чужие обозы. Обозы все невероятно большие; повозки следуют за повозками, и кажется, что им конца не будет. На некоторых сидят женщины — это или сёстры милосердия, или жёны офицеров, или просто дамы. Есть и совершенно штатская публика — беженцы в Румынию. Везут много лишнего, и я уже вижу заранее, как постепенно всё будет бросаться по пути.

К вечеру приезжаем в Франц-Фельд. Колония богатая, но уже не такого городского типа, как Грос-Либенталь. Со мной всё та же компания, но без сестёр. Ночью слышна стрельба. С нами двигается отряд пресловутого капитана Струка или, как его называют, «атамана Струка». Может быть, это он сражается с кем-нибудь. Настроение тревожное, никто не раздевается на случай тревоги.

27 января выступили из Франц-Фельда. Утро было чудесное: грело солнце и воздух был прозрачный, как это бывает только в зимнее утро. Со мной рядом в экипаже сидел Вишневский и обе сестры. Проехали с. Маяки и добрались до следующей деревни. Название ускользает из памяти: что-то вроде Беляки[43]. Остановились, чтобы сделать привал.

Здесь именно случилось нечто совершенно неожиданное. Справа от нас раздалось несколько пушечных выстрелов. Потом пробежал мимо экипажа кто-то из наших офицеров и крикнул Шереметеву: «Смотрите, г-н полковник, показалась лава с пулемётными тачанками». Я выглянул из экипажа, и, признаюсь, сердце моё сжалось от страшного предчувствия. Правее нас спускалась с пологого холма огромная лава большевиков. Всего в первой лаве было человек 80, за ней шла ещё вторая лава, которую тру-

дно было разглядеть, потому что солнце слепило прямо в глаза. Между конными можно было заметить и пулемётные тачанки.

Около моего экипажа стояли Тускаев и Фиркс. На каменном лице Тускаева нельзя было ничего прочесть; что касается бедного барона, то видно было, что он волнуется. Я постарался придать своему лицу выражение полной беззаботности и тоже вышел из экипажа.

— Доездились, — мрачно сказал Тускаев.

— Доездились, — как эхо, повторил за ним Фиркс.

Говорить как-то не хотелось, ясно было, что смерть уже близка. Оставалось шагов 1500, не больше. Затрещали пулемёты, и, вероятно, засвистали пули, но последних я слышать не мог, так как после тифа почти оглох. Вскоре началась и ружейная трескотня. В это время мимо нас проскакало несколько всадников из отряда Струка: «Большевистская кавалерия нас отрезает спереди — надо скорее пробиваться».

Я и сам знаю, что каждая минута промедления отнимает у нас последний шанс на спасение, но обоз почему-то стоит и не двигается. При нас есть что-то вроде эскадрона, составленного в Одессе Юрием Абашидзе. Командует им Боря Шереметев. Боря оказался молодцом — выскочил вперёд и хотел атаковать неприятеля, но не то люди не пошли (обозный сброд), не то его кто-то удержал.

Потом вдруг всё ринулось; сначала рысью, потом галопом. Выехали в открытое поле и понеслись. Скакали, конечно, как попало, в полном беспорядке, благо почва была ровная, без канав и рытвин. Иногда пуля попадала в лошадь, и она падала, опрокидывая повозку. Среди нас с шумом и треском разорвалось несколько гранат, обдавая чёрным дымом и запахом пороха. Две гранаты попали прямо в фургоны, превратив их в кучу обломков и лошадиного мяса. Но это я не видел — к нам на подножку вскочило трое: наш фельдшер Букачёв, денщик Лопухов и ещё какой-то драгун. Это из тех, которые вышли с тачанок и не успели сесть во время паники. А гранаты всё сыпались и сыпались, и мы всё неслись и неслись. Доблестный эскадрон, вместо того чтобы прикрывать наш тыл, скакал параллельно нам с явной тенденцией ускорить аллюр.

Если бы большевики вместо того чтобы нас обстреливать, атаковали бы нас, то ясно, что спасение было бы невозможным. Вообще, положение было безнадёжное, и спасти нас могло только чудо. И это чудо, этот единственный шанс случились. Большевики нас не атаковали. Испугались ли они нашего жалкого эскадрона, отвлекли ли их внимание обозы, следовавшие за нами, неизвестно, но факт тот, что они ограничились обозначенным преследованием и обстрелом.

С какой благодарностью и радостью посмотрел я вокруг себя, когда мы подъехали к лиману, посмотрел на ликующее голубое небо, яркое солнце и все эти мелочи, которые обыкновенно не замечаешь, но без которых общая картина была бы неполной. Боже, как хорошо жить на свете и как тяжело умирать!

Мне вспомнилась надпись на стене Киевской чрезвычайки — надпись, сделанная каким-то несчастным, приговорённым к расстрелу, надпись короткая, но ужасная: «Боже, как тяжело умирать в 21 год...» Да, жить всё-таки хорошо, и оценить это можно только, когда посмотришь смерти прямо в глаза и почувствуешь её близость.

Переход через лёд был медленным и трудным. Лошади падали, скользили, снова подымались, снова падали, разрывая постромки и ломая фургоны. Приходилось идти медленно, а это было довольно неприятно, так как до румынской границы оставалось ещё порядочное расстояние.

Пройдя версты 2 $^1/_2$ — 3 по лиману, мы вступили в область камышовых зарослей. Камыш этот невероятной высоты — в несколько раз выше человеческого роста — и с очень толстыми стеблями. Между этими зарослями извивается дорога, протоптанная шедшими впереди обозами. Дорожка эта идёт по льду и похожа на коридор среди зарослей осоки. Горизонта не видно. Верста за верстой тянется камыш, а Днестра всё нет и нет.

Солнце начинает уже склоняться, но у всех бодрое настроение: говорят, румыны пропускают и отбирают лишь огнестрельное оружие, которое потом отдают при посадке на суда в Констанце.

Вот уж и Днестр. Он в этом месте не широк, но берег его обрывист и трудно обозам переправляться. Здесь много

обозов, и от них мы узнаём новость, которая поражает нас, словно удар обухом по голове: оказывается, румыны ни под каким видом не согласны нас пропустить. Сначала они ставили следующее варварское условие: сдача всего — обозов, лошадей, имущества и оружия — и переход на положение именных в концентрационный лагерь, но затем по каким-то странным соображениям отказались даже от этой выгодной, казалось бы, для них комбинации. Сейчас идут переговоры между румынским командованием и нашими генералами Оссовским и Бредовым. К чему они приведут, Бог ведает, но пока что мы переправляемся через Днестр на румынский берег.

Вот что мы узнали от обозов, пришедших раньше нас. Эти несчастные провели ночь под открытым небом у костров, без пищи, на страшном морозе и, главное, в виду румынской деревни!

Вскоре мы переправились. Господи, сколько здесь обозов! Целое море повозок, лошадей, людей, среди которого здесь и там дымятся костры из прибрежного ивняка. Ожидание томит нас и также чувство или, вернее, предчувствие всех тех испытаний, которые нас ещё ожидают впереди. К Бредову поехал Шереметев, но его что-то долго уже нет.

Неожиданно раздался выстрел, но сразу трудно определить, в каком направлении. Впечатление, что от румын, но это кажется так дико, что вернее предположение, что большевики обнаглели до того, что обстреливают нас на иностранном берегу. Раздаётся следующий выстрел. Странно, но полное впечатление, что снаряд пролетел с румынской стороны. Вот и разрыв, совсем близко, шагах в 80 от нас, между нами и румынами. Немного неприятное чувство быть неподвижной целью для чужой артиллерии. Наконец раздался выстрел уже определённо от румын. Мы ушам своим не верили и буквально остолбенели от удивления.

Что же это такое? Среди переговоров, когда мы мирно ждём их результатов, начинается стрельба по беззащитному обозу, по больным, по женщинам и детям. Прямо чёрт знает что такое. Можно ли выдумать что-нибудь более бесчеловечное, более жестокое? Прогонять нас на тот берег, на верную почти гибель к большевикам! Между тем снаряды продолжали сверлить воздух над нашими голова-

ми и разрываться то впереди нас, то среди камышей. Румыны потом уверяли, что стрельба была лишь для устрашения, но результаты налицо: трое артиллеристов тяжёлой батареи, убитых в этот достопамятный вечер на румынском берегу.

Офицеры собрались в кучку. Что делать? Шереметева нет, результатов переговоров нет, а между тем к артиллерийской стрельбе примешивается уже ружейная. Пожалуй, проще всего взять белый флаг и пойти к деревне. Убьют — чёрт с ними: бейте, подлецы. Вот приехал и Боря. Надо уходить на русский берег и идти на север на Тирасполь. Авось присоединимся к полякам.

Мы тогда не ели целый день. Мучит голод, холод, чувство полной беспомощности и сознание трудности положения. Дело, в общем, дрянь. Всю ночь мы шли. Что это была за ночь! Видит Бог, за эти четыре или пять лет войны я испытал немало лишений. Я мёрз на персидских перевалах, жарился в степях под Багдадом и нравственно мучился под Минском, когда начинался развал полка. Но такого соединения физических страданий и душевных у меня, кажется, никогда не было.

Лёд начал таять. Местами он трещал и проваливался. Потонула лошадь Шереметева. Шли страшно медленно. Цел наш начальник штаба Бредова (кажется, полковник Генштаба Галкин). Наконец выбрались из камышей и чуть не по колено в воде двинулись через лиман. Взошла среди утреннего тумана тусклая невесёлая луна и осветила бесконечную серую поверхность льда.

Наконец выбрались на берег и попали в какую-то огромную деревню. Прошли через неё, ещё через несколько деревень и под утро добрались до деревни Граденицы, сделав более 50 вёрст и потеряв более 57 лошадей.

Следующий переход был большой, нам нужно было скорее уходить, чтобы не было вторичного нападения на обоз. 28, 29, 30, 31 мы проходили через селения Гнилое, Ташлыки, Тирасполь и, наконец, 1 февраля вошли в местечко Дубоссары.

За два дня до этого у меня начался сильный жар — третий приступ возвратного тифа. На подъезде к Дубоссарам у меня начался сильный бред, и очень неприятный. Сначала мне мерещилось, что впереди нас большевики и что

мы отрезаны. Затем совершенно ясно мы поняли, что мы уже в плену у большевиков. Слышал даже их голоса, приказания и пр. Затем я слышал выстрелы и видел на снегу трупы расстрелянных. Ночь была полна кошмаров.

На следующий день, 2 февраля, к нам присоединился полк. Только когда я собственными глазами увидел Львова, Маклакова и всех своих, я понял, что накануне бредил. В час дня мы выступили, и снова я стал забываться. Мне всё время казалось, что справа и слева от нас движутся лавы красных и их пулемёты.

Вечером прибыли в Артировку, а на следующий день сделали огромный переход до селения Мокрое. Селение оказалось занятым другими частями. Мы набились в одну хату и заснули только поздней ночью. Стали подсчитывать свои потери. Исчезли полковник Кусов, штабс-ротмистр Чайка и Болдырев, а также много драгун. Про Болдырева известно, что он по льду перешёл в Румынию. Многие под Беляками потеряли свои вещи. Я дал смену белья Тускаеву.

Утром 4-го настроение было мрачное. Нам предстоял последний опасный переход, но зато приходилось переходить через полотно железной дороги, где, говорят, были сильные большевистские части и ходили бронепоезда. Ходили зловещие слухи, что передовые обозы целиком уничтожены противником.

Постепенно выясняется, кто с нами отступает. Идут: 42-й Донской, Лабинский, 2-й Конный, 3-й Конный <полки>, Волчанский отряд и ещё из кавалерии всякая мелочь — партизаны и т.д. Из пехоты: Сводно-гвардейский, Белозёрский, Симферопольский офицерский и ещё другие <полки>. Кроме того, артиллерия почти без орудий и бесконечное количество команд разных бронепоездов, штабы Бредова и др., этапы и пр.

Переход через железную дорогу вовсе не оказался роковым для нас. Путь был взорван 42-м Донским, бронепоезд был нами обстрелян. Кавалерия прикрывала фланги, и все обозы благополучно прошли. Дальше начались горы. Мы с трудом перевалили <через> несколько хребтов и к вечеру прибыли в д. Красненькое. Это было 4 февраля.

5 февраля начались личные мои неудачи. Я всё время ехал с корнетом Вишневским. Соседство не из приятных,

должен сознаться. Во-первых, он всё время дремлет, завёрнутый с головой в одеяло. Во-вторых, на нём столько вшей, что они не только сидят в его белье, но даже бегают снаружи по его полушубку. В какой-то деревне мой экипаж и экипаж Тускаева оторвались от остального обоза. Мы сейчас же заблудились и попали в густой лес. В скором времени увидели костры — это были 5-й и 6-й эскадроны, тоже отставшие от полка.

Во всякое другое время я бы оценил красоту картины. Огромные костры, вокруг них люди в бурках, разноцветных башлыках, в живописных позах греются и подбрасывают новые пучки соломы и хвороста. Старые огромные дубы тесно обступают полянку и полуразрушенный домик лесника. И иней, густо покрывающий их толстые корявые ветви, блестит и сверкает при свете огня. Что-то вроде этого есть в «Жизни за царя»[44], где поляки ходят взад и вперёд, звякая саблями и бердышами, в таком же густом и мрачном лесу. К довершению сходства появился и «Сусанин» в образе деревенского парня. Он увёл куда-то эскадроны, а мы снова отстали и всю ночь проблуждали в лесу.

Под утро снова очутились в той деревне, где были вечером, и проспали оставшиеся до рассвета два часа на краю в тесной лачужке. Утром проехали через Алексеевку, где ночевал полк; здесь Тускаев уехал вечером и оставил меня одного. Вокруг меня начали группироваться оставшиеся повозки — офицерские вещи, патроны, часть околотка и т.д. За деревней попали в огромную балку. Сломались все четыре рессоры; стояли часами затёртые, как во льдах, среди тысяч повозок чужих обозов. К счастью, яркое солнце немного веселило душу и придавало бодрости.

Лишь ночью я прибыл в с. Студёное. Квартир уже почти не было. Спал с Даниловым и конюхами. 7-го двинулся дальше. В первой же деревне опять наткнулись на крутой и бесконечный подъём. Обозы застряли, и мы провели почти целый день на преодолении этого подъёма. Вечером случайно узнал, что полк стоит близко — в 5-ти верстах в с. Требушовка[45]. Немедленно пустились в путь, и к темноте я был уже среди своих. Какая это была радость!

Дальше шли почти без приключений. 8-го были в деревне Джугастра. 9-го — в Боровках. 10-го — в Озаринцах.

11-го — в Жеребиновке. 12-го — в Житниках. Всё это были большие селения, и почти в каждом было разорённое имение. Эти имения были почти все польские. Некоторые прямо грандиозные — с дворцами, дивными парками и службами.

Почти каждая деревня находится в глубокой долине. Спуск к ней и подъём при выезде из неё представляют препятствия, на преодоление которых ежедневно тратится часа три-четыре. Одна из деревень, именно Житники, представляет собой уже настоящую картину Швейцарии. Домики лепятся на склонах каких-то глубоких пропастей, на дне которых бегут горные ручейки. Жители здесь одеваются в национальные костюмы; женщины в вышитых красивыми узорами рубашках. Чувствуется уже близость Галиции и Буковины.

На следующий день мы достигли местечка Новая Ушица, где наконец встретились с польскими войсками. Одеты они во французское обмундирование ярко-голубого цвета. И признаться, вид у них весьма опереточный, но, в общем, одеты они чисто и аккуратно. Физиономии у них розовые и раскормленные, и рядом с нашими солдатами, ободранными, худыми, обтрёпанными и покрытыми с ног до головы засохшей грязью, эти чистенькие, вымытые, подтянутые, хорошо одетые солдатики выигрывают. Но это именно на вид, по крайней мере, не солдаты, а «солдатики». Видим и офицеров. В общем, у наших куда более боевой вид и, вообще, в наших чувствуются бойцы, чего нельзя сказать про поляков.

Ночевали отвратительно — без фуража и голодные. 14-го прибыли в Ставчаны. 15-го в местечко Замехов. Местечко разгромлено казаками и на две трети сожжено. Жиды частью бежали, частью перебиты, достать ничего нельзя. Вообще, картина полного разрушения. Первый раз мы попали на хорошую квартиру. Ели чудесный липовый мёд и спали сном праведных.

Теперь я езжу с Гоппером в другом экипаже, Вишневский имеет уже слишком много вшей. 16-го прибыли в с. Дашковцы. Квартира чудная. Львов как-то говорил, что лозунгом или, вернее, девизом здешних хозяев является слово «нема». Нема молока, нема яиц, нема хлеба и т.д. В Дашковцах в первый раз слово «нема» не было пущено в

ход. Появилось сливочное масло, хлеб, молоко, сметана, яйца. Словом, в результате все объелись и на следующий день имели вид подавленный.

17-го была ложная тревога. Обоз, и в том числе наш экипаж, выехал версты за три, простоял под страшным ветром и вернулся затем снова на старые квартиры. Мы всё время в непосредственной близости от неприятеля. Уже пятый день, как правее нас стрельба из орудий и расстояние до противника то 10, то 15, то 8, а сегодня всего 3 версты. Поэтому мы несём очень тяжёлую сторожёвку. Эскадроны соединены по два. Один Тверской (Первый сводный эскадрон), один наш (3-й + 4-й) и Северский. Нашим командует Львов, помощником его Юрий Абашидзе, 1-м взводом командует Люфт, 2-м — Маклаков, 3-м — Старосельский (3-й взвод — это жалкие остатки 4-го эскадрона). Остальные офицеры несут солдатскую службу в строю. У них в строю: Чухнов, Каниболотский, граф Шамборант 2-й, Беднягин. Кроме них, много присоединившихся к нам по дороге офицеров разрозненных частей, бронепоездов и т.д. Фамилий их я даже не знаю. Пулемётов у нас 7. Ими заворачивает Фиркс.

Отправили больных. Уехали: Тускаев, Исаев, Беднягин, кн. Туганов и много других. Их поместят в польские лазареты, а затем они хотят удрать в Россию. Янович уехал в Ковно, уехали и Михайловский, и Томсен. Не знаю уж, умно или глупо сделал я, что не поехал тоже. Будущее покажет.

Теперь всё, что было пропущено из-за моей болезни, записано. Конечно, многое пропущено, постараюсь снова правильно вести дневник.

<u>с. Женишковцы</u>
18 февраля 1920 г.

Вот и селение, предназначенное нам для отдыха. Хорош будет отдых, нечего сказать: противник находится от нас в 4-х верстах, а его передовые части, как сказано в вечернем приказе, в 1-й версте (!!!??!). Последнее уже как-то даже странно. Но лошадей не рассёдлывали, и обозные лошади были всю ночь в хомутах.

с. Женишковцы
19 февраля 1920 г.

Ночь прошла спокойно. Наступили чудные дни: солнце, тепло, всюду с весёлым журчанием мчатся ручейки. И снег почти исчез. Зато грязь прямо потрясающая.

Только что узнали радостную новость. Оказывается, нас перебрасывают на Северный Кавказ. При этом сначала будут отправлять больных и раненых, и, вероятно, в том числе поеду и я с Гоппером.

Единственно, что меня смущает, это то, что Румыния уверяет, что у неё нет достаточного количества перевозочных средств и фуража и потому она забирает себе лошадей — у казаков она покупает их по 3 000 марок или больше; офицерам дозволяется провести собственных лошадей. Оружие складывается в особый вагон и выдаётся в порту. Попов заявил, что он лучше пойдёт в поход, нежели бросит лошадей. Говорят, он едет в Варшаву. Словом, всё это ещё не скоро.

Сегодня ходил с Фирксом и Гоппером в разрушенное имение генерала Исакова и забрал много книг.

с. Женишковцы
20 февраля 1920 г.

Несём очень тяжёлое сторожевое охранение. Три заставы по 15 человек при 3-х пулемётах. На следующий день 3 разъезда по 10 коней. Ежедневно перестрелки ружейные и пулемётные, так как наши посты видят посты красных.

с. Женишковцы
21 февраля 1920 г.

Осматривал разграбленное имение генерала Исакова. Дом огромный, но безвкусно устроенный. Много книг и журналов, много французских романов.

с. Женишковцы
22 февраля 1920 г.

Лошади подправились, да и мы отошли немного. Ежедневно орудийная стрельба, сегодня особенно сильная;

похоже на атаку. На постах сторожевого охранения оружейная и пулемётная стрельба.

с. Женишковцы
23 и 24 февраля 1920 г.

Ежедневно утром пулемётная стрельба. Большевики становятся наглыми.

с. Женишковцы
25 февраля 1920 г.

Скука адская, единственное занятие — еда. Что делается на Ростовском фронте, не знаю. Может быть, там уже всё кончено и игра проиграна. Поговаривают, что в Сибири победа красных полная, даже утверждают, что Верховный Правитель — то есть адмирал Колчак — взят в плен и расстрелян.

Была тревога. Красные сделали что-то вроде демонстрации против сторожевого охранения, которое было от тверцев, и тверцы отошли. Обоз выехал, едва не застрял в грязи при выходе из деревни и только ночью вернулся.

с. Виньковцы
26 февраля 1920 г.

В два перехода прибыли в «тыл». В Женишковцах нас сменили волчанцы-партизаны. Выступил сначала обоз часов в 7 вечера и прибыл на ночлег в 2 ночи, сделав... 4 (!!!) версты и потеряв 1 экипаж и 2 фургона. Ночью местные большевики сделали нападение на людей, оставшихся при экипаже, и обратили их в бегство. На следующее утро полк, проходя по тем же местам, захватил человек 8-10 этих господ и уничтожил их.

Вот, кстати, выдержка из приказа командира полка, где говорится про нашу дальнейшую судьбу:

«По соглашению с Польским командованием, с 24.II началась отправка в тыл нашей Армии (громко!), причём через Ярмолинцы, где будет происходить сдача огнестрельного оружия, будет проходить 1000 здоровых + 500 больных.

В Ярмолинцах мы получим польский обед и забираем продовольствия на 4 дня. В тот же день войска выступают дальше на Городок, где будет баня. Из Городка после бани наши войска перейдут в Гусятин, где назначен карантин. Сначала пойдут части 2-го корпуса, затем Гвардия, группа генерала Шевченко и группа генерала Склярова».

Кстати, говорят, что Сербия и Болгария объявили войну Румынии.

<u>с. Виньковцы</u>
27 февраля 1920 г.

Пробудем, кажется, долго. Вчера провели телефон на нашу квартиру. Вечером в приказе по полку командир полка сообщил, что в Гусятин мы не поедем, а пойдём или в район Калиша, или Кракова, или Перемышля (??). Что-то всё это мало понятно.

Получили известие, что бедный Бородаевский жив, но что ему ампутировали обе руки, которые он отморозил себе на лимане.

<u>с. Виньковцы</u>
28 февраля 1920 г.

С утра сильная артиллерийская, пулемётная и ружейная стрельба. На всякий случай поседлали <лошадей>. Оказывается, «товарищи» решили перейти в наступление, но немного неудачно выбрали момент, именно: когда происходила смена полков 42-го Донского и 2-го Конного генерала Дроздова[46]. Таким образом, они наткнулись сразу на 2 полка, и их основательно потрепали — забрали пленных и т.д.

<u>с. Виньковцы</u>
29 февраля 1920 г.

Противник обстрелял наше сторожевое охранение. Прибыл батальон польской пехоты.

с. Виньковцы
1 марта 1920 г.

Ходим в разъезд в д. Дашковцы, где мы когда-то стояли. Расположились на окраине деревни, в то время как другую занимали «товарищи», но столкновения всё же не было.

с. Виньковцы
2 марта 1920 г.

Ходил на фуражировку с Борей Шереметевым, Гоппером, северцами и тверцами. Промотались целый день и вернулись уже в темноте.

Поляки роют вокруг Виньковцев окопы и для этого выгоняют на работу мужиков и жидов. Под Ушицей поляки переходят в наступление. Ходят слухи (из польских источников), что Добрармии уже нет. Если это так, то наше дело плохо. Впрочем, мало ли что врут.

м. Солобковцы
4 марта 1920 г.

Опять зима. Выстроились около штаба в 8 $^1/_2$ утра. Накануне Попов говорил по телефону с генералом Бредовым. Оказывается, отношение поляков более чем корректное, и все слухи про то, что при разоружении они грабят, ложные и создаются с целью, чтобы драгуны продавали вещи жителям.

Когда мы выстроились, прибыл командир польского полка, офицер русской службы. И пожелал нам счастливого пути. Когда он благодарил нас за совместную с поляками работу, то голос его дрогнул и он прослезился. Всё-таки как никак, а долгие годы на русской службе не прошли даром. Они наложили на него неизгладимый отпечаток, и грустно было ему видеть уход последних русских полков.

Вот и кончилась наша работа на фронте. Может быть, уже никогда не придётся мне воевать, и последний раз ходил я в разъезд? Кто знает? Пять лет воевал я — потерял за это время веру в людей, здоровье, энергию. Да мало ли что потерял! Пять лет молодости.

Пять лет молодости — лучшие годы жизни — истрачены без пользы в бесплодном шатании по деревушкам, городкам, лесам и пустыням в стужу, жару и проливной дождь. И теперь всему этому конец. Выброшен, можно сказать, за борт.

м. Городок
5 марта 1920 г.

С тяжёлым чувством выступили мы из Солобковцев. Что нас ждёт впереди?

День хороший. Яркое солнце согрело землю, и уже пахнет весенним запахом, в котором смешиваются и запах тающей земли, и снега, и ещё какие-то почти неуловимые и неизвестные ароматы.

Вот в лощине станция Ярмолинцы. Вьётся дымок паровоза. В декабре и ноябре 1915 года я уже был в этих местах. Ярмолинцы, Фельштин, Новое Село, Выхватинцы — всё это знакомые места. Но какая разница во всём! Какими гордыми победителями мы были тогда; какой это был полк! А теперь? Почти что пленники, эмигранты...

У станции началось наше разоружение. С обеих сторон нас окружили поляки, преимущественно уланы 8-го и 9-го полков. Вид у них нарядный. Часть одета в тёмно-синее с жёлтым, часть в серое сукно. На головах — кивера-конфедератки[47], сбоку тяжёлая блестящая сабля. У всех или австрийские карабины, или немецкие. У пехоты, одетой в серо-голубое французское сукно или в серо-оливковое — австрийское, пехотные французские винтовки, довольно старого образца. Надо отдать справедливость полякам: оружие у них в идеальном виде.

Проходим через две шеренги улан и отдаём шашки и винтовки (кроме шашек азиатского образца). Офицеры сохраняют своё оружие. Потом начинается отмечание лошадей. Лошадей проводят мимо офицеров особой приёмной комиссии и клеймят. Буква К — кавалерия, А — артиллерия и Т — табор, то есть обоз. Кавалерийских лошадей у нас тут же отбирают, так же как и сёдла. Потом мы выстраиваемся группами по 100 человек и идём обедать. На обед — каша, по 3 селёдки и 1 банка консервов на 3 человека. Хлеба не дают.

Так тянется часов до 8 вечера. Уже в темноте двигаемся и делаем переход в 20 вёрст до Городка. Часть людей идёт пешком. Приходим ночью. Люди и лошади помещены отвратительно. Часам к 3-м засыпаем, мрачные, голодные, злые на поляков. Могли бы лучше всё это обставить, что и говорить.

с. Ольховка
6 марта 1920 г.

Сделали переход в 30 вёрст и прошли мимо Гусятина. Кругом горы: видно, начинаются предгорья Карпат.

Нам выдали продукты. В день на человека по 1/2 баночки консервированной американской солонины и по 1/5 хлеба. Кроме того, немного кофея. Конечно, на это прожить нельзя, и потому придётся пограбить жителей.

с. Ольховка
7 марта 1920 г.

Мы начинаем слегка голодать. Вчера, например, утром ели суп из одной утки, а нас было человек 10 — не меньше. Вышло по неполной тарелке и микроскопическому кусочку на брата. Днём пили чай с кусочком хлеба, а вечером хлеба уже не было, и поели картошки, что не особенно питательно.

Львов, правда, продал ещё до разоружения наши экипажи и часть лошадей, но эти деньги он бережёт на будущее, так как пока что голода ещё нет, просто приходится отвыкать от прежнего обжорства.

Правда, приезжают к нам из Гусятина торговцы, но за белый хлеб и колбасу они берут только кроны, марки и николаевские и притом спекулируют. Керенки, донские[48] и деньги Добрармии не ходят вовсе.

с. Ольховка
8 марта 1920 г.

Очень скучно и голодно. Поляки определённо считают нас чем-то вроде военнопленных и, по-видимому, воюют они не столько против большевиков, сколько против России.

Наша «эвакуация» затягивается ещё на 4 дня. Говорят, что перебрасываются польские войска на Галицию. Для чего?

Поляки определённо морят нас голодом. Сегодня я ложусь спать на голодный желудок. Хлеба не выдали, мяса выдали так мало, что противно смотреть. Брать нельзя, а покупать не хватит денег. Что будет, когда у солдат кончатся деньги? А это будет скоро...Уже между ними ходят разговоры, что, мол, напрасно в своё время не перешли к большевикам и т.д. Господи, сколько ещё испытаний впереди!!

<u>с. Ольховка</u>
9 марта 1920 г.

Какая тоска! Прямо умереть да и только. На войне, когда нечего делать, остаются мелкие утехи человеческой жизни: курение, еда, спаньё и пр. Спаньё, конечно, остаётся — его не отберёшь, но табака нет, и приходится забыть про этот приятный порок. Насчёт еды плохо, пробавляемся картошкой.

Командир полка послал меня в Гусятин к генералу Фалееву за новостями. Новостей и приказаний нет. Сам Гусятин наполовину разрушен ещё в прошлую войну. Когда я возвращался обратно по мокрому осклизлому шоссе мимо полуразрушенной снарядами церкви, у меня невольно как-то сжалось сердце. Всюду грязь, разрушение; бесконечные ряды проволочных заграждений — старых, гниющих; никому уже не нужные окопы, залитые водой, обросшие травкой. Кое-где братские могилы.

Для кого и во имя чего умирали эти люди на этих мокрых и неприветных полях? Теперь холодный ветер расшатывает почерневшие от сырости кресты и завывает в разрушенных домах. Грустно всё это. Тоска.

Питаемся слухами. Говорят, в Москве восстание и переворот. Особенно этому не верю. Вчера был в Гусятине. Пообедал вкусно и даже с коньяком в маленьком кабачке. Обошлось это нам (нас было 9 человек) в 1300 крон, т.е. на донские деньги 27 000 рублей (!!!).

Сегодня уходит первый эшелон нашего полка в Стрый (1-й и 3-й эскадрон). Мы идём, кажется, завтра.

с. Ольховка
10 марта 1920 г.

Пехота начала грузиться. Больных отправили во Львов.

с. Ольховка
11 марта 1920 г.

Сдали остаток лошадей. Донские деньги, т.н. «колокольчики» (на деньгах Добрармии изображён Царь-колокол), которые ничего не стоили, теперь поднялись. Сначала 15 р. за тысячу (!!!), потом 20 р., теперь они стоят уже 45 р. Это уже хороший признак.

с. Ольховка
12–20 марта 1920 г.

17-го застрелился тверец, барон Врангель. Он был болен тифом и, говорят, застрелился в бреду. Пуля прошла через рот и вышла около позвоночника. Он жил ещё с $^1/_2$ часа. Очень жаль его: он был храбрый офицер и красивый молодцеватый парень. 20-го выступили в 7 часов утра. Как всегда бывает при всех посадках и погрузках, пошёл дождь, мелкий, совсем не весенний.

У польских комендантов беспорядок такой же, как у наших. Повели солдат в поезд-баню, где вода оказалась холодной, и дали подобие ужина. Наконец под вечер поехали.

г. Станиславов
21 марта 1920 г.

Едем по историческим местам, где в 1914 и 1915 году шли страшные кровопролитные бои. Что ни станция, то историческое название: Станиславов, Гусятин, река Збруч, Бучач... Все геройские эпизоды Великой войны, славные страницы нашей истории; какими трудами всё это было захвачено. Даже теперь, видя по пути непрерывные ряды глубоких, местами бетонированных окопов, с траверсами и ходами сообщений, можно судить о том упорстве, с каким наши войска наступали. Местами ещё до сих пор земля усеяна стаканами снарядов и изрыта

тяжёлой артиллерией. Колючая проволока, почерневшая от ржавчины, уже давно собрана крестьянами в огромные клубки; но и теперь, безобидная уже и бесполезная, она страшна, напоминая чёрных сплётшихся змей.

Здесь уже чувствуешь себя за границей. Часто встречаются австрийские кепи. Домики почти все свежевыстроенные: видно, старые разрушены были в своё время артиллерией. Поляки сегодня нас совсем не кормили; вообще, положение неважное.

г. Львов
24 марта 1920 г.

Нас пропускают на улицу и в соседний парк. Это, конечно, пустяк, но всё же скрашивает наш «плен». Парк хороший, тенистый. По его аккуратным дорожкам гуляют благонамеренные австрийцы, менее благонамеренные поляки и наши «деникинцы» (так называют нас поляки). В парке памятник какому-то польскому патриоту[49]; внизу шоссе, ведущее в город.

Вчера многие наши офицеры удрали уже в город, миновав рогатки с охраняющими их добродушными часовыми. Сегодня уже стало строже, так как вчера многие вернулись в пьяном виде и, кажется, со скандалом. Удивительно, как наши не умеют себя вести!

Сейчас вернулся из города. Должен сознаться, что, как говорится, «малость» не подвезло на этот раз. Так как сегодня пропусков не выдавали, то пришлось пробираться с массой предосторожностей. Во-первых, разделились на две группы, чтобы не так бросаться в глаза. Во-вторых, пустились окольными путями. Первый часовой (у ворот) пропустил безнаказанно; другой (у рогатки) посмотрел несколько косо, но всё же не задержал. Спустились до трамвая. Здесь первый скандал: вооружённый жолнеж[50] разом задержал нас и воротил назад. Но мы не пали духом. Пустились окольными улицами и благополучно минули четвёртого часового.

Город очень красив. Огромные церкви и здания, красивого стиля. Прекрасная площадь с памятником какому-то крулю Яну[51]. Против памятника здание городского театра. Вообще, совсем европейский город, но противно то, что

много жидов. Жиды здесь ходят в длинных пальто с пейсами — словом, совсем библейский вид.

Побродили немного по городу и решили подзакусить. Тут-то скандал и вышел. К нам подошёл «элегантный штатский» с рыжими усами, торчащими, как у кота, и любезно предложил пройти к коменданту. Мы приняли по возможности непринуждённый вид и «проследовали». Комендант, любезный немец, хотел было отправить нас домой с часовым, но мы дали слово самим дойти и благополучно ретировались.

Оказывается, наши вчера опять учинили какой-то дебош со скандалом, и сам генерал Промптов просил польские власти не пускать офицеров в город. Стыдно за наше русское хамство. Не могут вести себя прилично.

Вторую нашу группу — кн. Абашидзе, Старосельского, Гоппера и гр. Шамборанта тоже арестовали и отправили домой.

<u>г. Львов</u>
25, 26, 27 марта 1920 г.

Жизнь наша течёт по-прежнему однообразно. Ещё один эшелон ушёл на север. Скоро будет и наша очередь.

В Варшаву приехал генерал Шиллинг, так доблестно бросивший нас под Одессой. Он тоже ведёт какие-то переговоры с Пилсудским и польским командованием. Третьего дня дверь нашего помещения открылась и к нам вошла какая-то личность в невиданном дотоле мундире. На голове кепи вроде польского, серо-зелёного цвета; вокруг околыша обвиваются два толстых золотых жгута, а спереди вместо польского орла — сильно выпуклая золотая кокарда русского образца, но более круглая. Шинель приблизительно такая же, как и у поляков, но на тесаке... нечто совершенно неожиданное — русский георгиевский темляк!!!

Личность заговорила по-украински и предложила украинцам поступать в войска генерала Омельяновича-Павленко, которые борются с большевиками и уже заняли Умань, Черкассы, Елисаветград и Екатеринослав, названный теперь Сечеславом. Бедный Екатеринослав.

г. Львов
28 марта 1920 г.

Погода стоит прекрасная. Нас повели в баню. Баня выстроена ещё русскими в 1914–1915 годах. Она очень хорошо оборудована. Имеется дезинфекция, где все вши убиваются на месте.

После бани я пошёл с графом Шамборантом в город, выпил кофея с сахарином и съел хлеба с отрубями. Однако на обратном пути меня ссадили с трамвая и под охраной часового отправили на гауптвахту. Там коменданта не было, и потому обошлось без отеческого внушения. Меня встретили как старого знакомого, дали пропуск и отправили домой.

Сегодня нас не пускают (не говоря про город) даже в парк. За проволоку выйти немыслимо. Часовые удвоены и даже утроены.

г. Перемышль
29 марта 1920 г.

Покормили нас супом из капусты с мясом, настолько тухлым, что вся казарма наполнилась вонью, и посадили в вагоны. Вернее, не посадили, а напихали по 30 человек (без нар) в вагон. Хлеба, конечно, не дали.

Вечером было ужасно тягостное столкновение с комендантом станции. Тяжело иметь дело с победителями (хотя нас они и не побеждали), но с заносчивыми и самодовольными хамами совсем невыносимо. Началось с того, что нас заставили выждать, чтобы «дать нам понять». Потом по телефону говорилось по-польски (якобы, мы не понимаем), что надо «накормить какой-нибудь дрянью этих дорогих союзников»... Потом на замечание Львова, что нас буквально морят голодом, польский солдат вдруг заорал, что «нас вы в 1914 году вешали (?), так теперь сидите смирно» и т.д. Всё это в присутствии польского офицера. Когда Фиркс ему заметил, что мы всё-таки союзники и вместе воевали, он только презрительно пожал плечами.

Всё это действует на нервы, тем более что самолюбие наше давно уже страдает. Видеть грубое отношение какой-то 23-летней польской обезьянки, затянутой в узкий мундир какой-то тыловой крысы, к герою кн. Львову, Георгиевскому кавалеру, — это приводит меня в бешенство.

Вечером нас также не кормили. Сегодня первый день Пасхи. Невольно проносятся в памяти все предыдущие Пасхи, такие светлые, радостные, полные веселья и оживления. Вспоминаются огромные пасхальные столы, на них рядом с барашком из сливочного масла лениво возлежал заливной поросёнок, красовалась фаршированная индюшка, окорока всех сортов — и варёный, и копчёный, и цельный, и маленький без костей. А язык? А колбасы всех сортов? Уж не стану говорить про куличи, бабы, пасхи сметанные, творожные, ванилевые, сливочные, с изюмом, цукатами и классическим маленьким розаном, похожим скорее на камелию, нежели на розан, воткнутым в самую вершину.

Сколько во всём этом было поэзии и своеобразной красоты! Как горели пёстрые яички, когда скользили по ним солнечные лучи... Красные, синие, зелёные, жёлтые, они красивыми сочными пятнами оживляли и без того пёстрый стол, уставленный цветами. И погода как-то всегда устанавливалась ясная, солнечная, свежая от ещё не совсем стаявшего снега.

А может быть, всё это и не было так хорошо, как кажется теперь, и кажется всё это так мило только потому, что это было в прошлом, в детстве, когда всё скрашивается жаждой жизни и беспечной весёлостью. Длинный пост, мрачные в своём грустном величии службы, невольный трепет перед исповедью, умилённая торжественность причастия, любовь и ласка от всех, подарки и наконец впереди после экзаменов каникулы, деревня, поля, леса, купание в светлой, быстрой реке, прогулки верхом в свежем лесу, ещё сыром от ночной росы...

Боже, как это всё хорошо! Милое детство, невозвратные годы, как грустно, что они не повторятся!

г. Краков
30 марта 1920 г.

На нас смотрят как на диких зверей. Это и забавно, и обидно. Толпа всегда была и будет равнодушной и жестокой. Что может быть, в сущности, противнее сытой нарядной толпы, гуляющей под звуки весёлого оркестра и с любопытством рассматривающей толпу оборванных,

грязных и полуголодных людей, почти пленников? А наши люди действительно имеют теперь жалкий вид. Английское обмундирование порвалось, истрепалось, покрылось пятнами и заплатами. Лучшие вещи давно проданы: проданы и нарядные полушубки, и вообще зимние вещи, а летние ещё не получали.

Вчера накормили нас только утром кофеем, затем люди целый день ничего не ели и получили обед только ночью в 11 $^{1}/_{2}$ часов!

Вообще наш русский солдат никогда не умел одеваться. Взять хотя бы англичанина: будет себе носить свои вещи — правда, они сделаются рваными и мятыми, но хулиганского вида у него никогда не будет. Наш же «серый герой» ухитряется так напялить на себя тот же английский френч, что похож на куль муки, а через месяц уже у него такой вид, что с ним страшно встречаться в тёмном углу. Иностранный солдат, идя в место, где его увидит народ, подтянет пояс, отряхнётся от пыли, оденется, вычистит сапоги, наш же как был без пояса, с расстёгнутым воротником, с развязанными башмаками и надетой криво фуражкой, так и пойдёт, находя как будто в этом даже особенный шик или какую-то лихость.

<u>ст. Лодзь</u>

31 марта 1920 г.

Проезжаем через места, где в 1914 году воевали наши нижегородцы. Стояли на станции Колюшки, около которой была знаменитая атака нашего полка (главный удар приняли на себя 4-й и 5-й эскадроны под командой ротмистров Наврузова и кн. Чавчавадзе[52]).

Сидя в вагоне, мы не без некоторого благоговения смотрели на те самые луга, поля и перелески, где когда-то среди свиста пуль, размахивая шашками, неслись наши нижегородцы. Так и мерещится эта картина, и как будто слышится храп лошадей и громкое ура, смешанное с самыми последними ругательствами. Словом, всё что полагается в атаке — и красивое, и уродливое; смесь геройского со смешным, где рядом с подвигом иногда кроется самая подлая трусость.

Козлов показывал нам все эти места и объяснял картину боя. Мы по очереди проехали мимо того хутора, где раненным упал Наврузов, мимо леса, куда «уклонился» в своё время Кесарев: атака была ведена издалека с $4^1/_2$ — 5 вёрст. Вот элегантный домик, вернее лесная дачка, где был перевязочный пункт и где мучились наши раненые. Вот, наконец, и конечная цель атаки: германская батарея, скрытая в лесу. Лесок ещё молодой, сосновый; лишь кое-где среди молодняка возвышаются старые сосны. Наши проскакали тогда и через поле, и через лесок, уничтожая всё на своём пути.

Невольно вспоминаю я самую страшную атаку изо всех тех, где я участвовал, — атаку под Ново-Александровской (или Гапсином) — и сравниваю её с атакой 19 ноября 1914 года под Колюшками. Конечно, моя атака в смысле потерь с нашей стороны была менее кровопролитна, но ещё неизвестно, где забрали больше пленных и где зарубили больше неприятелей. И там, и здесь атака велась издалека, в обоих случаях неприятель имел прекрасный обстрел и защищался до последней минуты с крайним упорством и с мужеством отчаяния. Наконец, для довершения сходства, оба раза наши после блестящей и доведённой до победного конца атаки вынуждены были отступить под напором неприятельской пехоты.

Сейчас уже вечер, тёплый, почти летний. Мы целый день занимались кухней — драгуны украли картошки с соседнего поезда. И так как господа поляки сегодня нас совершенно не кормили, пришлось изощряться в приготовлении всевозможных картофельных комбинаций. Голодное время, что и говорить.

ст. Скальмержице
(Skalmierzyce)
1 апреля 1920 г.

Мы переехали границу бывшей России ночью и теперь стоим в германской Польше. Забавно слушать разговоры поляков, когда речь касается Германии. Это целые обвинительные речи, настоящие потоки самой отборной брани. Редко видывал я где-нибудь такую ненависть одного народа к другому. Посмотрим, что будет дальше.

Лагерь Щалково
Oboz Szalkow
2 апреля 1920 г.

Идём страшно медленно. Кругом аккуратненькие немецкие городки и местечки. Поля тщательно обработаны, и мы не можем не любоваться на хорошо содержащихся, вычищенных рабочих лошадей, которые вдобавок и в хорошем теле. Хозяйство больше хуторское.

Вот и Szalkow, где нам предстоит выдержать ещё один карантин, так как львовский карантин, в сущности, карантином назвать нельзя; здесь, говорят, будет очень строго и уходить из лагеря не придётся.

Идём пешком две версты от станции до лагеря. В лагере уже немало раньше нас прибывших деникинцев, и потому население особенно нас не рассматривает. Кроме нас в лагере, по-видимому, есть большевики и петлюровцы. Здесь и наши 1-й и 3-й эскадроны, то есть тверцы и северцы, а также штаб полка, Шереметев, Попов, Голицын, кн. Туганов, Хуршилов, Стецкевич и другие наши главковерхи.

Встреча радостная: они рассказывают нам про Стрый, как они голодали, как им давали лишь капусту, да и то разбавленную водой, так что было больше воды, нежели капусты. Мы им рассказываем про Львов: о том, как тоже голодали, как потихоньку удирали в город, как нас ловили и торжественно водили к коменданту для внушения. В конце концов после долгих сравнений и споров единогласно решаем, что всё-таки Львов был несравненно лучше, так как в нашем распоряжении был чудный сосновый парк и так как нам кроме той же капусты давали, в минимальных, правда, дозах, повидло, затем по 5 папирос в день на человека и хлеб.

Пока мы болтали, подоспело обеденное время и принесли суп. Суп, надо ему отдать справедливость, прекрасный: густой, сытный, с мясом. И после львовской и стрыйской капусты мы облегчённо вздохнули. Вообще, здесь всё «обилием дышит» и цены соответственно гораздо ниже львовских и гусятинских. Например, на станциях хлеб стоит 2–3 марки! Но какой хлеб — чуть ли не в аршин длиной и фунта 4 с лишним весом и почти белый! Конечно, цены, по которым хлеб продают у бараков, гораздо выше — тот же

хлеб стоит 7 марок, сигары (папирос нигде достать нельзя) 3 марки, 4 марки, если она побольше.

Здесь мы временно, вероятно, всего день, до тех пор, пока нам не сделают бани и полной дезинфекции всех вещей. После этого мы попадём в специальные офицерские бараки, где уже будем отделены от драгун. Кроме командира полка никто не будет иметь возможности видеть эскадроны.

Лагерь Щалково
3 апреля 1920 г.

Лагерь представляет собой настоящий город с улицами, площадями, переулками, церквями и даже театром. Как и во всяком уважающем себя городе, есть в нём более шикарные кварталы, где живёт наша лагерная аристократия — штабы, «генералитет», офицерство хороших полков и т.д. Есть кварталы похуже — это те бараки, где находятся офицеры менее шикарных полков, разных Белозёрских, Симферопольских и других. Есть кварталы совсем нешикарные, окраины «города», там живут наши солдаты-добровольцы.

Наконец, есть совсем мрачные улицы — там ютятся в полуподземных и мрачных бараках, словно в предместьях города, большевики и пленные галичане. Положение их незавидное: грязные, оборванные, босые или в деревянных башмаках. Они ходят по лагерю, исполняя различные самые тяжёлые работы: возят в бочках нечистоты, копают картошку, работают в бане при дезинфекционных машинах, производят чистку лагеря — подметают, вывозят в вагонетках сор, скребут и чистят всюду кругом бараков. Поляки с ними обращаются как со скотами. Если большевик попадётся на пути «жолнежа», то самые страшные клятвы и ругательства сыплются ему на голову. Не дай Бог попасться им на глаза «пану капралу». Капрал — это тип с нашивками на погонах, что-то типа нашего вахмистра или, вернее, подпрапорщика. Капралы всегда очень важны и особой любезностью к нам не отличаются.

Солдаты-добровольцы тоже немного работают, но лишь постольку поскольку это их касается: варят обед, чистят для этого картошку, бураки, морковь и другие овощи.

Словом, наши, в сущности, ничего не делают. Большевики — на положении почти рабов или рабочей скотины, про галичан я уже не говорю — более забитых и замученных людей я не видел.

Большевиков особенно мучить всё-таки нельзя — в Совдепии есть много польских пленных. И если здесь, в Щалкове, будет произведён слишком сильный нажим на пленных, то это сейчас же будет известно в России: информация поставлена у «товарищей» превосходно, и пленных там тоже будут преследовать.

Галичане беззащитны — часть их здесь и колеблется[53] в коммунистах. Часть тоже где-то болтается, и дела их неважны. За них некому заступиться, и поляки это знают и этим пользуются.

Лагерь очень большой, делится он на четыре части. В одной офицеры, в другой солдаты, в третьей «товарищи», в четвёртой, «новоукраинской», разные малороссские «товарищи», галичане и прочие народности.

Конец второй тетради

Примечания

[1] Корниловский поход — 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии, который начался 9/22 февраля 1918 года. Армия двигалась с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон. Основной целью было соединение Добровольческой армии с кубанскими белыми отрядами, которые, как выяснилось уже после начала похода, оставили Екатеринодар. Окончен поход был 30 апреля/13 мая 1918 года. Его участников называли первопоходниками.

[2] Нижегородец — военнослужащий 17-го драгунского Нижегородского полка, возрождённого в Добровольческой армии. В этом полку служил А.А. Столыпин.

[3] В конце 1917 года А.А.Столыпин покинул Нижегородский драгунский полк и приехал на дачу родителей под Батуми, откуда в начале весны 1919 года уехал в Крым, чтобы вступить в Добровольческую армию.

[4] Sloop — шлюп.

[5] Spyrea (спирея) — декоративный кустарник семейства розоцветных.

[6] Helleborus — геллеборус (морозник), растение семейства лютиковых.

[7] Anemona — анемона, растение семейства лютиковых.

[8] Tuberosa — тубероза, растение семейства агавовых.

[9] Breakfast — завтрак (англ.).

[10] 18-й драгунский Северский полк был возрождён в Добровольческой армии.

[11] Брянский завод — металлургический завод к востоку от Керчи, пущен в 1900 году, во второй половине 1920-х годов на его базе построен Керченский металлургический завод им. П.М. Войкова.

[12] Тверец — военнослужащий 16-го драгунского Тверского полка, возрождённого в Добровольческой армии.

[13] Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии сформирован в Вооружённых силах юга России (ВСЮР) 2 февраля 1919 года. Полк включал по 2 эскадрона 16-го Тверского, 17-го Нижегородского и 18-го Северского драгунских полков, а также один эскадрон 15-го Переяславского драгунского полка.

[14] В поздней публикации А.А. Столыпин называет полковника Попова Владимиром, но по другим сведениям, Сводным полком командовал полковник А.В. Попов, и возможно, автор ошибся, упоминая его как командующего 18-м Северским драгунским полком. Известно, что полковник Александр Владимирович Попов был последним командиром лейб-гвардии Семёновского полка.

[15] Далее в тетради отсутствуют точные даты записей. Это объясняется, по-видимому, тем, что автор описывал события не в день их совершения, а несколько позже, но по свежим следам. События произошли в период с 9 по 30 апреля 1919 г.

[16] idee fixe — идея фикс, навязчивая идея.

[17] Эскарп — крутой и высокий срез на скате, на склоне высоты, обращённом к противнику.

[18] Лютет — ископаемые породы эпохи эоцен (55–38 млн. лет назад).

[19] Ма́ксим — станковый пулемёт, разработанный американским оружейником Хайремом Ма́ксимом в 1883 году.

[20] Диадохи Александра — полководцы, боровшиеся за власть после смерти Александра Македонского.

[21] «Лизина Роща» — ресторан на Приморском бульваре в Керчи.

[22] Реверс, другая сторона медали.

[23] Переяславец — военнослужащий 15-го драгунского Переяславского полка, возрождённого в Добровольческой армии.

[24] В нескольких записях, помеченных «Керчь. Крепость. Май 1919 г.» точные даты отсутствуют. События произошли в период с 1 по 18 мая 1919 года.

[25] Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии сформирован во ВСЮР 2 февраля 1919 г. 2-ой Офицерский конный полк носил имя генерала М.Г. Дроздовского (не Дроздова).

[26] Генерал-лейтенант Яков Александрович Слащёв-Крымский (1885–1929) командовал тогда 5-й дивизией Добровольческой армии. Вероятно, упоминается конвой этой Слащёвской дивизии. Зимой 1919–1920 гг. Слащёв руководил обороной Крыма, эвакуировался в Константинополь, затем вернулся в Россию, был амнистирован, преподавал тактику в школе комсостава в Москве, был убит в 1929 году.

[27] В более поздней публикации автор называет другую дату этого события: 10 мая.

[28] Алексей Маклаков был ранен в колено 8 августа 1919 года в бою у деревни Ново–Александровки. А.А. Столыпин, будучи сам ранен, вывел его с поля боя и передал санитарам.

[29] Навагинцы — военнослужащие 78–го Навагинского пехотного полка, воссозданного в Добровольческой армии.

[30] Корнинский сахарный завод ныне располагается на территории посёлка Корнин.

[31] Севастопольцы — военнослужащие 75–го Севастопольского пехотного полка, воссозданного в Добровольческой армии.

[32] Симферопольцы — военнослужащие Симферопольского офицерского полка Добровольческой армии.

[33] Ломовики — ломовые извозчики.

[34] Лабинцы — военнослужащие Усть–Лабинского полка.

[35] Еврейские погромы на Украине учиняли войска Махно и Петлюры.

[36] Имеется в виду Маклаков Леонид Николаевич.

[37] Точная цитата из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», гл. XII: «А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек близ сорока костелов и уже доходил до Кракова».

[38] Льюис — английский ручной пулемёт времён 1–й мировой войны.

[39] «Сад пыток», роман французского прозаика, драматурга и журналиста Октава Мирбо, впервые опубликованный в 1899 году.

[40] Имение в Белой Церкви получил в дар от императрицы Екатерины II великий коронный гетман польский, генерал от инфантерии Франциск Ксаверий (Ксаверий Петрович) Браницкий (1731–1819), имение славилось своими парками, его посещала знать, царственные особы, бывал А.С. Пушкин.

[41] Государственная стража — военизированный орган гражданского управления в 1919–1920 гг. на территориях, контролируемых Вооруженными силами Юга России.

[42] Ледяной поход — то же, что и Корниловский поход, 1–й Кубанский поход.

[43] Возможно, речь идёт о селе Беляевка Одесской области, ныне город, районный центр.

[44] «Жизнь за царя» — известная опера М.И. Глинки о подвиге Ивана Сусанина.

[45] Вероятно, имеется в виду село Трибуховка.

[46] Ошибка автора. Правильно 2-й Офицерский конный генерала Дроздовского полк. Полк создан в январе 1918 года, назван в честь генерала М.Г. Дроздовского (1881-1919).

[47] Конфедератка — известный с XVIII века четырёхугольный головной убор в польской армии.

[48] Донские рубли — денежные знаки, выпускавшиеся в 1918-1920 гг. Ростовским-на-Дону отделением Госбанка.

[49] Памятник Яну Килинскому (1760-1819), польскому политическому деятелю, участнику Варшавского восстания 17 апреля 1794 г., члену Народной рады, стоит и поныне во Львове, в Стрийском парке недалеко от озера.

[50] Жолнеж — солдат (польск.).

[51] Круль Ян (польск.) — Ян III Собеский (Ja III Sobieski) (1629-1696), король Речи Посполитой в 1674- 1696 гг., выдающийся польский полководец. Памятник ему, стоявший во Львове, в 1965 г. передан польским властям и установлен в Гданьске.

[52] Имеется в виду князь Давид Захарович Чавчавадзе.

[53] В смысле «сомневаются».

Упоминаемые исторические лица

Абашидзе Борис Дмитриевич, князь, окончил Николаевское кавалерийское училище (1914), в Добровольческой армии и ВСЮР помощник командира 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, штабс-ротмистр, смертельно ранен в Керчи в мае 1919 года.

Абашидзе Георгий (Юрий) Дмитриевич, князь, помощник командира 4-го эскадрона, штабс-ротмистр 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР весной-осенью 1919 года служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, весной 1920 г. эвакуирован в Сербию, 21 июля — 1 августа1920 г. возвратился и воевал в Крыму, ротмистр, умер 10 июня 1921 года в Галлиполи.

Арсеньева Елизавета Алексеевна (1775-1845), урождённая Столыпина, сестра Д.А. Столыпина, бабушка М.Ю. Лермонтова.

Балашов, корнет Переяславского драгунского полка, участник Белого движения, в частности, Бредовского похода, бежал вместе с А.А. Столыпиным из лагеря Щалково.

Бастамов Георгий Богданович (1861- ?), полковник, на службе с 1883 г., в Добровольческой армии и ВСЮР воевал в 15-м драгунском Переяславском полку, в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в апреле 1919 г. тяжело ранен в г. Керчи.

Башков, рядовой 17-го драгунского полка Добровольческой армии, служил под командованием А.А. Столыпина.

Беднягин Алексей Петрович, прапорщик, воевал в Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода, затем воевал во 2-м Сводном полку Кубанского казачьего войска, с 27 января 1919 года хорунжий, во ВСЮР служил в эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, корнет, к 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию, после 20 августа 1920 г. возвратился и воевал в Крыму.

Белоус, красный партизан, разведчик, расстрелян в мае 1919 г. в г. Керчи.

Богров Мордехай Гершкович (Дмитрий Георгиевич, 1887-1911), агент охранного отделения полиции, член

кружка анархо-коммунистов, убийца П.А. Столыпина, осуждён и повешен.

Бородаевский, вероятно, полковник, начальник штаба, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода, при переходе границы с Румынией отморозил руки, которые были ампутированы.

Бредов Николай Эмильевич (15 ноября 1873– после 1945), генерал-лейтенант (1917), участник Русско-японской войны, 1-й мировой войны, Гражданской войны на стороне Белого движения, с конца 1918 года в Добровольческой армии командир 7-й пехотной дивизии, затем командир группы войск ВСЮР на правобережной Украине, совершил известный Бредовский поход в Польшу (январь–февраль 1920 года), после соединения с Польской армией его войска были интернированы, с частью солдат (около 7000 чел.) вернулся в Крым в Русскую армию ген. Врангеля, из Крыма эвакуировался в Турцию, в эмиграции жил в Болгарии, был заведующим Русским инвалидным домом в г. Шипке, в 1945 г. арестован НКВД и, по-видимому, погиб в лагерях.

Будённый Семён Михайлович (1883–1973), советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией, один из первых маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

Букачёв, фельдшер, сослуживец А.А. Столыпина по Сводному полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Ваксель Александр, вольноопределяющийся во ВСЮР, юнкер, взводный 2-го взвода эскадрона 17-го Нижегородского драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, к 1 июля 1920 года находился в госпитале лагеря Стржалково (Польша).

Вахвахов Давид Агафонович (1873–1919), князь, полковник 15-го Переяславского драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в апреле 1919 г. временно командовал этим полком и был убит в перестрелке с красными партизанами.

Вишневский, подпоручик, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, бывший пехотинец. Возможно, это *Вишневский Евгений*

Леонтьевич (ок. 1895 — не ранее 1923), подпоручик, участник Белого движения в армии генерала Б.С. Перемыкина (командующего 2-й пехотной дивизией), в эмиграции в Польше, к 21 сентября 1923 г. находился в лагере Стржалково.

Волконский П.М., князь, вероятнее всего, *Волконский Петр Михайлович* (1861–1948), камергер, Балашовский предводитель дворянства, эвакуирован летом 1920 года из Ялты, в жил эмиграции во Франции, умер в Париже.

Волохов Марк, командир отряда петлюровцев, может быть, Волохов Марк (1886–1979), в эмиграции жил во Франции.

Воронков, подпрапорщик 5-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, взводный, служил под началом Ю.Д. Абашидзе.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, окончил Горный институт (1901), академию Генштаба (1910), генерал-лейтенант, начальник Уссурийской конной дивизии, 7-й кавалерийской дивизии, командующий 3-м и Сводным конными корпусами, Георгиевский кавалер, в Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией, эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя; с 22 марта 1920 г. главнокомандующий ВСЮР и Русской Армией, в эмиграции с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского общевоинского союза (РОВС), с сентября 1927 г. проживал в Брюсселе, где и умер.

Врангель, барон, офицер 16-го Тверского драгунского полка, застрелился 17 марта 1920 г. в бреду, вероятно, *Врангель Константин*, выпускник Елисаветградского кавалерийского училища (1912), офицер 15-го драгунского полка, штабс-ротмистр 16-го драгунского Тверского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, ротмистр с 30 сентября 1919 года.

Галкин, полковник Генштаба 2-го армейского корпуса, во второй половине 1919 года временно исполнял обязанности начальника Генштаба.

Гемеркин, взводный 3-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Герман, рядовой 17-го драгунского полка Добровольческой армии, подчинённый А.А. Столыпина, тяжело ранен в живот 19 мая 1919 года в Керчи.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), великий русский писатель.

Голицын Борис Львович (1878–1958), князь, окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1904), поручик, позднее полковник, сослуживец А.А. Столыпина в Крыму, командовал 2-й кавалерийской дивизией (по свидетельству А.А. Столыпина), в эмиграции жил в Италии, затем во Франции, умер в Каннах.

Голосовский, писарь эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Гоппер Василий, корнет 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, поручик (с 5 ноября 1919 года), в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в эмиграции жил в Англии, умер 28 октября 1928 года в Лондоне.

Горчаков Александр Дмитриевич (1798–1884), светлейший князь, видный российский дипломат и государственный деятель, канцлер.

Гукасов, полковой доктор Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии ВСЮР, сослуживец А.А. Столыпина.

Денисенко, командир красного отряда, базировавшегося в каменоломнях под Керчью, в Первую мировую войну подпрапорщик, полный Георгиевский кавалер.

Денисов, ротмистр, командир 2-го эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина. Вероятно, *Денисов Александр Николаевич*, окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1912), офицер 7-го уланского полка, штабс-ротмистр 16-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, ротмистр (с 20 августа 1919 г.).

Диденко, рядовой 3-го эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, возможно, *Диденко Тихон Логвинович*, рядовой, служил во ВСЮР и Русской Армии в кавалерийских частях до эвакуации Крыма, на 18 декабря 1920 г. был в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи.

Долгоруков, князь, корнет 17-го драгунского полка, с июня 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, убит в бою 24 ноября 1919 г. под Корниным.

Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955), генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта, Георгиевский кавалер, с августа 1918 года помощник верховного руководителя Добровольческой армии, в октябре 1918 года — сентябре 1919 года одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, в сентябре-декабре 1919 года главноначальствующий и командующий войсками Киевской области, в эмиграции жил в Югославии (в г. Белграде), затем во Франции.

Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919), русский военачальник, Генерального штаба генерал-майор (1918), участник Русско-японской, 1-ой мировой и Гражданской войн, один из видных организаторов и руководителей Белого движения на юге России, организатор и руководитель 1200-вёрстного перехода отряда добровольцев из Ясс в Новочеркасск в марте-мае 1918 года, командир 3-й стрелковой дивизии Добровольческой армии, умер в Екатеринодаре в январе 1919 года от гангрены вследствие ранения.

Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938), советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935), 1-й народный комиссар по морским делам РСФСР, в 1919 г. командовал Крымской Красной Армией, затем различными дивизиями Красной Армии, военными округами, репрессирован и расстрелян в 1938 году.

Елкашев, вахмистр эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Ермолов Леонид Николаевич, окончил Николаевское кавалерийское училище в 1908 г., в офицерском чине с 1910 г., штабс-ротмистр 18-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской

кавалерийской дивизии, с 20 августа 1919 г. ротмистр, участник Бредовского похода, 20 июля 1920 года эвакуирован в Югославию, возможно, возвратился в Крым.

Жуга, унтер-офицер, командир унтер-офицерского разъезда, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Журов, рядовой 3-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, служил под началом А.А. Столыпина в Керчи.

Золотарёвы, купцы 1-й гильдии, крупные промышленники, владельцы завода в Керчи, члены этой семьи были убиты весной 1919 года.

Иртахов, корнет 7-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Исаев Всеволод, офицер 4-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Исаков, генерал, владелец имения в селе Женишковцы, вероятно, *Исаков Сергей Николаевич* (1859–1946) либо его отец Николай Васильевич (1821–1891).

Каниболотский, офицер, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Карцев (Карцов) Тарас Николаевич, выпускник Пажеского корпуса (1914), адъютант 16-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии в чине ротмистра, в эмиграции жил в Алжире, умер 5 октября 1977 г. в Ницце (Франция).

Кесарев Иван, подполковник 17-го драгунского Нижегородского полка, Георгиевский кавалер, имел также наградное Георгиевское оружие, сослуживец А.А. Столыпина в 1-ю мировую войну.

Кибич, полковник, участник Белого движения, комендант г. Керчи в 1919 г.

Кишинский Сергей Петрович, выпускник Александровского лицея (1915), корнет 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской

дивизии, поручик, в эмиграции жил в Кишиневе, умер после 1929 г. (по ошибочным данным убит в начале 1920 г. румынами на Днестре).

Козлов, поручик, командир дивизионного обоза, бывший вахмистр 17-го драгунского полка, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920), российский политический деятель, вице-адмирал Российского императорского флота, адмирал Сибирской флотилии, полярный исследователь и учёный-океанограф, участник Русско-японской, 1-й мировой и Гражданской войн, руководитель Белого движения на востоке России и в общероссийском масштабе, Верховный правитель России в 1918–1920 гг., признанный на этом посту всеми руководителями Белого движения и государствами Антанты, в январе 1920 года выдан Чехословацким командованием Иркутскому ревкому, расстрелян без суда 7 февраля 1920 г.

Константин, повар-кондитер, сослуживец А.А. Столыпина в Керчи, из пленных красноармейцев.

Кусов Абубекир-Эль Мурзович, казначей Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина в Керчи.

Кусов, полковник, участник Бредовского похода, возможно, он и Кусов Абубекир одно и то же лицо; менее вероятно, что это Кусов Афако Зауребек-Эль Мурзович, выпускник Елисаветградского юнкерского кавалерийского училища (1906).

Лельевр Борис Александрович, ротмистр 15-го Переялавского полка, впоследствии полковник, участник Белого двидения, служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, был тяжело ранен в г. Керчи в апреле 1919 г.

Лемаршан, корнет 2-го эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина.

Леонард, вольноопределяющийся в Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), великий русский поэт.

Либис, ротмистр 18-го Северского драгунского полка, в Добровольческую армию в Крым ехал вместе с А.А. Столыпиным.

Лопухов, рядовой эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, денщик, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Лухава Филипп (Ильич?), штабс-ротмистр 4-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина, очень тяжело (смертельно?) ранен 16 ноября 1919 г. в бою под Брусиловым, возможно сын полковника Ильи Филипповича Лухавы.

Лухава, брат штабс-ротмистра Филиппа Лухавы, сослуживец А.А. Столыпина.

Львов Сергей Александрович (1885–?), князь, командир 3-го эскадрона, ротмистр, затем подполковник 17-го драгунского полка, Георгиевский кавалер, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 г. командовал Нижегородским эскадроном в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Люфт Георгий Георгиевич, корнет, в Добровольческой армии и ВСЮР в июне — декабре 1919 года, вахмистр в 3-м эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, 20 июля 1920 года эвакуирован в Югославию, затем возвратился в Крым.

Майборода Виктор, выпускник Николаевского кавалерийского училища (1917), корнет 2-го Дагестанского конного полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле-декабре 1919 года прикомандирован к эскадрону 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Маклаков Алексей Николаевич, корнет 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, во ВСЮР с апреля 1919 года служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию, 20 августа 1920 г. возвратился в Крым, поручик, эмигрировал во Францию, в 1940 г. вывезен в Германию, пропал без вести в 1945 году в Берлине (вероятно, расстрелян советскими войсками в госпитале).

Маклаков Леонид Николаевич, учащийся Александровского лицея, вольноопределяющийся, во ВСЮР с апреля 1919 года служил в эскадроне 17-го драгунского полка

в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, эвакуирован в Сербию, 20 августа 1920 года возвратился в Крым, в эмиграции жил во Франции, служил в Иностранном легионе в Африке, умер после 1929 года.

Марченко, керченский помещик, происходивший из крестьян.

Массальский, корнет 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина, тяжело (смертельно?) ранен в мае 1919 г. в Керчи.

Махно Нестор Иванович (1888–1934), анархо-коммунист, в 1918–1921 годах предводитель отрядов крестьян-повстанцев, действовавших на юге, известен как «батька Махно», в эмиграции жил во Франции.

Михайлов, генерал, командир отряда в Керчи, сослуживец А.А. Столыпина.

Михайловский, офицер, сослуживец А.А.Столыпина, участник Бредовского похода.

Мусин-Пушкин Алексей Владимирович, граф, корнет 4-го эскадрона 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, тяжело ранен в мае 1919 года в Керчи, в полк не вернулся, поручик (с 20 августа 1919 года), в эмиграции жил в США, умер 27 января 1966 года в Нью-Йорке.

Наврузов Теймур-Бек, ротмистр 17-го драгунского Нижегородского полка, сослуживец А.А. Столыпина, в ноябре-декабре 1914 года находился на излечении в госпитале в Царском Селе, за ним ухаживали императрица Александра Фёдоровна и великие княжны Татьяна и Мария Николаевны, в ноябре 1917 г. служил в Татарском конном полку.

Накропин, корнет 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина, смертельно ранен в апреле 1919 года в Керчи.

Наркевич, вестовой А.А. Столыпина в эскадроне 17-го драгунского полка Добровольческой армии.

Наумов, начальник белого партизанского отряда в г. Керчи в 1919 г.

Несенов, рядовой 3-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участвовал в бунте, расстрелян в апреле 1919 г. в Керчи.

Одинцова, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Ольхина, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Омельянович-Павленко Михаил Владимирович (1878–1952), украинский военачальник, генерал-полковник армии Украинской народной республики (УНР) до июля 1921 г., в эмиграции жил в Чехословакии, где возглавлял Союз Украинских ветеранских организаций, во время 2-й мировой войны глава Украинского вольного казачества, занимался формированием украинских военных частей на германской службе, с 1944 года жил в Германии, с 1950 г. — во Франции.

Оссовский Петр Степанович (1860–?), генерал-майор, воевал в Донской армии и ВСЮР, в ноябре 1918 г. начальник группы войск у г. Камышина, летом 1919 г. начальник дивизии, в ноябре-декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии в Русской Армии генерала Врангеля до эвакуации из Крыма.

Павленко, красный партизан, разведчик, расстрелян в мае 1919 г. в г. Керчи.

Панфилов, вольноопределяющийся 3-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина.

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), украинский военный и политический деятель, глава Директории (правительства) Украинской народной республики (УНР) в 1919–1920 гг., отличался особо жестокими методами ведения войны, еврейскими погромами, истязаниями заключённых и военнопленных, в апреле 1920 года от лица УНР заключил тактический договор с Польшей о совместном походе на Киев с целью прекратить большевистскую оккупацию Украины, в котором в обмен на поддержку УНР признал вхождение Галиции в состав Польши на правах автономии, после падения УНР жил в эмиграции в разных странах Европы, убит в 1926 году в Париже.

Пилсудский Юзеф Клеменс Гинятович Косьчеша (1867–1935), польский революционер, член Польской социалистической партии, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого польского госу-

дарства, основатель польской армии, маршал Польши, занимал также посты военного министра и премьер-министра, его правление отличалось особой авторитарностью, антисемитизмом и преследованием политических противников.

Попов Владимир, корнет 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина в Керчи.

Попов, полковник, командующий Сводным полком Кавказской кавалерийской дивизии, вероятнее всего, *Попов Александр Владимирович* (1880–1963), последний командир лейб-гвардии Семёновского полка, в эмиграции председатель группы объединения и заведующим музеем этого полка во Франции.

Попов, прапорщик 4-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина; скорее всего, он и корнет Попов Владимир — одно и то же лицо.

Потапов, сослуживец А.А. Столыпина, взводный (вахмистр) команды пулемётчиков в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в апреле 1919 г. перебежал в Красную армию.

Потёмкин, полковник, начальник штаба генерала Ходаковского, командир Керченской Крепости.

Предвечный, рядовой эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, убит в апреле 1919 года в Керчи.

Промптов Михаил Николаевич (1857–1950), генерал-лейтенант (1917), участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. (командир артиллерийской батареи), и 1-й мировой войны (командир 32-й артиллерийской бригады, затем 82-й пехотной дивизии и в 1917 г. — 22-го армейского корпуса), в Белом движении командир 2-го армейского корпуса Добровольческой армии в 1919–1920 гг., участник похода Бредова, в марте 1920 г. интернирован в Польше, в августе 1920 г. возвратился через Румынию в Феодосию, был зачислен в резерв Русской армии, с ноября 1920 г. в эмиграции в Югославии, руководил кадетскими корпусами, военными курсами, умер в Белграде в 1950 (1951?) году.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

Растрелли Франческо Бартоломео, в православном крещении Варфоломей Варфоломеевич (1700–1771), знаменитый русский архитектор итальянского происхождения.

Рутковский, полковник, командир 3-го эскадрона Нижегородского драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, бывший пехотинец, отличался особой храбростью, возможно *Рутковский Мечислав Никодимович*, в 1914 году капитан 60-го пехотного Замосцского полка, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.

Свободинский, есаул, командир текинской горско-мусульманской сотни весной 1919 г. в Керчи.

Синькевич, поручик 15-го драгунского Переяславского полка, сослуживец А.А. Столыпина весной 1919 г. в Керчи, ранен в руку в мае 1919 г. (рука ампутирована), вероятно, *Синькевич Николай Евмениевич* (1897–1976), окончил Елизаветградское кавалерийское училище (1915), офицер 15-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, штабс-ротмистр (с 30 сентября 1919 г.), в Русской Армии до эвакуации из Крыма в Галлиполи, умер в Стратфорде (США).

Скляров Николай Васильевич (1875–1920), генерал-майор, окончил Николаевское кавалерийское училище (1896), участник 1-й мировой войны, с июля 1914 г. — командир 2-го Волгского полка Терского казачьего войска в чине полковника, участник Белого движения, с лета 1919 г. — командир Терской казачьей конной бригады, был произведен в генерал-майоры, во время Бредовского похода возглавлял Восточную колонну отряда генерала Н.Э. Бредова, по завершении похода был назначен начальником всех конных частей отряда, умер в Кракове в мае 1920 г. от тифа.

Старосельский Иван Гивич, выпускник Пажеского корпуса (1917), корнет 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года служил в 4-м эскадроне Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, в начале 1920 года переведен в лейб-гвардии Конный полк, поручик (с 20 августа 1919 го-

да), из эвакуации 21 июля — 1 августа 1920 г. возвратился в Крым, в эмиграции жил во Франции, умер 30 августа 1979 г. в Париже.

Старосельский Николай Гивич (1901–1978), выпускник Пажеского корпуса (1917), корнет 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года служил в 3-м эскадроне Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, в 1920 г. в Русской Армии служил в конвое Главнокомандующего до эвакуации из Крыма, в эмиграции жил в США, умер 23 марта 1978 года в Филадельфии.

Стельман, уголовник, убийца семьи Золотарёвых, казнён в Керченской крепости в апреле 1919 г.

Стессель, медсестра полевого лазарета в Керчи, возможно, родственница полковника Стесселя Александра Анатольевича (1876–1933), активного участника Белого движения в Крыму.

Стецкевич, командир полкового обоза Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925 или 1930), отец А.А. Столыпина, брат П.А. Столыпина, известный журналист, литератор и общественный деятель, в эмиграции жил в г. Белграде.

Столыпин Аркадий Александрович (1894–1990), окончил 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Пажеский корпус (1915), поручик 17-го драгунского Нижегородского полка, участник 1-й мировой войны, во ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 г.), позднее ротмистр, участник Бредовского похода, эвакуирован в Сербию, 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым, тяжело ранен, до эвакуации из Крыма находился в Севастопольском морском госпитале, эвакуирован на корабле «Румянцев», в эмиграции жил в Югославии (в Белграде), с 1944 г. в Австрии, с 1945 г. в Швейцарии, умер 8 сентября 1990 г. в Монтрё.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822–1899), дед А.А. Столыпина, участник обороны Севастополя (1854–1855 гг.), Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (командовал корпусом).

Столыпин Аркадий Петрович (1903–1990), сын П.А. Столыпина, с 1920 г. в эмиграции в Париже, известный журналист, член редколлегии эмигрантского журнала «Посев».

Столыпин Дмитрий Алексеевич (1785–1826), прадед А.А. Столыпина, генерал-адъютант, участник сражения под Аустерлицем, Отечественной войны 1812 года, военный теоретик, автор трудов по фортификации.

Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911), выдающийся государственный деятель, Гродненский губернатор (1902), Саратовский губернатор (1903–1905), председатель Совета Министров, министр внутренних дел России, гофмейстер, статс-секретарь (1906–1911), погиб от ранения, нанесённого террористом М.Г. Богровым 1 сентября 1911 года в театре в Киеве.

Столыпина Наталья Михайловна (1827–1889), урождённая княжна Горчакова, жена А.Д. Столыпина, бабушка А.А. Столыпина, участница Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в качестве сестры милосердия.

Столыпина Наталья Петровна (1894–1949), в замужестве Волконская, дочь П.А. Столыпина, в эмиграции жила во Франции.

Столыпина Ольга Борисовна (1849–1944), урождённая Нейдгардт, жена П.А. Столыпина, в эмиграции жила во Франции.

Столыпина Ольга Николаевна (?–1953), урождённая Мессинг, мать А.А. Столыпина, в эмиграции жила в Белграде, затем в Берне.

Струк (Струков) Илья (Илько) Тимофеевич (1896 — предположительно 1969), атаман организованной им армии-банды повстанцев, недовольных политикой военного коммунизма, участник 1-й мировой войны (моряк корабля «Штандарт», юнкер, прапорщик в пехоте), в 1917 г. дезертировал, его банда известна особо жестокими погромами еврейских поселений и советских учреждений и неудачным штурмом Киева в апреле 1919 г., банда действовала на Украине вплоть до 1922 г., когда атаман Струк эмигрировал в Польшу, сменил фамилию и род занятий, прожил, предположительно, до 73 лет.

Счастливцев (Щастливцев) Всеволод Николаевич, полковник, в мае 1919 г. командовал Сводным полком Кавказской кавалерийской дивизии в Крыму.

Татаринов, начальник штаба красного партизанского отряда Денисенко, в прошлом метрдотель, актёр-любитель.

Татищев, граф, организатор белого партизанского отряда в г. Керчи в 1919 г.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), великий русский писатель.

Толстой Сергей Львович (1863–1947), сын Л.Н. Толстого, один из первых российских композиторов-этнографов, профессор Московский консерватории, автор воспоминаний об отце и трудов по музыковедению.

Томсен, полковник, командир полкового обоза Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), государственный и военный деятель, инженер-генерал (1869), генерал-адъютант (1855), граф (1879), в 1848–1849 гг. участвовал в Кавказских войнах, во время Крымской войны 1853–1856 гг. играл видную роль в организации обороны Севастополя, в 1859–1877 г. руководил строительством Керченской крепости, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 проявил себя как талантливый военачальник, с апреля 1878 г. по январь 1879 г. командовал действующей армией до заключения Берлинского мирного договора, с 1879 г. являлся членом Государственного Совета, в 1879 г. — одесским генерал-губернатором и командующим войсками Одесского военного округа, с 1880 г. — виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа.

Туганов, князь, полковник, участник Бредовского похода.

Тургиев Тох, поручик 17-го драгунского полка, сослуживец А.А. Столыпина.

Тускаев Константин, окончил Тверское кавалерийское училище (1912), штабс-ротмистр, ротмистр (с 30 сентября 1919 года), в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии (командир 4-го эскадрона 17-го драгунского полка), участник Бредовского похода, умер от туберкулеза в Польше в начале 1920 года.

Фалеев Александр Георгиевич, генерал-майор (6.12.1916), в 1915–1916 гг. командир 147-го пехотного Самарского полка, затем исполняющий должность начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 8-й армии; участник 1-й мировой и Гражданской войн, в октябре 1919 г. — августе 1920 г. был начальником штаба 2-го армейского корпуса ВСЮР и Русской Армии, начальник снабжения Русской Армии до ноября 1919 г.

Фидельман, комиссар Гомельского полка 47-й дивизии Красной армии, расстрелян в с. Жидовцы 23 ноября 1919 года.

Фиркс Дмитрий, барон, поручик, затем штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 года) 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в 1919 — в начале 1920 года служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Фрейберг, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Ходаковский (Ходак-Ходаковский) Николай Николаевич (1879–1920), окончил Киевский кадетский корпус (1898), Павловское военное училище (1900), генерал-майор, участник 1-й мировой войны, Георгиевский кавалер, командовал 165-м пехотным Луцким полком, 42-й пехотной дивизией, с 30 августа 1918 г. состоял в резерве чинов при штабе Добровольческой армии, в октябре 1918 г. — марте 1919 г. временно командовал 1-м Офицерским генерала Маркова полком, 1-й бригадой 1-й пехотной дивизии, войсками Невинномысского района, 2-й отдельной пластунской бригадой и левым участком 3-го армейского корпуса, бригадой 3-й пехотной дивизии, с 21 марта 1919 года комендант крепости Керчь, с 30 августа 1919 г. Керчь-Еникальский градоначальник с оставлением в прежней должности, убит в Крыму во время красного террора.

Хуршилов, военачальник Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Цибульников, рядовой эскадрона 17-го драгунского полка Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, подчинённый А.А. Столыпина в Керчи.

Чавчавадзе Давид Захарович, князь, ротмистр, затем подполковник 17-го драгунского Нижегородского пол-

ка, участник 1-ой мировой войны, впоследствии командир Грузинского конного полка, Черкесского конного полка, Георгиевский кавалер, участник Белого движения, Бредовского похода.

Чавчавадзе, князь, вольноопределяющийся Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, вероятно, родственник Д.З. Чавчавадзе.

Чайка, штабс-ротмистр, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Червинов Игорь Владимирович, окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1914), штабс-ротмистр 18-го драгунского полка, в Добровольческой армии с ноября 1917 года, во ВСЮР служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, затем в Русской Армии до эвакуации из Крыма, полковник, в эмиграции жил в Югославии, Франции, Марокко, умер 3 ноября 1932 года в г. Старосельцы (Польша).

Червинов Юрий, капитан, сапёр, командир подрывной команды 3-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, погиб в мае 1919 года в Керчи.

Чикваидзе, ротмистр, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, командующий 7-м эскадроном, участник Бредовского похода.

Чудаков, уголовник, участник убийства семьи Золотарёвых в апреле 1919 г. в Керчи, был помилован.

Чухнов Николай Николаевич (1897-1978), корнет 17-го драгунского Нижегородского полка, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, в эмиграции в Югославии, председатель Союза русской молодежи в Югославии, в 1924-1926 гг. издатель газеты «Наше будущее», 1926-1927 гг. главный редактор еженедельника «Словен» в Белграде, во время 2-й мировой войны служил в германской армии, с 1949 г. жил в США, участник монархического движения и член Руководящего Центра Общероссийского монархического фронта, редактор журнала «Знамя России», автор книги «В смятенные годы» (Нью-Йорк, 1967).

Шамборант Борис Александрович, окончил Николаевское кавалерийское училище, корнет 17-го драгун-

ского полка, во ВСЮР и Русской Армии в апреле 1919 года — летом 1920 года в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии (командующий 4-м эскадроном), ротмистр, в эмиграции во Франции, умер 18 августа 1939 года в Париже.

Шамборант Лев Александрович (1892–?), граф, брат Б.А. Шамборанта, штабс-ротмистр, затем ротмистр 17-го драгунского полка, воевал во ВСЮР и Русской Армии в 1919–1920 гг. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, до эвакуации из Крыма находился в Севастопольском морском госпитале.

Шарай, прапорщик, сослуживец А.А. Столыпина в 17-м драгунском полку Добровольческой армии (3-й эскадрон).

Шевченко, генерал-майор, участник Бредовского похода, командовал группой войск, возможно, *Шевченко Борис Павлович*, уроженец станицы Кропоткинской Краснодарского края, выпускник Кубанского казачьего кадетского корпуса, в 1-ю Мировую войну дослужился до войскового старшины, участник Белого движения, генерал, по непроверенным данным был комендантом Одессы, в эмиграции в Румынии, родственники получали от него письма до начала Великой Отечественной войны (данные о нем приводятся по свидетельству внучатого племянника Аскольда Шевченко).

Шереметев Борис, граф, полковник, сослуживец А.А. Столыпина, служил в штабе Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946), генерал-лейтенант (1917), окончил 1-е военное Павловское училище (1889), служил в лейб-гвардии Измайловском полку, в чине полковника командовал 5-м Финляндским стрелковым полком, участвовал в 1-й мировой войне, в мае 1915 г. был произведен в генерал-майоры, с марта 1916 г. командовал бригадой 2-й Финляндской стрелковой дивизии, с июля 1916 г. — лейб-гвардии Измайловским полком, в 1917 г. — командовал 17-м армейским корпусом, участвовал в Белом движении, с мая 1919 г. командовал 3-м армейским корпусом, с сентября 1919 г. по март 1920 г. был главнокомандующим и командующим войсками Новороссии и Крыма, в Русской Армии генерала

П.Н. Врангеля командной должности не получил и выехал за границу, жил в Праге.

Щербина, рядовой 17-го драгунского полка Добровольческой армии, подчинённый А.А. Столыпина в г. Керчи.

Щетинина, старшая сестра таманского Алексеевского госпиталя, жена бывшего Екатеринославского губернатора Сергея Сергеевича Щетинина (в 1919 г.).

Эртман, поручик 3-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, бывший пехотинец.

Юзвинский Георгий Николаевич, корнет (с 20 августа 1919 года), затем поручик, штабс-ротмистр, в Добровольческой армии и ВСЮР служил в эскадроне 16-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в эмиграции жил во Франции, умер 18 октября 1933 года в Париже.

Янович, офицер, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Яновская, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Янцен Алексей Борисович, доктор, внук И.Н. Янцена.

Янцен Иван Николаевич, служащий с июля 1919 по июль 1924 года Учреждений Помощи Русским Беженцам в Польше.

Янченко, сослуживец А.А. Столыпина, взводный 2-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, изменник, в апреле 1919 г. перебежал к красным партизанам в Старо-Карантинские каменоломни.

Упоминаемые географические названия

Аджимушкай *(Аджим-ушкай)*, посёлок в черте г. Керчи, в районе которого находятся обширные подземные каменоломни, где издавна добывался известняк-ракушечник для строительных целей.

Ак-Манай — название села Каменское до 1945 г., расположенного в Крыму в 100 км от Керчи на берегу Азовского моря.

Александровск, название города Запорожье до 1921 г.

Алексеевка, село в Ильнецком районе Житомирской области.

Артировка *(Ахтырка)*, село в Чернянском районе Молдавии, ныне в Белгородской области России.

Аустерлиц, город в Австрийской империи, где 2 декабря 1805 г. в решающем сражении наполеоновская армия одержала победу над армией антинаполеоновской коалиции, куда входила Россия, ныне город Славков-у-Брна в Чехии.

Багдад, крупный древний город на реке Тигр, столица Ирана.

Багерово, посёлок городского типа в Крыму в 15 км от г. Керчи.

Батуми, город и порт в Грузии, на побережье Чёрного моря, столица Аджарии.

Белая Церковь, город, районный центр в Киевской области Украины, расположен в 80 км к югу от Киева.

Белград, столица Югославии, Сербии.

Белки, село в Попельнянском районе Житомирской области.

Беляевка, село, ныне город в Одесской области Украины, районный центр.

Бердичев, город в Житомирской области Украины, районный центр, в 43 км к югу от Житомира.

Бердянск, город, районный центр Запорожской области Украины, известный курорт.

Берн, столица Швейцарии.

Бессарабия, историческая область между Чёрным морем и реками Дунай, Прут, Днестр, восточная часть исторической Молдавии, в 1873–1917 гг. Бессарабская губерния России, в 1918–1939 гг. входила в состав Румынии, в

1939–1991 гг. — в состав СССР, с 1991 г. южная часть — в составе Украины, остальная часть в составе Молдовы.

Рече, дача Столыпиных в Литве близ Ковно (Каунаса).

Бобринская, железнодорожная станция в Черкасской области (г. Смела), ныне станция имени Шевченко.

Болячев, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Боровки, село в Винницкой области Украины.

Брусилов, посёлок городского типа в Житомирской области Украины, райцентр, в 85 км к западу от Киева, в 80 км к востоку от областного центра Житомир.

Буковина, историческая область в Восточной Европе, ныне отчасти расположена в Черновицкой области Украины, отчасти в Румынии.

Бучач, город в Тернопольской области Украины, районный центр, расположен в 72 км от Тернополя, известен с XIII века.

Бышев, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Варна, портовый город в Болгарии на Чёрном море, известный курорт.

Великий Карашин, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Вербов, село в Житомирской области Украины.

Вербовка, село в Городищенском районе Черкасской области Украины.

Вербовка, село в Ильнецком районе Житомирской области Украины.

Винницкие Ставы, село в Васильковском районе Киевской области Украины.

Виньковцы, посёлок в Хмельницкой области Украины, районный центр.

Водотый *(Водотыи)*, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Вознесенк, город в Николаевской области Украины, районный центр.

Выхватинцы, село на реке Днестр в Рыбницком районе Молдавии.

Галиция, историческая область в Восточной Европе, расположенная на территории современных Ивано-Франковской, Львовской, Тернопольской областей Украины и в Польше.

Галлиполи, полуостров европейской части Турции между Саргассовым заливом Эгейского моря и проливом Дарданеллы. В 1920–1921 гг. после эвакуации Белой армии из Крыма стал центром Белого движения. В 1921 г. образовано Общество галлиполийцев, существующее и поныне.

Гнилец *(ныне Долиновка)*, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Гнилое, село в Молдавии.

Голта, село, пригород г. Ольвиополя Херсонской губернии (ныне г. Первомайска Николаевской области Украины), в настоящее время исторический район этого города.

Городок, районный центр в Хмельницкой области Украины.

Граденицы, село в Беляевском районе Одесской области Украины, близ границы с Молдавией.

Гросс-Либенталь, немецкая колония, ныне посёлок городского типа Великодолинское в Одесской области Украины.

Грузское, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Гусятин, посёлок в Тернопольской области Украины, районный центр.

Дашковцы, село в Виньковецком районе Хмельницкой области Украины.

Дедовщина, село в Фастовском районе Киевской области.

Джугастра, село в Крыжапольском районе Винницкой области Украины.

Дивин *(Дивино)*, старинное село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Днестр, река в Восточной Европе, впадающая в Чёрное море, протекает по территории Украины, Молдавии и Приднестровья.

Дубоссары, город в Молдавии на левом берегу реки Днестр, районный центр Приднестровья.

Екатеринодар, название г. Краснодара, краевого центра России, до 1919 г.

Екатеринослав, название г. Днепропетровска до 1926 года, крупнейшего областного центра Украины.

Елисаветград, название г. Кировограда до 1924 г., областного центра Украины.

Еникале *(Ени-Кале)*, мыс и крепость на берегу Керченского пролива в северо-восточной части г. Керчи.

Ерчики Жидовецки *(Ерчики)*, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Женишковцы, село в Виньковецком районе Хмельницкой области Украины.

Жеребиновка, село в Винницкой области Украины

Животов *(Новоживотов)*, село в Оратовском районе Винницкой области Украины.

Жидовцы, название села Чапаевки в Погребищенском районе Винницкой области Украины.

Житники, село в Винницкой области Украины.

Житомир, один из старейших крупных городов Украины, административный центр Житомирской области и Житомирского района.

Забелочье, село в Радомышльском районе Житомирской области.

Замехов, село в Новоушицком районе Хмельницкой области Украины.

Зарудницы, село в Ружинском районе Житомирской области Украины.

Збруч, река, левый приток Днестра на западе Украины.

Знаменка, город областного значения в Кировоградской области Украины.

Казатин, город в Винницкой области Украины, районный центр.

Калиш, старинный город в Великопольском воеводстве Польши, в Российской империи был центром Калишской губернии.

Карабачин, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Керчь, город в восточной части Крыма на берегу Керченского пролива, один из старейших городов мира.

Киев, столица и самый крупный город Украины.

Ковно, ныне Каунас, крупный город в Литве, центр Каунасского уезда, затем района, столица Литвы в 1920–1940 годах.

Кожанка, посёлок в Фастовском районе Киевской области.

Козичанка, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Койловка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Колноберже, имение Столыпиных в Литве близ Ковно (Каунаса).

Колюшки, город в Польше в Лодзинском воеводстве.

Констанца, крупнейший город и морской порт на Черноморском побережье Румынии.

Корнин, посёлок городского типа в Попельнянском районе Житомирской области Украины, в 5 км от ж.-д. станции Кривое (на линии Фастов — Житомир) и в 60 км к юго-востоку от Житомира.

Королёвка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Коростышев, город, районный центр Житомирской области.

Костовцы, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Котлярка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Кочержинка *(Кочержинцы)*, село в Уманском районе Черкасской области Украины.

Кочубеевка, село в Уманском районе Черкасской области Украины.

Кошляки, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Краков, крупнейший древний город в Польше, столица до 1610 г., ныне административный центр Малопольского воеводства.

Красненькое, село в Рыбницком районе Молдавии, в Приднестровье.

Кременчуг, город в центральной Украине на реке Днепр, районный центр Полтавской области Украины.

Кривое, озеро в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Кривое, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Ладыженское *(Ладыжинка)*, село в Уманском районе Черкасской области Украины.

Лазаревка, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Лидо ди Езоло, курорт в Италии, расположен в 36 км к северо-востоку от Венеции, у основания песчаной косы, отделяющей венецианскую лагуну от Адриатического моря.

Липки, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Лодзь, третий по величине исторический город в Польше, в 120 км к юго-западу от Варшавы, центр Лодзинского воеводства.

Лозовая, город в Харьковской области Украины, районный центр, крупная железнодорожная станция.

Лозовики *(Лозовик)*, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Львов, крупный областной центр на западе Украины в 70 км от границы с Польшей.

Мариуполь, город на юго-востоке Украины, на берегу Азовского моря, крупный морской порт.

Махинджаури, поселение (ныне посёлок городского типа) в Аджарии, на Чёрном море, в 6 км от Батуми.

Маяки, село в Беляевском районе Одесской области Украины.

Минск, столица Белоруссии.

Митридат, гора в центре г. Керчи, где располагался древний город Пантикапей, названа в честь царя Митридата VI Евпатора.

Мокрое *(Мокра)*, село в Молдавии, в Рыбницком районе Приднестровья.

Монастырище, город в Черкасской области Украины, районный центр и железнодорожная станция.

Монтрё, город в Швейцарии в франкоязычном кантоне Во, расположенный на берегу Женевского озера в 90 км от Женевы и в 40 км от Лозанны, один из самых престижных летних курортов.

Морозовка, село в Брусиловском районе Винницкой области Украины.

Мохначка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Нестеровка, село в Маньковском районе Черкасской области Украины.

Новая Ушица, посёлок в Хмельницкой области Украины, ныне районный центр.

Новоалександровка *(Ново-Александровка)*, село, ныне в Запорожском районе Запорожской области.

Новое Село, село в Ярмолинецком районе Хмельницкой области Украины.

Новороссийск, крупнейший город-порт краевого подчинения на Чёрном море в Краснодарском крае России, в 1895–1920 гг. центр Черноморской губернии.

Новочеркасск, город в Ростовской области России, столица Донского казачества.

Одесса, город на черноморском побережье Украины, административный центр Одесской области, самый крупный порт Украины, крупный промышленный, культурный, научный и курортный центр; узел шоссейных и железных дорог.

Озаринцы, село в Могилёв-Подольском районе Винницкой области Украины.

Олив, имение в Крыму близ Керчи, недалеко от Оливинской скалы, где расположены карьеры по добыче камня.

Ольвиополь, название г. Первомайска Николаевской области Украины до 1919 г.

Ольховка, село в Хмельницкой области Украины.

Париж, столица Франции.

Перекоп, город (до 1920 года) на Перекопском перешейке, образующем сухопутную связь между Крымом и континентом, стёрт с лица земли в результате сражения между Красной армией и Русской армией генерала Врангеля, ныне рядом расположено одноимённое село.

Перемышль, город на юго-востоке Польши, вблизи границы с Украиной.

Пивни, село в Фастовском районе Киевской области Украины.

Полтава, город на Украине, областной центр, расположен в северо-восточной части страны, на Приднепровской низменности.

Попельня, посёлок в Житомирской области Украины, районный центр.

Радомышль, город, районный центр Житомирской области.

Ривьера, французско-итальянское побережье Легурийского моря, где расположены известные курорты: Канны, Ницца, Марсель, Генуя, Сан-Ремо и другие.

Рождественское, село в Крыму близ Перекопа.

Рожев, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Романовка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Ростов-на-Дону, город в России, расположенный на юго-востоке Восточно-Европейской равнины, на берегах реки Дон, в 46 километрах от места ее впадения в Азовское море.

Рубченки, село в Володарском районе Киевской области Украины.

Севастополь, крупный город на Черноморском побережье Крыма, незамерзающий морской порт, военно-морская база Черноморского флота России и Украины.

Семь Колодезей, железнодорожная станция на Керченском полуострове, в пос. Ленино.

Середниково, имение Столыпиных в Московской губернии (ныне в Солнечногорском районе), парково-усадебный ансамбль конца XVIII — начала XIX века, одно из наиболее известных лермонтовских мест России.

Силезия, историческая область в Центральной Европе, большая часть входит в состав Польши, меньшая находится в Чехии.

Ситковцы, село в Немировском районе Винницкой области Украины.

Скальмержице, деревня и пограничная железнодорожная станция в Пруссии, где в 1919–1924 гг. был лагерь для военнопленных и интернированных.

Скерневице, город в центральной части Польши, в Лодзинском воеводстве.

Скраглився *(Скраглёвка)*, село в Фастовском районе Киевской области Украины.

Соболёвка, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Соколивка *(Соколовка)*, село в Васильковском районе Киевской области Украины.

Солобковцы, село в Ярмолинецком районе Хмельницкой области Украины.

Соловеевка, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Ставрополь, краевой центр на юге России, в 1777–1935 гг. Ставрополь-Кавказский, в 1935–1943 гг. Ворошиловск.

Ставчаны, село в Новоушицком районе Хмельницкой области Украины.

Станиславов, название города Ивано-Франковска (областного центра Украины) в 1662–1772 и 1918–1939 гг., в 1772–1918 гг. и 1939–1962 гг. город назывался Станислав, 9 ноября 1962 г. переименован в честь писателя Ивана Франко.

Старый Карантин, деревня близ г. Керчи, где располагались каменоломни.

Стржалково, село в Польше в Новогрудском воеводстве, где в 1918–1924 годах располагался лагерь для военнопленных и интернированных.

Стрый, город в Львовской области Украины, районный центр.

Студёная, село в Песчанском районе Винницкой области Украины.

Сущанка, село в Попельнянском районе Винницкой области Украины.

Таганрог, город в Ростовской области России, порт на берегу Азовского моря.

Тамань, станица в Темрюкском районе Краснодарского края России, на Таманском полуострове.

Ташлыки *(Ташлык)*, большое молдавское село, центр Ташлыкского сельского совета Григориопольского района.

Тетиев, город в Киевской области Украины, районный центр.

Тирасполь, крупный город в Молдавии на берегу Днестра, ныне центр непризнанной Приднестровской республики.

Трибуховка, село в Дунаевецком районе Хмельницкой области Украины.

Турбовка, село в Попельнянском районе Винницкой области Украины.

Умань, город, районный центр Черкасской области Украины.

Устинград *(Юстинград)*, местечко на Украине в Киевской области, еврейское поселение, претерпевшее разгром в августе 1919 года, окончательно уничтожено во время немецкой оккупации в 1941 году.

Фастов, город в Киевской области Украины, административный центр Фастовского района, расположен в 64 км (по железной дороге) к юго-западу от Киева.

Фельштин, посёлок в Хмельницком районе одноимённой области, бывшее еврейское поселение, 16 февраля 1919 г. в результате петлюровского погрома в местечке погибло около 600 евреев, в 1941–1942 годах погибли почти все евреи и в настоящее время там не проживают.

Францфельд, немецкая колония, село Одесского уезда Херсонской губернии.

Фурсы, село в Белоцерковском районе Киевской области Украины.

Харьков, крупнейший город на востоке Украины, административный центр Харьковской области, главный научный, индустриальный, транспортный и студенческий центр страны.

Ходорков, большое старинное село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Хомутец, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Хомянка, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Христиновка, город (до 1954 г. посёлок), районный центр Черкасской области Украины, железнодорожный узел.

Цибулёвка, село в Великомихайловском районе Одесской области Украины.

Черкассы, город в центральной части Украины, областной и районный центр Черкасской области, сыграл большую роль в формировании казачества, ныне крупный промышленный и культурный центр.

Шамрай *(Шамраевка)*, село в Сквирском районе Киевской области Украины, в 22 км от станции Белая Церковь.

Щалково *(Стржалково)*, лагерь для интернированных и военнопленных в Польше, располагавшийся недалеко от лагеря Скальмержице.

Ярмолинцы, железнодорожная станция в Хмельницкой области Украины близ Нового Села.

Яроповичи, село и станция в Житомирской области Украины.

Ястребенька, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Иван Романовский

Письма 1917–1920 годов

Генерал Иван Павлович Романовский

Биографический очерк

Иван Павлович Романовский родился 16 апреля 1877 года в г. Луганске, где его отец после окончания Михайловской артиллерийской академии работал на патронном заводе. В 1887 году Иван поступил во 2-й Московский кадетский корпус и учился блестяще, выделяясь среди сверстников серьёзностью и скромностью, с первых же лет учёбы его выдвинули на положение старшего кадета в классе. В 1894 году, с отличием закончив корпус, Романовский поступил в Михайловское артиллерийское училище, но царящий там дух либерализма претил строгому, глубоко верующему юноше и он перевёлся в Константиновское артиллерийское училище, в котором учились многие его друзья и из которого в 1897 году он вышел поручиком во 2-ю лейб-гвардии Артиллерийскую бригаду. Спустя три года Иван Павлович продолжил образование в Николаевской академии Генштаба, где столь же блестяще учился. По окончании курса в 1903 году он командовал ротой лейб-гвардии Финляндского полка.

И.П. Романовский. 1910-е гг.

Женился он по взаимной любви в 1903 году на 18-летней Елене Бакеевой, очень красивой и скромной девушке, выпускнице Екатерининского института благородных девиц. Она была дочерью курского помещика Михаила Алексеевича Бакеева. Елена Михайловна стала мужу верной спутницей жизни, родила троих детей: в 1904 году — сына Михаила, в 1906 году — дочь Ирину и в 1910 году — дочь

Полковник И.П. Романовский в кругу семьи. 1911 г. Слева направо: жена Елена Михайловна, свояченица Ольга Михайловна Быстреевская, сын Михаил, тёща Мария Александровна Бакеева, дочь Ирина, И.П. Романовский

Ольгу. Иван Павлович нежно любил жену, детей и всех своих домочадцев. У него сложились очень тёплые отношения с тёщей Марией Александровной, которую он звал «мамулик», с многочисленными родственниками жены. Он особенно любил детей и умел общаться с малышами.

Романовский очень душевно, искренне, по-христиански заботился о близких и друзьях, но был, прежде всего, человеком долга. Главным в его жизни была любовь к Родине и беззаветное служение ей. В 1904 году, как только началась Русско-японская война, он подал начальству рапорт о переводе в действующую армию и его назначили старшим адъютантом в штаб 9-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. Именно здесь начала складываться высокая боевая репутация будущего генерала, а тогда ещё капитана Романовского.

В 1906 году Ивана Павловича перевели на должность обер-офицера для поручений в штаб Туркестанского военного округа, семья последовала за ним. Служил Романовский, как всегда, доблестно и честно. У него сложились очень трогательные дружественные отношения с пожилым заслуженным генералом Павлом Ивановичем Мищенко, Туркестанским генерал-губернатором и командующим округом. Несмотря на разницу в возрасте, чине, мировоззрении, обоих военных отличало особенное благородство, рыцарские черты характера, верность Родине и готовность служить ей до конца. Оба они геройски сража-

Генерал-адъютант П.И. Мищенко 1900-е гг.

лись на фронтах 1-й мировой войны. Когда в 1918 году во время обыска представители новой власти забрали погоны и боевые награды у находящегося с 1917 года в отставке Мищенко, 65-летний генерал застрелился.

А тогда в Туркестане обер-офицер Иван Романовский выполнял поручения Мищенко с особым тщанием. Очень запомнились ему поездки в Бухару и на Памир, к границам Афганистана, для снятия планов местности. Результатом этой работы стала первая подробная карта Памира. Жить приходилось в затерянных деревушках на берегу озера Иссык-Куль, но зато там можно было передохнуть от штабной работы, полюбоваться природой, задуматься о вечном. Елена Михайловна в этих дальних поездках сопровождала его.

В начале 1909 года Романовский был назначен адъютантом Мищенко, но уже в октябре его перевели в Главное управление Генштаба помощником делопроизводителя мобилизационного отдела. Иван Павлович с семьёй переехал в Петербург. В 1910 году он стал помощником начальника отделения в отделе дежурного генерала Главного штаба, а спустя 2 года — полковником и начальником этого отделения, ведавшего назначениями в армии. Своей беспристрастностью и вниманием к подчинённым, к русскому офицерству, порой чрезмерно амбициозному, он приобрёл себе заслуженный авторитет. Иван Павлович терпеливо выслушивал всех, делал, что мог, не поступаясь совестью, а если отказывал просителю, то брал ответственность на себя, не сваливая на вышестоящее начальство и понапрасну никого не обнадёживая. Впоследствии

эта прямота стала причиной враждебного отношения к нему ряда офицеров, примкнувших к Белому движению.

Перед 1-й мировой войной офицеры генерального штаба, служившие в главных управлениях, специализировались каждый на своём узком участке и в большинстве не владели общей стратегией и боевой тактикой. Чтобы раскачать это «сонное царство», группа молодых штабистов, уже обладавших немалым боевым опытом, во главе с Иваном Романовским, Сергеем Марковым и Юрием Плющевским-Плющиком организовала военную игру. Один из её участников вспоминал: «Среди нас особенно крупной фигурой выделялся Иван Павлович. Спокойный, скромный, но, вместе с тем, уверенный в себе, он поражал нас верностью и обоснованностью своих решений».

Тотчас после начала 1-й мировой войны Романовский подал рапорт об отправке его на фронт и был назначен начальником штаба 25-й пехотной дивизии. Уже в октябре 1914 г. он получил высокую награду за храбрость — Георгиевское оружие. В октябре 1915 г. Романовский вступил в командование одним из лучших воинских соединений — 206-м Сальянским пехотным полком. Он быстро завоевал любовь однополчан, проявил себя как исключительно храбрый, хорошо владеющий воинским искусством офицер. В 1916 году его произвели в генерал-майоры. В представлении на это звание говорилось: «24 июня Сальянский полк блестяще штурмовал сильнейшую неприятельскую позицию <...>. Полковник Романовский вместе со своим штабом ринулся с передовыми цепями полка, когда они были под самым жестоким огнём противника. Некоторые из сопровождавших его были ранены, один убит и сам командир <...> был засыпан землёй от разорвавшегося снаряда <...>. Столь же блестящую работу дали Сальянцы 22 июля. И этой атакой руководил командир полка в расстоянии лишь 250 шагов от атакуемого участка под заградительным огнём немцев <... >. Выдающиеся организаторские способности полковника Романовского, его умение дать воспитание войсковой части, его личная отвага, соединённая с мудрой расчётливостью, когда это касается его части, обаяние его личности не только на чинов полка, но и на всех, с кем ему приходилось соприкасаться, его широкое

образование и верный глазомер дают ему право на занятие высшей должности».

С фронта Иван Павлович пишет письма любимой жене, в которых рассказывает о себе, о событиях общественной жизни, о военных действиях, об общих друзьях и знакомых, трогательно заботится о семье. Почта военного времени не всегда была оперативна, поэтому Романовский специально нумерует свои послания, чтобы жена знала, которое раньше отправлено, а которое не дошло вовсе. Он словно создаёт «роман в письмах», каждую страничку которого с любовью перечитывает Елена Михайловна.

За проявленную воинскую доблесть Романовский был награждён орденом св. Владимира 3-й степени с мечами, который постоянно носил на шее. Военная карьера Ивана Павловича развивалась стремительно. В 1916 году он занял должность начальника штаба 52-й пехотной дивизии, а с 14 октября 1916 года стал генерал-квартирмейстером штаба 10-й армии. На этом посту его и застала Февральская революция, идей которой он так и не принял, оставшись в душе монархистом, но при этом осознавая невозможность реставрации монархии в сложившихся условиях. В командовании армией началась череда новых назначений, появились солдатские комитеты, ограничившие власть командиров. Вкупе с другими причинами это расшатывало устои армии, снижало боеспособность и, в конце концов, привело её к развалу после октябрьских событий 1917 года.

С 9 апреля 1917 года Романовский исполнял должность начальника штаба 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова, с 10 июня он 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем — заслуженном генерале А.А. Брусилове. На той же должности он остался, когда в июле 1917 года Главнокомандующим назначили Л.Г. Корнилова. Иван Павлович высоко ценил своего командира и поддержал его в неудачной попытке в конце августа установить в России твёрдую власть и препятствовать развалу экономики, анархии в армии, беззаконию, росту влияния большевиков. При этом Корнилов подчёркивал свою лояльность Временному правительству, желая только избавить его от слишком революционно настроенных министров и навести порядок в стране. Корнилова, пользовав-

шегося большим авторитетом в русской армии, поддерживало большинство офицерства, как старшего, так и младшего. Цели Корнилова не шли вразрез с целями председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, однако последний боялся потерять всю полноту власти (которой в действительности не имел) и фактически предал Корнилова, объявив его с соратниками мятежниками и контрреволюционерами. 1 сентября 1917 года вместе с ним были арестованы едва ли не все офицеры ставки Верховного Главнокомандующего. Они были отстранены от командования и содержались в заключении сначала в Могилёве, а затем в Быхове (некоторые из них в Бердичеве).

Около двух с половиной месяцев провёл в тюрьме верный сторонник Л.Г. Корнилова, его доверенное лицо генерал И.П. Романовский. Во время «быховского сидения» он записал в рукописном альманахе сидельцев: «Могут расстрелять Корнилова, отправить на каторгу его соучастников, но «корниловщина» в России не погибнет, так как «корниловщина» — это любовь к Родине, желание спасти Россию, а эти высокие побуждения не забросать никакой грязью, не затоптать никаким ненавистникам России».

Узники быховской тюрьмы осенью 1917 года
По номерам: 1. Л.Г. Корнилов. 2. А.И. Деникин. 5. Е.Ф. Эльснер 6. А.С. Лукомский. 7. В.Н. Кисляков. 8. И.П. Романовский 9. С.Л. Марков. 10. М.И. Орлов. 12. В.М. Пронин. 14. С.Н. Ряснянский 15. В.Е. Роженко. 18. Г.Л. Чунихин

Находиться в тюрьме, когда рушились устои государства, Ивану Павловичу было морально тяжело, хотя он и мужественно переносил это, стараясь в письмах всячески поддержать Елену Михайловну, которую в Сумах с семьёй приютила её двоюродная тётя Вера Андреевна Харитоненко, вдова крупного сахарозаводчика, благотворителя и мецената И.П. Харитоненко. Очень огорчил Романовского отказ служить ему в заключении денщика Пупкова, с которым он три года бок о бок воевал на фронте и о котором искренне заботился. По–христиански не осуждая его поступок, Романовский писал: «Я всё думаю, неужели мы заслужили эту ненависть. Ведь вот, видит Бог, я всегда любил солдата, да и разве я один; все те, которые сейчас заключены: Деникин, Марков, Плющевский — разве тоже не были привязаны душой к нему? Неужели такая глубокая пропасть между нами и ими? Ведь при этих условиях нет спасения России: они, может быть, и здоровая, но тёмная масса, не могут вести государство без интеллигенции, но ведь и интеллигенция не может идти, не опираясь на народ. Тяжело это всё, Ленурка».

Встревоженная Елена Михайловна в середине сентября 1917 года приехала в Быхов, чтобы поддержать мужа, и находилась близ него около двух месяцев. Жена Антона Ивановича Деникина Ксения Васильевна так вспоминала о ней в этот период: «Все генералы собирались всегда в нашей комнате, отчасти потому, что она была больше других и «женский элемент» вносил оживление. Особенно жена генерала Романовского, Елена Михайловна, очень оживлённая и остроумная».

Очень тепло писала Деникина и о самом Иване Павловиче: «Когда вспомню его, всегда вижу его улыбку. Такая она у него была хорошая, добрая, особенно, когда он говорил с детьми. Помню мою первую встречу с ним. После некоторых официальных перипетий я пришла в первый раз в быховскую тюрьму. Небольшая светлая комната, два окна в сад, вдоль стен — три узенькие, горбатые кровати, столик и три стула. Хозяева комнаты всегда сидели на стульях; под окнами гулял часовой. Антон Иванович познакомил меня со своими сожителями — генерал Марков, генерал Романовский. Подтянутый, несколько массивный, но ладно скроенный, в прекрасно сшитой фор-

ме, он показался мне сразу замкнутым и холодным. Потом, проводя целые дни у быховских узников, я поняла его и ту большую душевную близость, которая сроднила его навсегда с Антоном Ивановичем. <...> Все быховцы после пережитого большого морального напряжения и волнений «отдыхали» в тюрьме, и настроение бывало часто «детское». Тогда много смеялись, шутили и с бодростью и верой готовились к будущей борьбе. Потом, на Юге России, я уже не слышала в голосе Ивана Павловича тех беззаботных ноток и весь внешний облик его очень изменился».

«Быховское сидение» было для Романовского в физическом смысле последней передышкой перед чрезвычайно трудной службой в Добровольческой армии, когда спать более 4–5 часов в сутки ему доводилось редко. 19 ноября 1917 года исполняющий обязанности Верховного Главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин приказал освободить быховских узников, предупредив их о приближении большевиков, а на следующий день сам был убит революционно настроенными матросами.

Романовский и многие его соузники бежали на Дон. Раньше Л.Г. Корнилова (не позднее 23 ноября) Иван Павлович прибыл в Новочеркасск и принял самое деятельное участие в формировании Добровольческой армии, сначала называвшейся Алексеевской организацией. Он стал начальником строевого отдела штаба армии, а с февраля 1918 года — бессменным начальником штаба Добровольческой армии и затем Вооружённых Сил Юга России (ВСЮР). Романовский пользовался большим доверием со стороны Главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, а после того как тот погиб весной 1918 года, его преемника генерала А.И. Деникина, близким другом и помощником которого он стал.

Как ни трудно было Ивану Павловичу на фронтах 1-й мировой войны — в штабе Добровольческой армии и физически, и морально было гораздо тяжелее. Сформировать армию, обеспечить её хотя бы самым необходимым и добиться боеспособности во враждебной внешней обстановке, в атмосфере постоянно вспыхивающих разногласий между офицерством и казачеством — задача очень сложная. Романовский в силу своего характера многое брал на себя, щадя авторитет Главнокомандующих, старался по-

гасить возникающие конфликты. На Дон ехало много офицеров, желающих служить в Добровольческой армии командирами, но командных должностей на всех не хватало, поэтому даже самым заслуженным максимум, что он мог предложить, — быть в резерве при штабе. Далеко не все, подобно генералу Б.И. Казановичу, готовы были поначалу встать в строй рядовыми. Особо амбициозным чинам Иван Павлович отказывал, может быть резко, чувствуя их заботу, прежде всего, о собственной персоне, а не о спасении России. «Меньше всех мы имеем право обвинять ту тёмную массу, которая губит Россию по темноте, по неразумию. Что с них взять, ведь их держали во тьме. Но выше, ведь и выше не лучше. Как мало идейных людей, как мало даже добросовестных людей: все думают о своей шкуре, пьянствуют, развратничают! Не лучше и на верхах. Я писал тебе, что всё время занимался дипломатией, всё склеивал то, что расползалось. Раза два уже впечатление было: «Ну вот, наконец, склеил». Смотришь — и опять разъехалось. <...> И ты понимаешь, что я начинаю терять спокойствие, когда вижу, что в вопросах, когда сталкиваются ин-

А.И. Деникин, И.П. Романовский (в центре) и Ю.Н. Плющевский-Плющик на Николаевской площади Харькова. 22 июня 1919 г.

И.П. Романовский. 1919 г.

тересы Родины и личные, последние доминируют», — писал он жене 27 декабря 1917 года.

Своей прямотой он нажил себе немало врагов, распространявших о нём всевозможные сплетни и даже называвших его «злым гением Деникина». Все эти сплетни ни в малейшей степени не соответствовали действительности, а порой преподносили её «с точностью до наоборот». Примером может служить история со скандальным рапортом генерала М.Г. Дроздовского, организатора и руководителя 1200–вёрстного перехода крупного отряда добровольцев из Ясс в Новочеркасск в марте–мае 1918 года, командира 3–й стрелковой дивизии Добровольческой армии. Иван Павлович старался сдерживать амбиции Дроздовского, действительно доблестно воевавшего. В середине сентября 1918 г. Деникин подверг критике неудачные действия 3–й стрелковой дивизии под Армавиром и в ответ получил рапорт, в котором Дроздовский напоминал о своих заслугах, подчёркивал своё значение и намекал на личную преданность частей, обосновывая этим претензию на самостоятельное решение боевых задач, требовал оградить себя от штаба армии и избавить от критики.

В «Очерках русской смуты» А.И. Деникин писал: «Рапорт Дроздовского — человека крайне нервного и вспыльчивого — заключал в себе такие резкие и несправедливые нападки на штаб и вообще был написан в таком тоне, что, в видах поддержания дисциплины, требовал новой репрессии, которая повлекла бы, несомненно, уход Дроздовского. Но морально его уход был недопустим, являясь несправедливостью в отношении человека с такими действительно большими заслугами. Так же восприняли бы этот факт и в 3–й дивизии... Принцип вступил в жестокую коллизию с жизнью. Я, переживая остро этот эпизод, поделился своими мыслями с Романовским.

— Не беспокойтесь, Ваше Превосходительство, вопрос уже исчерпан.

— Как?

— Я написал вчера ещё Дроздовскому, что рапорт его составлен в таком резком тоне, что доложить его Командующему я не мог.

— Иван Павлович, да вы понимаете, какую тяжесть вы взваливаете на свою голову?..

— Это неважно. Дроздовский писал, очевидно, в запальчивости, раздражении. Теперь, поуспокоившись, сам, наверное, рад такому исходу.

Прогноз Ивана Павловича оказался правильным: вскоре после этого случая я опять был на фронте, видел часто 3-ю дивизию и Дроздовского. Последний был корректен, исполнителен и не говорил ни слова о своём рапорте».

«Приняв огонь на себя» и погасив назревавший конфликт, Романовский дал новый повод для сплетен своим недоброжелателям. Когда в январе 1919 г. Дроздовский умер от заражения крови после сравнительно лёгкого ранения в ногу, ходили слухи о якобы скрытом доведении его до смерти посредством преднамеренно неправильного лечения и причастности к этому генерала Романовского, несмотря на то, что в госпиталях просто не имелось необходимых антисептических средств и лекарств. Всё было «поставлено с ног на голову». Никто из хорошо знавших Романовского людей не верил гнусной клевете, которая, как это часто бывает, порочила человека там, где он был особенно чист.

М.Г. Дроздовский

Генерал Н.Н. Шиллинг, давая отповедь лживым измышлениям, писал: «Генерал Романовский был истинным, высоковерующим христианином, а, следовательно, безукоризненно честным человеком, горячо любившим свою Родину и всей душой преданным Белой идее Добровольческой армии, которой он нелицемерно служил, отдав

всего себя работе...» Правоту этих слов подтверждают и впервые публикуемые нами письма Ивана Павловича к жене.

Многое пришлось пережить Романовскому в годы Гражданской войны: лишения 1-го и 2-го Кубанских походов, во время которых Добровольческая армия испытывала острую нехватку продовольствия и обмундирования, воевала во взаимно очень жестоких условиях «боёв без правил», когда пленных расстреливали порой обе стороны; гибель близких друзей генералов Л.Г. Корнилова и С.Л. Маркова; радость побед и горечь поражений; смерть от холеры любимого сына Миши...

Елена Михайловна несколько раз пробиралась к мужу, порой с риском для жизни стоя на подножках паровозов. Летом 1918 года ей пришлось несколько недель ждать мужа, находившегося со штабом на театре военных действий. Часто виделись они и в 1919 году, когда она жила с семьёй в Екатеринодаре и Таганроге. Порой Иван Павлович был настолько занят, что, живя с ним под одним кровом, супруга писала ему письма. Елена Михайловна очень дружила с женой Деникина Ксенией Васильевной и стала крёстной матерью родившейся в 1919 году Марины Деникиной, которую любил также и Романовский. «В очень сложной и разнородной работе одна область особенно увлекала обоих генералов, это была их родная стихия — военная, стратегическая. И вообще-то они работали «без отдыха и срока», а когда разложат перед собой карты... Меня это приводило в отчаяние: никакое здоровье так долго не могло выдержать. Бывало, обед подан, а они оба всё не идут. Я просуну голову в кабинет и вижу их над огромным длинным столом, заваленным картами и чертежами. На моё напоминание — только нетерпеливое ши-

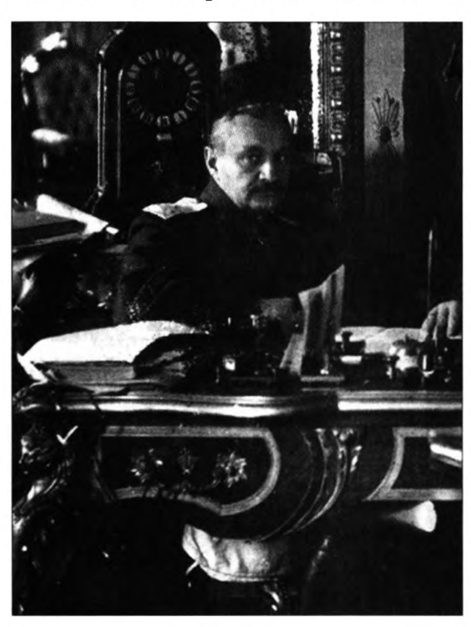

К.В. Деникина с дочерью Мариной
Июль 1919 г.

канье. А время всё идёт. Тогда я беру на руки мою дочь, решительно вхожу в кабинет и между двумя склонёнными седыми головами на все географические карты и стратегические планы сажаю шестимесячное торжествующее человеческое существо. «Атмосфера разряжалась», генералы улыбались и шли обедать», — писала К.В. Деникина в 1937 году в газете «Доброволец».

Последний раз Е.М. Романовская виделась с мужем в середине января 1920 года, когда приезжала к нему в Батайск. Это было очень трудное время. Белые армии терпели поражения и редко радовали победами, да и то локальными. Усилились разногласия между ВСЮР и казачьими атаманами, а также внутри самой ВСЮР. Иван Павлович долго ещё надеялся на благополучное развитие событий, но надежды эти не сбылись.

В конце февраля 1920 года Елена Михайловна с дочерьми Ольгой и Ириной, а также со своей учительницей Антониной Счастневой (Тонечкой) эвакуировалась из Новороссийска в Сербию. Накануне отъезда она получила письмо мужа от 25 февраля 1920 г., в котором он писал: «Я тебе больше доставил огорчений, чем радостей, и теперь смотри на меня как на обречённого и не скорби очень, если лишишься меня. Знай, что душой я никому, кроме тебя, не принадлежал и принадлежать не буду, и всегда буду гордиться своей женой — с великим русским сердцем. Да благословит тебя и детей Господь. Храни вас Бог».

Заместитель Верховного Главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенант И.П. Романовский на заседании Особого Совещания Таганрог. 1919 г.

Эти слова, словно прощание перед рас-

старанием навсегда. Предвидел ли Романовский свою скорую гибель? Бог весть, ведь на войне может погибнуть каждый в любую минуту. Да и обстановка вокруг Ивана Павловича настолько накалилась, что можно было ожидать чего угодно, даже убийства. Активизировались деятели ультрамонархического толка, которые приписывали ему масонство и обвиняли едва ли не во всех поражениях ВСЮР, распускали о нём клеветнические слухи. Другие были озлоблены жесткой политикой И.П. Романовского по отношению к тем командирам и бойцам ВСЮР, которые творили бесчинства на занятой армией территории: грабежи, насилие в отношении женщин и детей, пьяные разгулы и прочее. Такие действия нарушали все христианские заповеди и настраивали местное население против Белой армии, предавали идеалы Белого движения и стали одной из причин его поражения. По воспоминаниям А.И. Деникина, Иван Павлович с горечью цитировал ему частушку про мародёрствующих «добровольцев», которую пели летом 1919 года беспризорники на базарах: «Взвились соколы орлами, опустились соколы ворами». Однако самые строгие наказания, назначенные за подобные преступления, вплоть до суда и расстрела, в частях ВСЮР применялись редко и должных результатов не давали.

Последнее письмо от мужа, которое получила Елена Михайловна Романовская, датировано 17 марта (по старому стилю) 1920 года. За 6 дней до своей трагической гибели Иван Павлович писал: «Пятнадцатого приехали в Феодосию, и здесь я подал рапорт об освобождении меня от должности начальника штаба, на что А.И. <Антон Иванович Деникин> в конце концов согласился, так что с 16 марта я уже не начальник штаба, а только помощник Главнокомандующего. Для дела, я думаю, это хорошо: общественное мнение удовлетворено, если будут искать виновного в эвакуации Новороссийска, то тоже могут остановиться на мне и будут удовлетворены тем, что я уже не начальник штаба, да и оттрепался я. Новые люди с новой энергией будут, несомненно, лучше вести дело. <...>. Конечно, ты понимаешь, как больно и горько, начав дело, не довести его до конца. Хотел я отправиться на фронт в качестве добровольца, но сейчас сомнение: уже очень много

неприглядного сейчас в наших добровольческих частях и справишься ли с жизнью в хамстве, грубости и пьянстве. Оставаться при штабе? С одной стороны, даже хочется не оставлять Деникина, но, с другой стороны, будут опять болтать, что вот остался в качестве советчика и мешает делу».

В тот же день А.И. Деникин написал своей жене, эвакуировавшейся с семьёй в Константинополь: «...Освободил от должности Ивана Павловича Романовского. Полное одиночество. Как тяжко. Злоба против него стала истеричной. Хотели его убить: как слепы и подлы люди! Душа моя скорбит. Вокруг идёт борьба. Странные люди — борются за власть! За власть, которая тяжким, мучительным ярмом легла на мою голову, приковала, как раба к тачке с непосильной кладью...»

22 марта/4 апреля 1920 г. и сам А.И. Деникин под давлением Военного совета ВСЮР сложил с себя полномочия и передал пост Главнокомандующего генералу П.И. Врангелю. Назначенный в этот день в гостинице «Астория» прощальный обед И.П. Романовскому стал одновременно и проводами А.И. Деникина. Прямо из гостиницы оба русских генерала в сопровождении их друга английского генерала Хольмана поехали в порт и на британском миноносце «Император Индии» отплыли в Константинополь, где находилась семья Деникина вместе с осиротевшими детьми Л.Г. Корнилова, о которых он заботился после гибели их отца и смерти их матери.

Англичане хорошо относились к обоим генералам. Романовский был награждён британским Почтеннейшим Орденом Бани *(The Most Honourable Order of the Bath)*, четвёртым по старшинству среди королевских орденов, дающим право называться рыцарем-командором. Эту награду он очень ценил, как и знак Добровольческой армии, полученный за 1-й Кубанский поход.

23 марта/5 апреля около 4 часов дня на пристани трёх прибывших генералов встретили английский офицер и генерал В.П. Агапеев, русский военный представитель при британском и французском командовании в Константинополе*. Обеспокоенный докладом своего офицера о настроениях в русском посольстве, Хольман сразу предложил Деникину ехать на английский корабль, но Антон

Иванович очень хотел видеть семью. Его жена остановилась как раз в бывшем посольстве, которое тогда походило на общежитие беженцев, в основном белых офицеров из состава разных штабов, разведок и контрразведок, отрицательно относившихся к бывшему Главнокомандующему и начальнику его штаба. Агапеев не предупредил их об этом, и они, простившись с Хольманом, приехали в посольство. И тут выяснилось, что Ксения Васильевна с малышкой и домочадцами (всего 9 человек) ютится в двух маленьких комнатушках.

К.В. Деникина вспоминала: «Когда они с Антоном Ивановичем приехали в Константинополь и вошли в комнату в здании нашего посольства, в которой я жила со своей семьёй и детьми генерала Корнилова, у меня сердце упало при взгляде на их серые лица и потухшие глаза. Но при виде моей Мариши Иван Павлович сразу улыбнулся, присел на пол, протягивая ей руки. Она пошла к нему на своих ещё нетвёрдых годовалых ножках, он легко подхватил её и поднял на воздух».

Антон Иванович попросил дипломатического поверенного отвести им отдельную комнату, на что получил уклончивый ответ. Впоследствии М.А. Деникина в книге «Генерал Деникин. Воспоминания дочери» писала, что её отец решил забрать семью и перебраться на борт английского госпитального судна.

Адъютанты генералов отбыли из Феодосии на другом корабле и прибыли часом позже их. Поэтому Романовский, как обычно, принял обязанности адъютантов на се-

---

* Описание событий, связанных с убийством И.П. Романовского, основано на следующих источниках:

Деникин А.И. Очерки русской смуты. — М.: «Вагриус», 2002. Т. 5. Гл. 25.

Деникина К.В. Генерал Романовский // Доброволец. — Париж, 1937. Февраль. С. 5.

Агапеев В.П. Убийство генерала Романовского // Белое дело. Летопись Белой борьбы. — Берлин: Медный всадник, 1927. Кн. 2.

Лехович Д.В. Белые против красных. — М.: Воскресение, 1992.

Колчинский А.А. Генерал Романовский // Вестник первопоходника. 1964. № 36.

Гуль Р.Б. Кто убил генерала Романовского // Последние новости. — Париж, 1936. 9 февраля.

Деникина М.А. Генерал Деникин. Воспоминания дочери. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. С. 216–220.

бя. Ему надо было дать распоряжение шофёру о доставке документов с катера и о переезде к англичанам. Ксения Васильевна так писала о разыгравшейся трагедии: «В это время кто-то сказал что-то про автомобили, и Иван Павлович ответил: «Я сам распоряжусь». И, передав мне ребёнка, вышел из комнаты. Вышел навстречу смерти...»

Романовский был убит в бильярдной комнате посольства, через которую проходил, около 5 часов дня двумя или, по другим свидетельствам, тремя выстрелами в спину неизвестно откуда появившимся офицером, шедшим за своей жертвой буквально по пятам, так что лакей, прибиравший помещение, принял убийцу за адъютанта. Убийство было, по сути, публичным. Генерал А.А. фон Лампе и другие военные кинулись к убитому, полковник Б.А. Энгельгардт поспешил с докладом к Деникину. Наталья Корнилова выбежала из комнаты и стала звать доктора, но, когда того привели, Иван Павлович был уже мёртв. Деникин, потрясённый известием о его смерти, буквально замер на стуле, схватившись руками за голову, и не мог вымолвить ни слова. «Этот удар доконал меня, — писал он в «Очерках русской смуты». — Сознание помутнело, и силы оставили меня — первый раз в жизни...»

Упавшего в обморок Деникина Агапеев и Энгельгардт перенесли на кровать жены. Наталья Корнилова, плача, протянула Ксении Васильевне окровавленную золотую цепочку Романовского с иконкой и нательным крестиком и орден св. Владимира. Деникина со слезами принялась их отмывать, чтобы сохранить и передать вдове.

Тем временем убийца успел скрыться: не зная, в чём дело, кто-то из беженцев открыл ему дверь в соседнюю комнату, и он убежал через чёрный ход. Проведённое наспех следствие так и не дало результатов, несмотря на то, что английское командование объявило премию в 1000 фунтов стерлингов тому, кто поможет найти виновного. По этому поводу полковник Генштаба А.А. Колчинский писал в статье «Генерал Романовский», опубликованной в «Вестнике первопоходника» № 36 за 1964 год: «В общем, все обстоятельства создают какую-то странную, загадочную обстановку этого возмутительного преступления и позволяют думать, что откуда-то были даны соответствующие указания, чтобы это дело ликвидировать: ни закон-

ченного дознания, ни поисков убийцы, ни даже простого опроса лиц, находившихся в посольском доме, не было...». Полковник П.В. Колтышев считал, что убийство было организовано ультрамонархистами, которые знали, что у Деникина и Романовского имеются документы, компрометирующие их лидеров. Действительно, убийца, видимо, был информирован о прибытии генералов и буквально «охотился» на Романовского.

Имя наиболее вероятного убийцы стало известно только в 1936 году, когда проживавший в эмиграции писатель Роман Гуль опубликовал в газете «Последние новости» статью «Кто убил генерала Романовского». Согласно расследованию, проведенному писателем, убийцей оказался член тайной монархической организации поручик Мстислав Харузин. Одно время он служил в отделе пропаганды при русском посольстве в Константинополе, а в Гражданскую войну устроился в контрразведку штаба генерала Деникина.

Ультрамонархисты покрывали Харузина около месяца, а затем решили избавиться от него и отправили в «командировку» якобы для установления связей с турецкими повстанцами, из которой он не вернулся: кто-то его убил. Один из бывших членов организации рассказал Р. Гулю о поведанных ему Харузиных подробностях убийства, которые в главном совпали с рассказом генерала Агапеева, опубликовавшем в сборнике «Белое дело» в 1927 году статью «Убийство генерала Романовского».

В 1954 году К.В. Деникина отыскала в Аргентине Агапеева, который рассказал ей, что, по имеющимся у него данным, руководил преступной группой, организовавшей убийство, некто Михайлов.

Иван Романовский в последнем письме к жене писал, что очень не хочет уезжать из России. Жить на чужой земле ему довелось меньше часа. Уже вечером 23 марта/5 апреля состоялась первая панихида об убиенном генерале. В гроб к нему положили скромные букетики весенних фиалок — цветов, которые символизируют душевную чистоту, скромность и печаль. Похоронили его на местном кладбище.

После панихиды и прощания Деникины с домочадцами по настоянию английского командования уехали из рус-

И.П. Романовский в гробу. 23 марта/5 апреля 1920 г.

ского посольства на английское госпитальное судно, а на другой день отплыли в Англию на корабле «Мальборо».

Елена Михайловна Романовская получила известие о предательском убийстве мужа, находясь в сербском городе Нови–Сад. Тяжкое горе не сломило эту сильную женщину. В 1924 году она перебралась в Бельгию в надежде на то, что молодой супруг старшей дочери Ирины, Евгений Михайлович Малин, сможет там получить образование. Надежда эта не сбылась, но в Брюсселе Романовские прижились. Елена Михайловна открыла ателье по пошиву костюмов, преимущественно в русском стиле. Эти уникальные костюмы пользовались большим спросом у русских певиц, выступавших в европейских ресторанах. Особенно красивы были кокошники. Будучи прихожанкой церкви Святителя Николая, Елена Михайловна искусно вышивала для этого храма воздухи и пелены, употребляемые при богослужениях. Дочь Ольга, в замужестве Рейнгардт, обладая красивым голосом, пела в церковном хоре, а Ирина одно время была старостой прихода.

Много внимания Елена Михайловна уделяла своим внукам и правнукам. Скончалась она 5 октября 1967 года в

окружении домочадцев. Пережив супруга на 47 лет, она свято хранила память о нём, его письма, золотой крестик и орден, снятые с его тела в день убийства и переданные ей Н.Л. Корниловой.

Письма генерала Ивана Павловича Романовского переданы Архиву Русской Эмиграции для публикации его внучками Натальей Георгиевной Рейнгардт, Еленой Евгеньевной Оболенской и Марией Евгеньевной Онацкой. Эти пожелтевшие от времени листки не просто документы эпохи, хотя в них много интересных исторических сведений о Белом движении. Письма сохранили для потомков истинный, ничем не замутнённый образ их автора, свидетельства его духовной чистоты, глубокой христианской веры и настоящей любви к ближним — жене, детям, домочадцам, друзьям, соратникам, деятельной любви к Родине и самоотверженного служения ей в сложнейшие переломные годы российской истории.

Протоиерей Павел Недосекин,
настоятель храма Живоначальной Троицы в Брюсселе и храма Живоначальной Троицы в Шарлеруа

Елена Николаевна Егорова,
литературовед, член Союза писателей и Союза журналистов России

Иван Павлович Романовский

Письма к жене

1917–1920 годы

Пояснения комментатора

Письма Ивана Павловича Романовского к жене Елене Михайловне публикуются без сокращений и литературной редакции. Для удобства восприятия текст приведён к нормам современного правописания и разделён на смысловые абзацы, которых нет в оригиналах. С этой же целью разделены некоторые длинные предложения. Текст печатается с буквой «ё», в малопонятных местах в угловых скобках вставлены предположительно пропущенные слова. Некоторые однократно встречающиеся сокращения имён упоминаемых лиц расшифрованы в угловых скобках или в примечаниях. Список часто встречающихся сокращений приведён ниже. Сокращения, кроме общепринятых, также расшифрованы.

Все письма, за исключением двух, датированы И.П. Романовским по старому стилю, письма до сентября 1917 года им самим пронумерованы, причём нумерация начата, вероятно, в 1915 или в 1916 году.

Пункты отправления писем по датам

- 30 апреля — 27 мая 1917 г. — г. Черновицы;
- 8 июля по 9 сентября 1917 г. — г. Могилёв;
- 9–17 ноября 1917 г. — г. Быхов;
- 23 ноября 1917 г. — 5 января 1918 г. — г. Новочеркасск;
- 16–27 января 1918 г. — г. Ростов;
- 22 февраля 1918 г. — Задонье;
- 1–13 мая 1918 г. — ст. Мечетинская;
- 10–18 июня 1918 г. — ст. Песчанокопское;
- 30 августа — осень 1918 г. — г. Екатеринодар;
- Весна 1919 г. — декабрь 1919 г. — г. Таганрог и штабной вагон, курсировавший между Ростовом, Екатеринодаром и Таганрогом;
- 18 декабря 1919 г. — 27 февраля 1920 г. — штабной вагон, курсировавший между Батайском, Ростовом и Екатеринодаром (преимущественно г. Батайск);

- 1 марта 1920 г. — г. Новороссийск;
- 17 марта 1920 г. — г. Феодосия.

Пункты назначения писем по датам

- 30 апреля — 30 июля 1917 г. — г. Рязань;
- 6 августа 1917 г. — г. Петроград;
- 29 августа 1917 г. — осень 1918 г. — г. Сумы;
- весна 1919 г. — 2 января 1920 г. — г. Ростов, затем г. Таганрог и г. Екатеринодар;
- 4 — 26 января 1920 г. — г. Новороссийск;
- 3 февраля 1920 г. — г. Екатеринодар;
- 20 — 27 февраля 1920 г. — г. Новороссийск;
- 1 — 17 марта 1920 г. — Сербия.

Сокращения имён

А.И., А.И.Д., Ант. Ив., Антон Иванович — генерал Деникин Антон Иванович.

А.С., Ал. Сер., Александр Сергеевич — генерал Лукомский Александр Сергеевич.

Ваня — Харитоненко Иван Павлович, сын В.А. Харитоненко.

В.А., Вера, тётя Вера, Вера Андреевна — Вера Андреевна Харитоненко, двоюродная тётя Е.М. Романовской.

В.Е. — Вера Евгеньевна Маркова, мать генерала С.Л. Маркова.

Ирина, Иринка — Ирина Ивановна Романовская, старшая дочь.

Катя — Екатерина Романовская, урождённая Маслова, жена Владимира Павловича Романовского, брата И.П. Романовского.

К.В., Кс. В., Кс. Вас., Ксения Васильевна — Ксения Васильевна Деникина, урождённая Чиж, невеста, с 25 декабря 1917 года жена А.И. Деникина.

Л.М., Леонид Митр., Леонид Митрофанович — Успенский Леонид Митрофанович, брат генерала Н.М. Успенского, адъютант И.П. Романовского.

Ляля, Лялька — Ольга Михайловна Быстреевская, старшая сестра Е.М. Романовской.

М.П., Мар. П., Мар. Павл., Марианна Павловна — Марианна Павловна Маркова, жена генерала С.Л. Маркова.

Мамулик, мама — Мария Александровна Бакеева, мать Е.М. Романовской.

М.В., Мар. Вас., Марианна Васильевна — скорее всего, мать С.Н. Ряснянского.

Мар. Влад., Марья Владимировна — жена генерала Ю.Н. Плющевского-Плющика.

Мар. Ип., Мария Ипполитовна — Успенская Мария Ипполитовна, жена генерала Успенского Николая Митрофановича.

Маруся — Мария Александровна Абашева, троюродная сестра Е.М. Романовской.

Митя — полковник Абашев Дмитрий Михайлович, муж М.А. Абашевой (Маруси).

Миша, Мишка, Мишурка — Михаил Иванович Романовский, старший сын.

Ольга, Оля, Лёля — Ольга Ивановна Романовская, младшая дочь.

П.А., Павел Алексеевич — полковник Павел Алексеевич Кусонский.

Плющик — генерал Юрий Николаевич Плющевский-Плющик.

С.Л., Серёжа, Сер. Леон. — генерал Сергей Леонидович Марков.

С.М., Софья Михайловна — Софья Михайловна Лукомская, жена генерала А.С. Лукомского.

С.Н., Сер. Ник., Сергей Николаевич — полковник Ряснянский Сергей Николаевич, друг и сослуживец И.П. Романовского.

С.С., Софья Север., София Севериновна — София Севериновна Успенская, жена Л.М. Успенского.

Т. Вл., Таис. Влад. — Таисия Владимировна Корнилова, жена генерала Л.Г. Корнилова.

Тоня, Тонечка — Антонина Михайловна Счастнева, учительница Е.М. Романовской.

Ю.Н., Юрий Николаевич — генерал Плющевский-Плющик Юрий Николаевич, близкий друг И.П. Романовского.

Сокращения названий населённых пунктов

Ек., Екатер., Е-р, Е-дар, Ек-дар — Екатеринодар.

Нов., Новор. — Новороссийск.

Н-черкасск — Новочеркасск.

П., Петр. — Петроград.

Сокращения слов

Г., ген. — генерал.

М.б., м. быть — может быть.

Н-к — начальник.

П., полк. — полковник.

Пр. — прапорщик.

Ст. — станица, станция (в зависимости от контекста).

30 апреля 1917 г. № 40

Дорогая Ленурка, мне бесконечно совестно, что за это всё время я тебе не написал ни одного письма, но вершением является то обстоятельство, что ты всё это время, несомненно, очень занята и, вероятно, без писем не очень скучаешь. Кроме того, имеешь телеграммы обо мне.

Как сложится моя судьба в дальнейшем, не знаю, пока же она складывается так. Каледин должен был ехать в 6-ю армию и просил, чтобы меня туда назначили, об этом распоряжение уже сделали, но я просил не приводить его в исполнение, не будучи уверен в том, что Каледин туда поедет. В конце концов так и вышло. Цурикова оставили в 6-й. Каледину предложили 5-ю вместо Драгомирова, но последний, видимо, желая избавиться от Юрия Данилова, устроил его в 5-ю, и для Каледина армии не осталось, и он уходит в Военный совет, а сюда назначается Корнилов. Но обо мне затеянная история все-таки продолжается. Не знаю, по просьбе Цурикова или самолично, но начальник штаба Румынского фронта ген. Головин возбудил опять ходатайство о моём назначении в 6-ю армию, но я, хотя и не знаю, захочет ли меня Корнилов, от назначения меня отказался и просил меня оставить здесь. В смысле политики здесь не очень хорошо, но зато в других отношениях великолепно; об этом я в другой раз.

Пиши скорее. Целую детей, мамулика, тебя.

Твой Ваня

2 мая 1917 г. № 41

Милая и дорогая Ленурка, ничего от тебя не имею и не рассчитываю скоро иметь, т.к. послал тебе телеграмму 29-го, но ответа на неё до сего времени не имею и, получила ли ты её, не знаю. И в телеграмме, и в письме я тебе сообщаю, что пока я оставлен в 8-й армии. Говорю «пока», потому что окончательное решение этого вопроса будет зависеть от ген. Корнилова, который сюда назначается командующим армией. Корнилов если возьмёт меня, то я буду очень рад служить с ним, ну а нет, куда-нибудь да назначат.

Дела наши военные не радуют, война, по-видимому, для нас кончена. Здесь одно утешение — это прекрасная

штаб-квартира. Черновицы — великолепный городок: чистенький, красивенький, много зелени — словом, жить здесь очень приятно. Ну а что касается апартаментов, занимаемых штабом армии, то об этом можно было только мечтать: у меня 5 хороших светлых комнат с коврами, мягкой мебелью, ванной, клозетом, с кроватью вроде наших. Словом, для полного счастья не хватает только нравственного спокойствия и уверенности в том, что всё происходящее в настоящее время в России может привести к хорошему результату, и затем не хватает тебя. Но ты, конечно, можешь приехать, если только устроишь как следует своих и если меня, конечно, не погонят отсюда.

Каледин послезавтра уезжает, жалко мне его очень: разумный, твёрдый, просвещённый, а главное честный. Как-то обидно, что такие люди могут сейчас остаться не у дел.

Телеграммы до сих пор от тебя не имею. Сегодня пошлю телеграмму Ляле, чтобы она телеграфировала, что с вами. Да, Ленурка, куда мы придём, неужели вернёмся к старому и подтвердим, что мы действительно навоз для германской культуры? Прямо до слёз обидно. Пиши скорее, как вы устроились. У меня теперь сомнения, что лучше ли в Рязани, чем под Петроградом. Поцелуй мамулика, детишек. Крепко целую. Как только выяснится, что останусь у Корнилова, так я телеграфирую и тогда можно будет думать о поездке сюда.

Твой Ваня

5 мая 1917 г. № 42

Милая и дорогая Ленурка, наконец, получил твою телеграмму из Рязани и, слава Богу, могу успокоиться, что у вас всё обстоит благополучно и что вы устроились. Теперь можно и деньги вам посылать. Вчера последний раз обедали с Калединым, а сегодня он уезжает. Когда и кто к нам приедет, неизвестно, при теперешних переменах, может быть, это случится нескоро.

Теперь, Ленурка, прости меня за эгоизм, но я все-таки напишу тебе о том, что мне бы очень хотелось повидать тебя здесь. Это возможно, т.к. Каледин, да и другие, живут с жёнами, Стогов жил тоже с женой. Квартира у меня такая,

Елена Михайловна Романовская. 1900-е гг.

что вполне может вместить не только тебя, но и «поросят»[1]. Но это одна сторона, а другая сторона — это трудность, а может быть и невозможность, оставить одного мамулика с детьми, а второе — это трудность сюда приехать. Плацкарты отменены, а едет масса народу, и ехать сейчас по железной дороге — это целый подвиг. Вот ты это всё обду-

май, а если захочешь немедленно приехать, то телеграфируй. Здесь у меня ещё нет достаточно связей, чтобы помочь тебе, но думаю, с помощью Кусонского устрою. К сожалению, его сейчас нет, т.к. он уехал в Киев, получив сведения, что с его отцом очень плохо.

Вот, Ленурка, ты всё это обдумай и черкни мне. Имей в виду, что я, конечно, жажду тебя видеть, но вместе с тем, всегда примирюсь с необходимостью и роптать не буду, если нельзя нам будет свидеться. Теперь с нетерпением буду ждать письма, как вы устроились в Рязани и что из себя представляет Рязань, т.е. похожа <ли> на деревню: много воздуху или совсем нет его. Напиши, как решился вопрос с моими рейтузами, заказанными в Экономическом обществе.

А пока, мой милый дружок, без счёта тебя целую, хотел бы это проделать лично, но буду ждать. Поцелуй маму и детей. Видела ли ты Володю[2]?

Твой Ваня

8 мая 1917 г. № 43

Милая и дорогая моя Ленурка, скучно без тебя и без писем от тебя. Так бы хотелось повидать тебя, и я с нетерпением жду писульку от тебя, из которой увижу, возможно ли на такой приезд рассчитывать, <и> если возможно, то когда.

Вчера я был в штабе фронта, представлялся Брусилову, познакомился с Духониным и его женой. Между прочим, Духонин мне сказал, что он говорил с Корниловым относительно того, есть ли у него свой кандидат на должность начальника штаба или нет, и Корнилов заявил, что у него никого нет и что против меня он ничего не имеет, так что до известной степени моё положение определилось, и ты, моё сокровище, если хочешь и можешь, можешь ко мне приезжать. Мне только совестно тебя просить, потому что ехать уж очень трудно. Во всяком случае, хлопотать надо начать сейчас же, если хочешь ехать, и записаться в Москве на место в международном вагоне; это, кажется, единственное средство. Что касается от Киева, то тут тебе придётся обратиться к коменданту, чтобы он тебя устроил в штабном вагоне, который едет на Каменец-Подольск,

мы об этом ему протелеграфируем. От Каменца приедешь на автомобиле, встречу тебя либо я, <но> вернее что Кусонский, ну а в крайнем случае Пупков. Вот, моя дорогая, все мои соображения. Если решишь ехать и возможно это будет проделать, то чем скорее это сделаешь, тем лучше.

Мария Александровна Бакеева («мамулик») с внуками Ириной, Михаилом и Ольгой Романовскими. 1916 г.

Когда письма начну от тебя получать, я не представляю. Как вы устроились, как себя чувствуют детишки, питаются ли свежим воздухом или этот вопрос слабо стоит? Затем, как вопрос с прочим питанием? Приехала ли Ляля? Я когда здесь был у Наталии Владимировны Духониной, то она жаловалась, что Ляля её совсем забыла. Сейчас приехал Кусонский, который был очень растроган, увидев у Духониной Гришин[3] портрет на столе. Он просит вам всем передать свои приветствия.

Поцелуй маму и детей. Без счёта целую тебя и мечтаю, когда это можно будет в действительности проделать.

Твой Ваня

14 мая 1917 г. № 44

Милая и дорогая Ленурка, сегодня получил два твоих письма от 2 и 4 мая и был, конечно, очень обрадован этим первым весточкам из далёкой и чужой нам Рязани. К сожалению, моих писем ты ещё не получила, и на жгучий для меня вопрос относительно возможности твоего приезда ответа я не имею. А очень бы хотелось тебя повидать. Быть может, это письмо придёт к 21 мая, в таком случае поздравляю тебя с днём Ангела и желаю всего лучшего.

Относительно поездки я тебе уже писал, что лучше ехать на Каменец, причём от Москвы до Киева запастись местом в международном вагоне, а от Киева просить места у коменданта в штабном вагоне; если ты успеешь меня предупредить, то комендант будет предупреждён. Твоего письма в 6-ю армию мне ещё не переслали, думаю, что перешлют.

Сюда командующим армией, как я тебе уже писал, назначен генерал Корнилов. 11-го он приехал, менять меня пока не хочет, я, конечно, очень рад иметь такого командующего. Настроение у него хорошее и бодрое, ну а это всегда передаётся. Назначению Керенского в.<военным> министром, конечно, все очень рады. Должен он был завтра приехать к нам, но, к сожалению, это не состоялось. Фронта пока, слава Богу, нигде не прорвали. Ты знаешь, между прочим, что Ал. Петрович[4] назначен начальником гл. штаба и что он мне опять предлагал должность дежурного генерала, но я отказался.

Я думаю, что для Леночки[5] большое счастье, что наши дети приехали. Поздравь Ольгу с днём рождения. Ну, пора спать. Целую тебя крепко-крепко, поцелуй детей и маму. Когда решишь ехать, телеграфируй. Ляле мой привет. Поскорее бы тебя вновь поцеловать.

Твой Ваня

27 мая 1917 г. № 45

Дорогая Ленурка, взял сейчас книжечку и увидел, что я не писал тебе почти две недели. Не сердись, голубка, всё время был занят разговорами с разными комитетами, которые для меня кончатся, вероятно, печально: придётся уйти, должно быть, из штаба 8-й армии, т.к. с одним из комитетов, с гарнизонным, у меня вышел серьёзный конфликт, они меня обвинили в контрреволюции и требуют моего ухода. Конечно, себя мне не жалко будет, если они добьются этого, ну а обидно в принципе: честному человеку приходится уходить под давлением кучки евреев. Ну да Бог с ними, на всё воля Божия.

Вот, к сожалению, пришлось тебе сегодня телеграфировать, чтобы ты не приезжала, <а> я так мечтал о нашем свидании. Сегодня получил неприятное письмо о падении Иринки. Ко всем происшедшим событиям <вдобавок> это письмо расстроило меня ещё больше. Не дай Бог, если что-нибудь ещё случится. Ну и про себя ты, конечно, пишешь тоже неважно: отчего ты мне не написала, когда и где ты так расшиблась, что до сих пор была больна и не могла делать гимнастику? Как вопрос с Ляліным багажом? Я твоих двух писем не получил.

Ты спрашиваешь моё мнение относительно Керенского. Его назначение я приветствовал, т.к. на мой взгляд, это с наибольшим авторитетом имя и человек смелый и честный. Ну а насколько обаяния его имени хватит для восстановления армии, сказать трудно, т.к. восстановить разрушенную громаду вряд ли возможно одним именем. Ну, будем надеяться, что Россия выйдет из ниспосланного ей испытания окрепшей.

Крепко тебя целую. Поцелуй маму и детишек.

Твой Ваня

Без даты[6]

Дорогая Ленурка, в Москву не еду и жду тебя с розовым капотом и крахмалеными рубахами для меня. Сегодня получил письмо от всех троих младенцев.

Твой Ваня

8 июля 1917 г. № 46

Дорогая Ленурка, не желая тебя опять огорчать, пишу коротенькое письмо, т.к. на длинное совсем нет времени. Из газет ты, конечно, знаешь, что наш разгром уже начался. Наше отступление идёт столь стремительно, что готово превратиться в катастрофу.

Скверно, дорогая Ленурка, как-то пахнет концом и скверным концом. Видишь и думаешь: сколько раз какая-нибудь пуля могла отправить на тот свет, ушёл бы с честью, с мечтой, что голову сложил за счастье Родины, а теперь какой-то сумбур и в голове, и на душе.

Ну не буду расстраивать тебя, милая моя. Как ты всех дома нашла? Что дети? Воображаю, как они обрадовались, хотя ещё больше, вероятно, обрадовалась мамулик. Ну, Христос с тобой, моя родная, будь здорова и не забывай своего скверного мужа. Крепко целую, поцелуй детей, маму, Лялю, Тоню.

Твой Ваня

14 июля 1917 г. № 47

Милая и дорогая моя Ленурка, опять пишу тебе коротенькое письмо, потому что времени нет на длинное. Вчера получил рейтузы, за которые приношу благодарность; получил мамино письмо от 5 июля, а сегодня твоё[7]. Ну, слава Богу, что ты доехала хорошо. Благодаришь ты меня напрасно, это я тебя должен благодарить. Ты уехала, и на душе как-то печально стало, а тут, кроме того, и события такие печальные, из которых не знаю, как и выберемся. С этой стороны, было бы приятно твоё здесь присутствие, всегда хорошо близкого человека около, когда на душе так моркотно, а с другой стороны, так работы много, что, может быть, и лучше, что ты уехала.

Ольга (Ляля) и Григорий Быстреевские. 1900–е гг.

Вчера меня Марианна Павловна огорчила, сообщив, что Серёжа[8] не согласен квартиру передавать. Как вы и где будете искать, я не представляю. Багаж, по–моему, вы напрасно не брали, на станции больше шансов ему пропасть, чем дома.

Ну, моя родная, крепко тебя целую. Христос с тобой. Поцелуй детишек, маму, Лялю, Тоню. Был у меня на днях Митя Абашев, а сегодня заходил Ковалевский, приехал с какой-то депутацией к Брусилову. Ну, крепко целую.

Твой И. Романовский

19 июля 1917 г. № 48

Милая и дорогая Ленурка, я уже соскучился без тебя и начинаю опять мечтать, что, может быть, ты, когда поедешь в Петроград, то заедешь ко мне. Как-то особенно почувствовал твоё отсутствие, когда начались неприятности на фронте. Я не люблю жаловаться и когда меня жалеют, но люблю иметь близкого человека около, которому веришь вполне.

Новости ты наши знаешь, что приехали сюда Керенский и Терещенко, устроили совещание, уехали, а через два дня прислали телеграмму об увольнении Брусилова и назначении Корнилова, которого мы завтра и ждём.

Теперь о Петрограде. Чем я больше думаю об этой зиме, тем больше впадаю в смущение. С каждым днём вести относительно довольствия из Петрограда всё хуже и хуже. И вот я думаю, стоит ли вам ехать в Петроград, чтобы морить детей голодом. Что касается Мишки, то, может быть, лучше ему поступить в интернат, по крайней мере, есть будет хорошо, а вам остаться в Рязани или поехать в Могилёв, если меня до тех пор не выгонят или сам не уйду.

Сегодня я получил письмо от Ирины, из которого заключаю, что наши дети довольны принять Абашевских беженцев[9]. Поблагодари её за письмо. Сегодня приехал Кусонский: там, в штабе 8-й армии, новый командующий разогнал весь штаб, так что Кусонский приехал в качестве беженца, а я очень рад был взять его к себе.

Ну, мой дружок, почти два часа, пора спать. Крепко тебя целую, поцелуй детей, маму и всех прочих.

Твой Ваня

23 июля 1917 г. № 49

Милая и дорогая моя Ленурка, ещё и трёх недель не прошло, как ты уехала, а у меня впечатление, что это дав-

но-давно было, и я уже мечтаю, когда вновь это случится, что мы с тобой вновь увидимся. Это, конечно, эгоистические чувства; а я всё задумываюсь о том, стоит ли вам ехать в Петроград. Все приходящие оттуда вести говорят одно и то же, что есть нечего, а для детей это, пожалуй, самый важный вопрос. При этих условиях, не подумать ли о том, чтобы так или иначе устроить свою мебель, а самим устроиться в Рязани или Могилёве? Я надеюсь, что ты, едучи в Петроград или обратно, заедешь ко мне и, может быть, мы договоримся до чего-нибудь.

Сегодня приехала m-me Лукомская к мужу, и сегодня приехал Корнилов. У нас тут все повеселели, все возлагают на него надежды. Дай Бог, чтобы он оправдал их. Воли, упорства и смелости у него хватит; дай Бог ему и счастья. Я фаталист и сейчас хочу фатум приспособить к светлым надеждам. Ведь недаром же судьба его столько раз сберегала от смерти, чтобы он здесь сорвался. Быть может, ему и написано на роду спасти Россию. Решительности он большой.

Да, быстро всё меняется: Брусилова выкинули, как старую перчатку. Я не принадлежал к числу его поклонников, но при этой выгонке старика жаль стало. А главное, ведь никто не знает, за что и почему его выгнали.

Да, Ленурка, интересную мы эпоху переживаем, но только тяжёлую, а, главное, впереди ещё тяжелее: как эта зима пройдёт и будущая весна, одному Богу известно. Если бы детей не было, можно было бы свистеть, а вот с детьми, когда подумаешь, что, может быть, им голодать придётся, то жутко становится.

Ну, Ленурка, моя драгоценная, крепко тебя целую, а с каким бы удовольствием в действительности расцеловал. Поцелуй детишек, маму, Лялю, Тонечку.

Твой Ваня

25 июля 1917 г. № 50

Милые и дорогие мои Ленурка и Мишурка, поздравляю вас с днём рождения и желаю всего хорошего. Я всё думаю о предстоящей зиме: где и как вам устраиваться. Ведь в Петрограде с голоду помереть можно, так плохо там с продовольствием. В Рязани, видимо, вы не склонны оставать-

ся, приходится подумывать о Могилёве, но и здесь, вероятно, не просто устроиться. Сегодня я возил Павла Алексеевича к Марковым и встретил их. Они шли искать квартиру и найти, кажется, никак не могут.

Если ты поедешь в Петроград, нельзя ли мне раздобыть крахмальные рубахи. В последних письмах ты ничего не пишешь, когда вы окончательно решили ехать. Мне как бы хотелось тебя повидать на пути туда или обратно. Чем тебя Лёля огорчила? Желудки детские и тут, кажется, у всех неблагополучны.

Ты спрашиваешь, как перемена Брусилова на Корнилова отразится на мне? Да я думаю, никак. Встретились мы с ним как старые приятели; он в первый же вечер пригласил меня чай к себе пить, и его близкие говорят, что он часто вспоминал меня добрым словом. Все вообще очень довольны произведённой сменой.

Ну, Ленурка, пока крепко-крепко тебя целую и с тоской думаю, когда это можно реально проделать, пока я только в воображении рисую мою милую кудрявую головку, розовый капотик и твои горячие поцелуи. Поцелуй детей.

Твой Ваня

30 июля 1917 г. № 51

Милый и дорогой мой дружок, славная моя Ленурка, месяца ещё не прошло, как ты уехала, а мне кажется, что это было в прошлом году, и страстно хочется тебя опять повидать и расцеловать мою милую, славную женурку.

Сегодня есть в агентских телеграммах, что из Петрограда выселяют всех, кто непричастен к определённому делу, связанному с Петроградом. Значит, и вам нельзя туда ехать. То, что рассказывает Хозиков относительно довольствия в Петрограде, совершенно правильно, т.к. все это подтверждают.

Нужно ли вам при таких условиях ехать в Петроград? Не решить ли окончательно, что надо ехать в Могилёв и в этом смысле вести дело, т.е. поехать в Петроград кому-нибудь одному, чтобы устроить вещи, в Могилёве начать искать квартиру и, найдя таковую, уже сюда везти детей? В отношении Миши решить: если Ляля будет в Петрограде, то просить её взять Мишку, если нет, то отдать его в ин-

тернат. Затем, что касается Тонечки, то для неё, кажется, самым выгодным будет Могилёв, т.к. Маруся едет в Смоленск, а здесь можете быть вы; затем Марковы и Мария Владимировна спрашивали, не приедет ли Тонечка сюда.

Что касается меня, то Бог знает, долго ли я останусь. Корнилов, по–видимому, никого выгонять не собирается, ну а долго ли Корнилов и все мы просуществуем, это одному Богу известно. Относительно подоходного налога я не силён, но мне кажется, что военнослужащие, находящиеся на войне, его не платят.

Ну, Ленурка, пока покойной ночи, крепко–крепко тебя целую и мечтаю, когда это можно будет сделать в действительности, а пока «хожу мимо Франции» и с тоской вспоминаю былые дни. Поцелуй маму и детей. Был у меня тут В.О.[10], пришёл он не очень вовремя да ещё с контуженой рукой на привязи; я думаю, не очень ласково я с ним обошёлся.

Твой Ваня

6 августа 1917 г. № 53

Дорогая моя Ленурка, пишу тебе на Петроград на Лялин адрес, т.к. в Петрограде получил твою телеграмму, что вы 4–го выезжаете. Я полагаю, что выезжаете именно в П. Я в недоумении только, кто выезжает, т.к. предполагал, что выедешь ты одна. В Петрограде я пробыл всего один только день, конечно, себе не принадлежал и потому к Ляле мог заехать только поздно вечером, не застал её, попробовал позвонить к Лебедевым[11], но они, очевидно, с Володей куда–то ушли, так что я уехал, не поговоривши с ней. Я ей написал письмо с вокзала, предназначаемое, собственно, для тебя, в котором, между прочим, предупреждаю тебя, что на этих днях, вероятно, опять приедем в П. и что, может быть, на 12–14 августа поеду с Корниловым в Москву[12]. Теперь выяснилось, что в Москву я не поеду, едет Плющик. По–видимому, и в П. Корнилов не поедет, таким образом, ты в своих действиях являешься более свободной.

На твоё письмо 29 июля я тебе ответил телеграммой с полным одобрением твоих предположений, да ты, конечно, ничего другого и ожидать не могла. Если это осуществится[13], то, конечно, будет очень приятно, т.к. и дети будут

сыты, и Мишка будет вместе с вами. Одно обидно, что мы с тобой в разлуке, но если жизнь наладится, то я полагаю, что ты на продолжительные сроки будешь в состоянии приезжать. В бытность свою в П. я хотел быть в корпусе, чтобы переговорить относительно Миши, но буквально не имел времени. Вот я не совсем понимаю, куда вы вместите мебель к Ляле, если она останется в П., по этому поводу я тоже хотел переговорить с Мучником[14], но, к сожалению, его не застал. Что касается Стоши[15], то помочь так, как ты просишь, не могу, т.к. Марков уже удрал из Западного фронта.

Ну, дорогой дружок, теперь буду жить ожиданием, когда увижу тебя, по–видимому, это произойдёт скоро. Крепко тебя целую. Поцелуй Лялю.

Твой Ваня

29 августа 1917 г. № 53

Милая и дорогая моя Ленурка, вчера получил твоё письмо от 25 августа. К стыду своему, должен сказать, что я тебе не написал ни одного письма, но надеюсь, ты меня простишь, приняв во внимание, какое время мы переживаем. Больше всего меня волнует вопрос, что ты очень будешь взволнована за мою судьбу, поэтому моя самая большая просьба быть спокойной и предоставить всё воле Божьей. Как то вы доедете до Сум? По расчётам, вы вчера должны были выехать, а завтра приехать.

Ну, о себе что же тебе сказать? Из газет вы, вероятно, больше знаете, чем я могу сказать. Нечестную партию правительство сыграло с Корниловым. Он как честный человек поверил вполне тому, что ему говорили Савинков и Львов, присланные от Керенского. Высказался сам, а его на другой день сместили с должности Верховного Главнокомандующего и обвинили в желании узурпировать всю власть. Ну, Бог с ними, нечестные пути не приведут их к хорошим результатам. Корнилова, Лукомского и меня, вероятно, ожидают очень неприятные перспективы, но ты знаешь, что я всегда руководствовался лишь указаниями совести, т.к. в данном случае совесть моя чиста и за будущее своё я спокоен. А ваше будущее, к сожалению, меня очень беспокоит; беспокоит больше всего материальная

сторона, т.к. очевидно, что содержания моего вы лишитесь. Но повторяю опять, что всё в руках Божиих.

Напиши, как вы доехали, как устроились, как Мише понравился новый корпус[16]. Передай ещё раз тёте Вере мои приветствия и благодарность, что она вас устроила.

Ну, Ленурка, обещай мне, что будешь вести себя хорошо. Пока всего лучшего, моя родная, Христос с тобой. Поцелуй детей и маму.

Твой Ваня

31 августа 1917 г. № 54

Милая и дорогая моя Ленурка, вчера я получил твою телеграмму из Сум, что вы благополучно доехали. Слава Богу, у меня на душе стало легче, что это путешествие уже совершили. Теперь меня несколько волнует мысль, что ты беспокоишься за меня, и был бы очень рад, если бы ты убедила меня в своём спокойствии. В газетах ты будешь читать всякие ужасы про нас, но ты не придавай этому значения, а помни, что без воли Божией ни один волос с головы человека не упадёт, а ты, как и раньше, можешь быть уверена, что твой муж ничего против совести и чести не сделал и не сделает. Какая судьба ожидает Корнилова и Ставку, ещё неизвестно. Сегодня должен сюда прибыть Алексеев, от него, может быть, узнаем что–либо более определённое.

Смущает меня очень ваше будущее материальное положение, т.к. содержания, вероятно, лишат. И вот сейчас, чтобы увеличить твои ресурсы, я думаю, как распорядиться с лошадью. По настоящим временам, она сейчас стоит, по крайней мере, тысячи две, но покупателя не найдёшь быстро, а на кого оставить, не знаю, т.к. Павлу Алексеевичу, вероятно, тоже не миновать всех тех мытарств, которые предстоят и старшему командному составу.

Как то вы устроились в Сумах? Дай Бог здоровья тёте Вере за её заботу. Одна надежда на неё, что вы не погибнете, т.к. иначе, без её помощи и без содержания, тебе, конечно, не справиться с «тремя поросятами». Будем надеяться, что это ненадолго.

Ну, пока, Христос с тобой, моя дорогая, крепко целую. Поцелуй детишек и маму.

Твой Ваня

2 сентября 1917 г. № 55

Милая и дорогая моя Ленурка, нумерую это письмо 55-м, два письма я послал, по-моему, тебе без номера. Ну, моя дорогая, свершилось. Вчера вечером нас арестовали: Корнилова, Лукомского, меня и Плющевского. Плющевского, по-моему, по недоразумению. Пока нас содержат в доме губернатора, где помещался Корнилов и Лукомский, причём мы с Плющевским помещаемся в маленькой комнатушке адъютанта Лукомского. Но, кажется, общественное мнение нашло наше размещение во дворце слишком шикарным, и нас сегодня ночью переводят в гостиницу и подвергнут уже одиночному заключению, <а> пока мы сообщаемся друг с другом и с потусторонним миром. Завтра это прекратится. Лукомский не без основания говорит, что это лучше, что нас постепенно спускают с этапа на этап, т.к. следующая ступень будет уже тюрьма или Петропавловская крепость.

В Могилёве мы, по-видимому, пробудем ещё несколько дней, т.к. следственная комиссия хочет здесь вполне со всем познакомиться и разобраться. Комиссии этой я сам ещё не видел. Сегодня они допрашивали, кажется, местных депутатов Совета рабочих и солдатских депутатов, и сейчас идёт допрос Корнилова. Завтра можно ожидать нашего допроса. Скорее бы. Боюсь я этого изматывания, впервые ведь придётся быть в такой передряге.

Вещи все, кроме тех, что беру с собой, я оставлю Кусонскому, а он уже как-нибудь перешлёт тебе. Между прочим, в новом чемодане пачка твоих писем, которые ты сохрани, и там же вместе с письмами лежит квитанция на мои тёплые вещи. Лошадь буду стремиться продать здесь, если же не продам, то постараюсь переслать в Сумы, а ты отдашь Вере Андреевне, я думаю, лошадь в хозяйстве не пропадёт, а лошадь хорошая и притом такая, которая может быть и под седлом, и в упряжь.

Тебя, дорогая Ленурка, прошу быть спокойной, довериться судьбе. Ведь нам не миновать того, что намечено Богом. Если есть благоразумие и совесть в людях, то должны нас выпустить, ну а если нет, то, может быть, лучше погибнуть. Крепко тебя целую. Христос с тобой. Поцелуй детей и маму.

Твой Ваня

P. S. Пишу на имя мамулика, чтобы не обращать внимания своей фамилией.

5 сентября 1917 г. № 56

Милая и дорогая моя Ленурка, вот уже четвёртые сутки сижу. 2 сентября мы ещё сидели вместе с Плющевским, тогда были заключены в доме, который занимал Верховный Главнокомандующий. В ночь со 2-го на 3-е нас перевели в гост. «Метрополь», это на Днепровском, почти против кинематографа «Чары», и рассадили поодиночке; мой номер между номерами Лукомского и Плющика. Хороший номер, так что пока живём с полным комфортом, питают нас из собрания, но думаю, что это ненадолго, и нас переведут либо в тюрьму, либо перевезут в Петроград. Эти вопросы, кажется, должны решиться приезжающим сегодня Керенским.

По газетам судя, нам, конечно, ничего ждать не приходится, но я совершенно спокоен, и только гнетёт мысль о тебе, что ты теперь переживаешь душевную драму за меня, и, затем, будущее в смысле материальном темно. И писем от тебя нет; вероятно, наши письма задерживают, я поэтому пишу на имя мамулика, а ты пока можешь писать на имя Кусонского.

Хотелось бы мне, чтобы ты, так же как и я, верила в судьбу и не волновалась. Скучно в одиночестве, но пока был занят: вчера и позавчера писал свои показания, сегодня пишу вот тебе, затем ещё несколько писем напишу, книги пока есть, Павел Алексеевич, у которого служебные ко мне дела ещё остались, заходит.

Вот кто меня удручил — это Пупков. Его назначили служить сюда в гостиницу, <и,> конечно, человек, привязанный к своему барину, с удовольствием бы это исполнил, чтобы быть ближе к своему бывшему барину, а он отказался. Да вот и рассчитывай, три года пожили вместе, думаю, что ничего, кроме добра, он от меня не видел, но сердечной привязанности это не создало. Грустно, но Бог с ними, не будем обольщаться на их счёт. И сейчас сколько ненависти к буржуям, эти страшные истории в Финляндии.

Я всё думаю, неужели мы заслужили эту ненависть. Ведь вот, видит Бог, я всегда любил солдата, да и разве я

один; все те, которые сейчас заключены: Деникин, Марков, Плющевский — разве тоже не были привязаны душой к нему? Неужели такая глубокая пропасть между нами и ими? Ведь при этих условиях нет спасения России: они, может быть, и здоровая, но тёмная масса, не могут вести государство без интеллигенции, но ведь и интеллигенция не может идти, не опираясь на народ. Тяжело это всё, Ленурка.

Ну как вы поживаете, мои дорогие, как дети, что мама? Хорошо ли устроились? Крепко тебя целую, моя родная. Христос с тобой. Верь в ту судьбу, которую нам Бог послал. Поцелуй детишек и маму. Привет тёте Вере.

Твой Ваня

6 сентября 1917 г. № 57

Мой милый друг, дорогая Ленурка, вот и ещё сутки прошли нашего заключения. Может быть, сегодня, так или иначе, решится наша судьба. Вчера вечером приехал Керенский и вчера принимал, и сегодня, кажется, опять принимает доклад чрезвычайной следственной комиссии, которая ведёт следствие.

Я пока чувствую себя хорошо, не успел даже соскучиться очень. Я так давно не читал, что теперь с удовольствием читаю. Читаю сейчас «Милого друга» Мопассана и вспоминаю, конечно, тебя, т.к. это, вероятно, та самая книжонка, которую ты читала и оставила Кусонскому. За книжкой идут представления о тех милых ручках, которые её держали, о тех милых глазках, которые в неё смотрели т.д. Словом, я чувствую себя недурно и благодарю Бога, что он послал такую спокойную и примитивную натуру, живущую настоящим днём и не задумывающуюся о завтрашнем дне, который может сулить всякие неприятности. А может быть, это вера в судьбу, которой всё равно не миновать.

Одна тяжёлая сторона во всей этой истории — это неизвестность вашего будущего. Трудно вам будет жить, не имея денег, и, дорогая Ленурка, надо теперь же начать приучать себя к сокращению. Я знаю, что ты никогда ничего лишнего на себя не тратила, но теперь придётся задуматься, как весь домашний обиход сократить. Между прочим, я недавно получил письмо от Алексея Петровича[17], он

просит сообщить адрес француженки, которая ходила к вам в Петрограде, очевидно С. А.; если вернётся в Петроград, хочет взять её к Шурику.

Печально очень, что со дня ареста я не имею ни одного письма. Очевидно, письма наши задерживаются, мне плохо представляется, чтобы за это время ты ни одного письма мне не написала. Сейчас заходил Кусонский, говорит, что пока всё идёт хорошо. Ты, мой дружок, не волнуйся и верь в нашу судьбу.

Как вы живёте в Сумах, что детишки, как Мишка сживается с новым корпусом? Крепко тебя, мою родную, целую. Поцелуй детей, маму. Христос с тобой.

Твой Ваня

7 сентября 1917 г. № 58

Милая и родная моя Ленурка, вот и ещё сутки прошли, как мы томимся в узнице, но пока, как я тебе писал, в этом ничего неприятного нет, за эти дни я отдохнул, отоспался. Единственно скверно, что я не имею писем ни от тебя и ни от кого вообще.

Позавчера у меня был Юрий[18], он опять вызван на своё прежнее место. Вещи все, которые мне в данное время не нужны, я просил его взять к себе и пока поберечь. Там у него будет два чемодана, ключи от которых Павел Алексеевич передал Софии Александровне[19], кровать и шашка. Вот, кажется, и всё. Вопрос с лошадью несколько сложнее. Ты бы спросила Веру Андреевну, не возьмёт она её себе. Лошадь хорошая. Тогда бы я попросил Юрия переправить её в Сумы или в Гуты.

Керенский пока здесь, но как распорядится с нами, ещё неизвестно. Кажется, решено поменьше шуму делать. Деникина, Маркова и Орлова, кажется, привезут сюда. Сейчас видел Марью Владимировну, она пришла к мужу. Говорит, что Марианна Павловна очень волнуется и плохо ведёт себя. Я говорю, что ты у меня более спокойная, но в душе не уверен. А главное, хоть бы строчка от вас.

Только что пришёл П.А. и сообщил, что нас переводят из Могилёва, но куда, вопрос ещё не решён. Должны перевести в один из ближайших пунктов, вроде Орши, Рогачёва, Рославля. Теперь начнутся мытарства.

Я сейчас читаю Тьера и думаю, как много общих картин, не дай только Бог, чтобы кровь так полилась, как тогда лилась.

Как то вы поживаете? Бедняга Плющик узнал о переезде и разволновался, но может быть, его отпустят до переезда. Ну, мой дружок, пока до свидания. Надо письмо отдать П.А. Христос с тобой. Поцелуй детей. Крепко тебя целую и маму.

Твой Ваня

9 сентября 1917 г. № 59

Родная моя Ленурка, ещё день заключения и, что хуже, ещё день без вестей от вас. Тюремщики нового режима, вероятно, хуже тюремщиков старого: прежде цензуровали, но письма отдавали, а теперь, видно, просто уничтожают. Новости у нас следующие: в ночь с 11 на 12 нас перевезут из Гомеля в станицу Быхов — это городок в 45 верстах от Могилёва по пути к Гомелю. Поместят нас там в женской гимназии. Помещение, кажется, недурное. Софья Михайловна Лукомская там была, искала для себя помещение, вполне одобряет наше помещение. Самое приятное — это что там имеется сад и, значит, будем гулять. Для себя С.М. тоже, говорит, нашла вполне подходящее помещение.

Завтра должны к нам привезти, если следственной комиссии удастся вызволить, Деникина с Марковым и Орловым. Плющика, как я писал, слава Богу, выпустили.

Да, Ленурка, всё было бы хорошо, если бы письма от тебя были, а то нет и нет. Эти тюремщики революционной демократии, очевидно, учитывают, чем больнее можно нас прищемить. Вчера послал Вере Андреевне телеграмму, чтобы она передала тебе просьбу телеграфировать о себе.

Ну вот, кажется, все мои новости. Как вы поживаете и как вам живётся в Сумах? Мне теперь остаётся жить воспоминаниями, что я и делаю. Конечно, в этих воспоминаниях главным действующим лицом являешься ты. Повторятся ли все те моменты счастливых дней минувших? Вероятно, нет. Уж молоды не будем. Теперь я начинаю сожалеть, что тогда я не был достаточно молод. Четырнадцать лет назад столько ярких мгновений прошло так неза-

метно. Ну, не стоит себя раздражать картинами того, что уже не вернётся.

Пока до свидания, милая Ленурка. Поцелуй маму и детишек. Крепко тебя, мою милую, целую. Христос с Тобой, моя родная.

Твой Ваня

9 ноября 1917 г.

Дорогая Ленурка, посылаю тебе 200 руб. Ехать тебе надо, потому что события идут с головокружительной быстротой и такого случая может тебе не представится. Тебе С.Л., вероятно, сообщил, что я тоже намечен к выпуску, но состоится ли это, не знаю. Не переговоришь ли ты с Букато, не даст ли он в случае, если мне понадобится, вестового какого-нибудь или, может быть, он разрешит оставить чемодан на его попечение. Орлов спрашивает, возьмёшь ли ты его чемодан? В получении денег дай расписку. Крепко тебя целую. Китель мой завтра принеси.

Твой Ваня

12 ноября 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, вот прошёл вчерашний день, первый без тебя, и было так скучно-скучно, но я думаю, привыкну. К сожалению, погода не содействует весёлому настроению: темно, тучи по небу ходят, и ветер завывает чисто по-осеннему, и хочется только спать. Ты, бедная, долго сидела на станции, по приехавшим сюда офицерам я мог заключить, что ты выехала не раньше семи часов. Сегодня, я думаю, что ты уже дома и Иринкино рождение справляешь вместе с детьми. Вот-то радость для них!

Вчера вернулся из Петрограда сын Эльснера и привёз освобождение отцу, Михаилу Ивановичу[20] и Будиловичу[21]. Они моментально испарились, и без них, естественно, стало ещё скучнее, ещё печальнее, но я рад за них: старик Эльснер совершенно изнервничался последние дни, ожидая освобождения.

Вести из Петрограда и с фронта очень скверные. Вожди большевиков, осознав свой провал, обдумывают свой по-

бег, но, к сожалению, успели уже нагадить в достаточной мере. На фронте начинается голод, и со дня на день надо ожидать голодных бунтов. Ввиду провала большевиков, наше здесь сидение опять откладывается на неопределённое время. Единственная женщина здесь осталась Ксения Васильевна.

Напиши, как ты доехала и как нашла всё дома, как поживают детишки и мамулик, вернулась ли тётя Вера? Ну, пока желаю тебе всего лучшего. Поцелуй детишек, маму. Привет Вере Андреевне. Христос с тобой.

Твой Ваня

14 ноября 1917 г.

Милая и дорогая Ленурка, вчера получил телеграмму, что ты благополучно доехала. Спасибо, милая, что не забыла прислать, теперь я буду чувствовать себя в известной мере спокойным. Теперь буду ждать писем; маминых пока не получал. Сегодня был Бей-Муред, говорит, нет писем. Сегодня и Ксения Васильевна уехала. Вчера отпустили Кислякова и Пронина, так что нас совсем мало осталось. Слава Богу, этот отъезд не был такой грустный, как предыдущий, т.к. и вчера, и сегодня дивная погода, ну а когда на небе солнышко, то и на душе веселее, и гулять можно. И вчера, и сегодня я гулял по два часа, что уже сравнительно давно не делал. Кисляков последние дни был грустен и уехал без особых восторгов; я ожидал, что он больше будет рад.

Новостей у нас никаких. Александр Сергеевич получил телеграмму, что дочь его вышла замуж, свадьба была в Киеве. Софья Михайловна на свадьбе, кажется, не была. Сегодня Ал. Серг. жарил сало, но это было далеко не так вкусно и весело, как бывало раньше.

Наезжают к нам понемногу из Могилёва, новости привозят все неважные. Власти нет, и мало надежды, что она когда-нибудь будет. Прапорщик Крыленко ездит по фронту, его хотя и не признают, как говорят, но, тем не менее, всюду пропускают, в Могилёве все ждут его приезда и волнуются, конечно.

Ну а как у вас дела, как ты доехала, в каком классе ехала и хорошо ли? Как нашла детей и как у тёти Веры дела: не пострадал ли московский дом[22], как в имениях — не от-

разились ли декреты о передаче всей земли земельным комитетам; говорила ли ты по вопросу, о котором в своё время писала?

Милая моя Ленурка, скучно без тебя, а с другой стороны, обстановка такова, что ни за один день нельзя поручиться. Хотя мне думается, что только в начале декабря выяснится обстановка и вырисуется что–либо реальное. Посылаю тебе письмо Марьи Владимировны, сам Плющик тоже пишет грустное письмо. Как его адрес, напиши. Ну, Христос с тобой. Крепко целую тебя, детишек и мамулика. Привет В.А. и Тоне.

Твой Ваня

17 ноября 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, сегодня получил первое письмо от 13 ноября, писем маминых к тебе мне не приносили. Спасибо тебе, родная моя, за письмо. Письмо это, признаюсь, подрасстроило меня. Расстроило известие о том, что все дамы[23] с семьями едут в Сумы и будут жить всю зиму в доме с вами; при этих условиях ваше проживание в доме, несомненно, их стеснит, вы явитесь неприятными, стеснительными приживальщиками. Если можно было думать, что для одной тёти вы не только не в тягость, а, может быть, даже утешение, то теперь условия сильно изменились, и в неприятную для вас сторону, а я, к сожалению, ничем не могу помочь, и эта мысль меня угнетает.

Ленка, какая же ты глупая, что пошла на вокзал пешком и не взяла с собой солдата, чтобы донёс тебе чемоданчик. Я думаю, тебе и Букато бы дал, и могла к нам позвонить, я бы попросил георгиевцев, и они дали бы тебе своего солдата. Что же это с Иринкой, что она так плохо выглядит, что доктор у неё находит и показывали её <ему>?

Мы здесь живём по–прежнему, как и при тебе, но, конечно, стало скучнее, т.к. народу меньше, да и отношения у нас с К.<Корниловым> несколько натянулись. У него шило сидит, а мы вчетвером ему дружную оппозицию составляем, он, естественно, недоволен нами, а мы им. Известия получаем из П. тоже неважные, так что как всё разрешится, Бог знает, будем надеяться на Него. Но надо признать-

ся, что когда такая печальная общая политическая конъюнктура, когда неважны семейные и денежные дела, и когда погода скверная, и тебя около нет, то скверно становится на душе.

Ну, Христос с тобой, моя родная, поцелуй мамулика, детишек. Привет тёте Вере, Тонечке и Ване. Между прочим, я, может быть, лошадь на этих днях пришлю, ты подготовь почву. Лошадь будет с седлом, со всей амуницией, с попоной, с недоуздком. Ну, пока всего хорошего. Кланяйся Ряснянской[24].

Твой Ваня

Говорила ли ты что-либо с Ваней?

23 ноября 1917 г.

Милая и дорогая Ленурка, доехали мы благополучно[25]. Вести, ожидавшиеся нами, мы действительно получили 21 утром, но на них никто не реагировал. Сейчас другие интересы и этим вопросом занимаются мало. От С.Н. получил посылку, спасибо тебе, милая, за неё, и поблагодари тётю и Ваню за неё.

Положение здесь пока неопределённое, и, очевидно, придётся пробираться дальше. Неопределённость этого вопроса угнетает меня в смысле получения вещей и переписки. Обидно покупать вещи, которые есть и не можешь получить. Если будет какая-либо оказия, дорогая моя, получить вещи из Петрограда — там два моих чемодана у Ляли и шашка, затем папаха — ты привези к себе. Затем мне очень нужен будет френч, который ты увезла с собой, если представится случай прислать его раньше, то ты это сделай. Адрес свой сообщу, как только где-либо прочно обоснуюсь. Не удивись, если получишь телеграмму с приглашением от Мар. Ип., возможно, что я к ней заеду. Старшая наша пара только что подъехала.

Ну как вы все поживаете, долго ли ты продолжала волноваться, я ужасно себя бранил, что решил тебя так волновать. Ну, пока до свидания, мой дружок, Христос с тобой, крепко тебя целую, скоро надеюсь поцеловать лично. Поцелуй детей, маму. Привет всем.

Твой Ваня

P.S. Извиняюсь, что я стащил мыло, и полотенце, и карту железнодорожную.

26 ноября 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, все мои компаньоны разъехались, я собирался уехать тоже с ними, но в последний момент ко мне пристали, чтобы я тут остался, и я, полагая, что уехать всегда успею, остался, т.к. мне представляется, что в случае приезда мужа Т. Вл. я могу быть небесполезным. Уехать я собирался с А.И. и С.Л., и последний остался очень недоволен моей здесь задержкой, хотя, с моей точки зрения, для них удобнее без меня, но, вероятно, тут действует стадность: «На миру и смерть красна!» Мне обидно было с ними разлучаться, но я повторяю, что уехать всегда успею, тем более что они поехали на перспективы совершенно неизвестные.

А.И., кажется, собирается воспользоваться предстоящими днями и произвести акт бракосочетания. Ну, давай ему Бог, вот на свадьбе его я не прочь был бы быть, т.к. я думаю, что для него каждый близкий человек в этот момент должен быть дорог. Мар.П. и Кс.В. пока здесь, В.Е. тоже. Живут в очень тяжёлых условиях, за две комнатки холодных и маленьких платят 200 руб. Тесно, готовить неудобно, Вера[26] всё время ворчит, С.Л. всё время, благодаря этому, был злой, как чёрт, — словом, картина беженцев. Я был у Р. <Ряснянского С.Н.>, взял посылку, которую ты мне отправила, и отвёз им, чем доставил большое удовольствие, особенно фруктами, которые, правда, очень вкусны. Я поместился, или вернее меня поместили, «прямо великолепно»: будуарчик у пары супругов[27], интеллигентных, симпатичных и достаточно богатых, ухаживают вовсю.

Купил себе статский костюм, и это удовольствие, дорогая Ленурка, мне стоило 700 руб. без пальто, и, конечно, всё это далеко не первосортное, но на вид в статском, говорят, я достаточно приличен. Что касается вопроса, который тебя, вероятно, очень интересует, относительно нашего свидания, пока положение неопределённое, я думаю, тебе не стоит ездить. Как определится, я телеграфирую на имя тёти, что можешь приезжать. Это, конечно, не зна-

чит, что ты должна обязательно ехать, но будет значить, что препятствий к такому решению нет. Я думаю, что положение выяснится дней через 7–10. Пиши мне пока по следующему адресу: Кавказская улица, д. № 60. Полковнику Владимиру Ильичу Сидорину для И.П. В случае если можно будет приехать и захочешь это сделать до того времени, я тебе ничего не сообщу, ты и приехать можешь к Сидорину, а он уже тебя соответственно направит. Затем, если тебе нужны деньги, то черкни, я тебе пришлю, много не могу, но рублей 500 смогу прислать.

Пришла ли лошадь и мои вещи? Было бы лестно их получить, но как это сделать, не знаю, если ты поедешь, то везти будет трудно столько вещей. Правда, мне пока многого не нужно. Спальный мешок не нужен, подушка, одеяла и постельное бельё тоже пока не нужны, но бельё носильное, затем несессер, чемодан или портплед очень нужны, но этот вопрос мы ещё как-нибудь обсудим. Рейтузы, шинель, френч и сапоги — это будет зависеть от того, можно ли будет появиться в воен. форме или лучше ходить в статском.

Получила ли ты первое моё письмо отсюда от 24 ноября? Я тебя прошу, когда ты получишь это письмо, протелеграфируй на Сидорина, что вы здоровы и письма получаете. Это меня успокоит, что ты письма получаешь.

Ну как ты поживаешь, моя голубка, как дети и мамулик, как дела у В.А., всё ли у них благополучно? Храни тебя Бог, моя дорогая, крепко целую. Поцелуй детишек и мамулика.

Твой Ваня.

P.S. Между прочим, сообщи, прислал ли Букатый книги, я их там бросил, а, между прочим, там книги Трубецкого[28].

29 ноября 1917 г.

Милая и дорогая Ленурка, пишу тебе отсюда третье письмо, но не уверен, что они до тебя доходят, т.к. под Ростовом идут бои и этот нормальный путь движения корреспонденции закрыт. Во втором письме я тебе писал, чтобы ты писала письма на имя полковника Владимира Ильича Сидорина для И.П., а он будет их мне пересылать. Адрес

его: ул. Кавказская, д.60. Также просил тебя в том же письме, что когда ты получишь письмо, чтобы ты телеграфировала о благополучии и получении письма — тоже на имя Сидорина.

Приехал Сер. Ник., просил от твоего имени, чтобы я протелеграфировал, но я этого не стал делать, т.к. мною была послана телеграмма срочная 24-го, т.е. в день его отъезда. Наши все разъехались, остался я один, папа[19] ещё не приезжал. Настроение здесь ввиду событий, происходящих под Ростовом, крайне тревожное: Ленин объявил войну Каледину, как поведут себя казаки, Бог знает. Здесь много приезжих, в них во всех проявляется обычная славянская черта разбиваться на партии и вести борьбу между собой. Но всех этих приезжих положение вполне зависит от той позиции, которую займут казаки, а они вообще предпочитают нейтральные позиции.

Сегодня заходил к М.И.[30] и видел его супругу. Вполне с тобой согласен, на редкость неприятное лицо, но дама, вероятно, умная и самостоятельная. Сегодня думаю пройти к Мар. Павл.

Как ты, мой дружок, поживаешь, как детишки? Не находишь ты, что слишком осторожно со мной обошлась? Крепко тебя целую, мою родную, поцелуй детишек, мамулика, тётю Веру, Ваню. Пришли ли лошадь и вещи? Христос с тобой.

Твой Ваня

30 ноября 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, зашёл к Роженко, встретил там Сергея Николаевича, он сообщил мне, что у него сегодня оказия в Сумы, вот я и решил тебе черкнуть. Я тебе уже написал три письма, из которых, если ты их получила, ты должна знать, что я доехал благополучно и что устроился великолепно в тихом семействе, состоящем из пары супругов, ухаживающих за мной вовсю. Принимая во внимание, что супруги имеют хорошие средства, очень хорошо едят, имеют превосходную квартиру со всеми удобствами, ты можешь понять моё благополучие. Совестно только, что денег не берут, приходится отыгрываться подарками, но это всё-таки не очень удобно.

Сер. Леон., Ант. Ив. и Ал. Сер., оставшись недовольны здешним климатом, уехали, дамы первых двух помещаются здесь и ждут выезда.

Ленурка, эта самая оказия, которая привезёт письмо, может быть, согласится взять маленькую посылочку, тогда ты пришли мне следующие вещи: белья — рубашек белых с мягкими воротниками, которые можно носить при статском, затем кальсон пары три, носков, полотенец и платков носовых. Затем пришли несессер, и бритвенный жилет, и туфли ночные. Это мне наиболее необходимо. Всё это, конечно, можно сделать, если вещи пришли, в чём я не уверен.

Ты, вероятно, знаешь, что тут идёт война, чем она кончится Бог знает. Пишу в чужом доме и поэтому не могу сосредоточиться, ты на меня не сердись, что письмо рассеянное. Скучаю без тебя, Ленурка, но, пока тут положение не выяснилось, вызывать боюсь, т.к. боюсь, что, м. быть, придётся и отсюда удирать. Крепко тебя, мою родную, целую, поцелуй детишек, маму, тётю Веру. Тоне и Ване мой привет. Христос с Тобой.

Твой Ваня

3 декабря 1917 г.

Милый и дорогой мой Ленурок, пишу тебе, кажется, пятое письмо отсюда, от тебя пока ни писем, ни телеграммы не имею. Из газет ты, вероятно, знаешь уже хорошие новости для здешних мест: казаки овладели Ростовом; таким образом, большевики пока здесь провалились. Это хорошее начало, которое, вероятно, предопределит позицию собравшегося здесь Круга и, в дальнейшем, линию поведения казаков, ну а вместе с тем определит и возможность твоего приезда, если бы ты этого захотела. Словом, с этой стороны дело идёт хорошо.

Вот как и где нам поместиться в случае твоего приезда, это будет вопрос более сложный, т.к. квартиру здесь найти очень трудно, а вдвоём нам поместиться в той квартире, в которой я теперь, невозможно. Хорошо бы тебя, мою дорогую, крепко обнять и расцеловать, но пока надо терпеть и ждать.

Сегодня был у Таис. Влад., она очень волнуется о муже, никаких известий от которого не получает. Между про-

чим, Ленурка, когда получишь мои вещи, то ты из кителя вынь, что там в карманах, мне нужна записная книжка, карандаш. Затем, не напишешь ли ты Мар. Ип., если она в Екатеринодаре, и не выяснишь ли, возможно ли там жить, есть ли квартиры?

Из вещей, которые в Петрограде, мне особенно лестно было бы получить оружие: шашку и два револьвера (они в чемодане). Отослала ли ты деньги Юрию[31]? Тебе, вероятно, Ляля писала об их происхождении, и это она, Ляля, просила выслать 100 руб., а он уже от себя, очевидно, решил послать 300 руб. Не нужно ли тебе денег? Я тебе уже писал, что много послать не могу, но рублей 500 могу прислать.

Как вы поживаете, как себя чувствуют детишки? Крепко тебя целую, мою ненаглядную Ленурку. Поцелуй детей и мамулика. Мой привет всем.

Твой Ваня

8 декабря 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, последние дни так замотался, что совсем перестал писать тебе, а кроме того, боюсь, что те письма, которые пишу тебе, не доходят до тебя, т.к. гражданская война мешает и цензуруют, вероятно. По крайней мере, от тебя я не имею ни писем, ни телеграммы, которую я просил отправить тебя. Скучно без тебя, мой дружок, но пока положение неопределённое, всё боюсь тебя вызывать, да и с квартирным вопросом дела неважно обстоят. Кс. Вас. уехала отсюда к Ант. Ив., Мар. Павл. пока осталась здесь. Третьего дня приехал наш киргизёнок[32], усталый, измученный, пока отдыхает.

Как здесь всё сложится, трудно сказать, я пока играю совершенно несвойственную мне роль дипломата, боюсь, что на этом поприще провалюсь. Эти дни своей личной жизни как-то совсем у меня не было, исключая моменты перед сном, когда я закрываю глаза и представляю себе тебя. Да хотелось бы тебя повидать.

Из Петр. новости идут самые странные, что якобы немцы с Троцким восстанавливают Романовых в лице Алексея с регентами Павлом Александровичем и Генрихом Прусским. Я всё думаю, что неужели мы так пали, что и это перенесём и с этим позором примиримся. Ужас.

Имеете ли вы письма от Ляли? Напиши, как вы поживаете, как чувствуют себя детишки и мамулик. Ужасно печально, вот уже полмесяца не имею от тебя никаких вестей. Ну, пока до свидания, моя дорогая, крепко тебя целую. Христос с тобой. Поцелуй детишек и маму.

Твой Ваня

11 декабря 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, получил первое твоё письмо, посланное с оказией, других писем не получал, да оказывается, неудивительно, т.к. ты не знаешь, куда писать. Что со мной сделалось, понять не могу. По-моему, в моём письме, которое я тебе послал с оказией, был повторён адрес, т.к. я учитывал возможность неполучения тобой первых писем и нарочно решил повторить адрес. Как я этого не сделал, прямо-таки понять не могу. Адрес, на который я тебя просил писать, такой: Кавказская улица, дом № 60, полковнику Влад. Ильичу Сидорину.

Затем второй вопрос о твоём приезде сюда. Милая моя детка, я, конечно, тоже очень хотел бы поскорее тебя повидать и вопрос с квартирой мог бы быть до известной степени разрешён, т.к. моя хозяйка приглашает <тебя> к ним приехать, но я, откровенно говоря, боюсь. Там, в Сумах, ты хорошо устроена, а ведь ты знаешь, что казакам объявлена война, и как эта война разыграется, неизвестно: были бои у Ростова, окончившиеся пока поражением большевиков, но теперь началось наступление от Воронежа. Пока через Ростов как будто проехать можно, но за завтрашний день ручаться нельзя. Ты знаешь, приехала сюда С.М., и в Ростове попала в осаду, и лишилась всех вещей: вырезали чемодан и всё покрали.

Очень ты меня огорчила относительно моих вещей, ведь, если пропадут лошадь и вещи, по нынешним временам это целый капитал. Сейчас я ботинки купил за 175 руб. и через неделю пришлось их чинить, а там у меня новые сапоги. Если бы можно было даже кого-нибудь послать за вещами, то выгоднее было бы эту поездку оплатить.

Если ты вздумаешь все-таки приехать, то телеграфируй и приезжай по следующему адресу: Комитетская, 74, квартира пр. Копылова, Рыкачёву[33]. Впрочем, телеграмму

можно прямо на имя Копылова послать. Каракулевое пальто может стеснить только в дороге, а здесь тебе обязательно его нужно, т.к. январь и конец декабря, говорят, бывают суровые. Если поедешь, то обязательно попроси провожатого, хотя бы до Ростова. Бельё и вещи ты напрасно покупала, т.к. ведь и я мог бы купить сам. Хозяева мои, кажется, на праздники думают уехать в Киев.

Я тебе писал, что последнее время занимался политикой, соглашательствовал и старался примирить Ал.<Алексеева> и Л.Г.<Корнилова>; кажется, это удалось.

Милая моя Ленурка, крепко тебя целую. С.М. вызвала супруга сюда, я вызвал остальных, М.П. и не уезжала отсюда. Христос с тобой, поцелуй детей, маму и Тонечку.

Твой Ваня

12 декабря 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, тяжело жить и без тебя, и без всяких сведений о вас. Единственное письмо, которое я получил, — это посланное с оказией, спасибо и за то. Вчера я послал тебе письмо с офицером, который должен бросить его в Ростове, но как-то всегда опасаешься, что провозит у себя в кармане, а то и совсем не бросит. Писать я тебя просил на имя полк. Владимира Ильича Сидорина, адрес его: Кавказская, 60, для И.П.

Написал тебе вчера, что если ты не боишься и очень хочешь, то можешь приехать, причём приезжай на Комитетскую ул., 74, кв. проф. Копылова. Конечно, ты не сомневаешься, что видеть тебя я очень хочу, но побаивался тебя выписывать, да и квартирный вопрос меня очень смущает, т.к. трудно что-либо найти, а мои хозяева не хотят брать деньги. Смущает меня очень вопрос о вещах; неужели лошадь и все вещи пропали, ведь при наших затруднённых денежных условиях это целый погром. Во всяком случае, если вещи не пришли и ты всё-таки поедешь, то привези мне хотя бы френч, а то я боюсь, что мой костюм статский ненадёжен.

Как вы все поживаете? Я иногда подумываю, не приехать ли мне к вам на день — на два. Ты когда поедешь, телеграфируй о времени отъезда Копылову. Я уже тебе писал, что С.М. здесь, по дороге, бедная, лишилась всех

Генерал А.И. Деникин

Генерал С.Л. Марков

Полковник С.Н. Ряснянский

Генерал Л.Г. Корнилов

своих вещей, всё выкрали из чемодана, который она сдала только на 15 минут на хранение на вокзале.

Ну, мой дружок, пока всего хорошего. Храни тебя Бог, крепко целую. Поцелуй детишек, маму. Привет всем.

Твой Ваня

15 декабря 1917 г.

Милый и дорогой мой Ленурок, жить без писем невообразимо скучно, не знаешь, получаешь ли ты от меня письма, не знаешь даже, живы ли вы все или нет. В двух последних письмах я написал тебе, чтобы ты приезжала, если очень хочешь и не боишься дороги. Хозяева мои готовы тебя принять на некоторое время. Самое страшное -- это, конечно, дорога, как ты поедешь. Ну и затем смущает меня взять тебя от детей на праздники. Решай, словом, сама как знаешь. Конечно, я тебе всегда рад. Приехали ли мои вещи и лошадь? Неужели всё это погибло?

Что касается меня, то здесь я, мне кажется, известную пользу принёс, но теперь начинаю огорчаться: настолько плохо мы, русские, можем работать, настолько много личных самолюбий, каждый хочет играть роль, каждый старается для себя и очень мало кто думает об общем деле. Грустно, Ленурок, принадлежать к народу погибающему; народ-то, конечно, не погибнет, но государство Российское, пожалуй, уже погибло. Верить не хочется, что не найдётся у нас патриотизма спасти Россию, а между тем, когда сталкиваешься с людьми, то закрадывается сомнение.

Как ты, моё сокровище, поживаешь, как детишки, всё ли у вас благополучно? Моментами у меня мелькает желание приехать на день — на два к вам, но храбрости не хватает. Что вы имеете от Ляли, не умерла ли она с голоду ещё? Пока до свидания, моя дорогая, крепко тебя целую. Поцелуй детишек, маму. Привет всем. Христос с тобой.

Твой Ваня

17 декабря 1917 г.

Милая и дорогая Ленурка, видел сегодня Сергея Николаевича, и он мне говорил, что посылает письмо с оказией

и вызывает Марианну Васильевну[34]. Я уже отправил несколько писем, в которых писал тебе, что вопрос с квартирой до известной степени разрешился, т.к. хозяева мои готовы принять тебя в качестве гостьи на некоторое время; значит, первые дни обеспечены, а там, может быть, что–либо и найдём. Конечно, ты не сомневаешься, что я тебя жажду видеть, но боюсь определённо тебя вызывать, т.к. политическая обстановка такова, что не позволяет быть уверенным в завтрашнем дне и не даёт уверенности, что ты доедешь благополучно. Но если бы ты всё–таки решилась ехать и посланный сообщил, что беспрепятственный проезд возможен, то конечно приезжай с Мар. Вас. Приезжай прямо ко мне, а я помещаюсь на Комитетской ул., 74 в кв. проф. Копылова. О выезде телеграфируй Копылову. Одна ни в коем случае не поезжай, потому что трудно справляться одной с вещами.

Для писем я тебе давал адрес на полковника Влад. Ильича Сидорина, Кавказская ул., 60, но, видимо, ты ни одного моего письма не получила, т.к. ты мне ничего не ответила до сего времени. Я был уверен, что этот адрес я поместил в том письме, которое я послал тебе прошлый раз с посыльным, но очевидно, я это только думал сделать, но не сделал.

Сейчас почти все съехались, приехали Ал. Сер. и Сер. Леон., сегодня или завтра приедет Ант. Ив. Он поженился и приедет уже с женой. Что С.М. приехала, я тебе уже писал, она, бедная, попала в Ростов во время происходивших там событий, на пятнадцать минут сдала чемодан на хранение и лишилась всех вещей: из одного чемодана замок вырезали и всё выкрали, из другого вырезали бок. Если ты мои вещи получила, то было бы очень хорошо, если бы ты привезла мои вещи, чтобы я мог в форму одеться.

Как ты поживаешь, как детишки? Крепко тебя, мою родную, целую, а уж как расцелую... Поцелуй мамулика и детей. Привет всем.

Твой Ваня

22 декабря 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, наконец–то я получил первое твоё письмо по почте, рад ему чрезвычайно. Перед

ним Марков мне привёз письмо, полотенца два. Неужели все мои вещи и лошадь безвозвратно погибли? Ленурка, теперь всё настолько дорого, что есть расчёт послать человека в Быхов и оплатить его <поездку>, но вещи и лошадь вызволить. А покупать мне ничего не стоит, ведь я тут могу всё купить и деньги у меня есть, так что если тебе надо, то я пришлю. Что касается таких вещей, как полотенца, то мне определённо их не надо, т.к. хозяева снабжают меня всем.

Совсем упустил поздравить тебя с праздниками, ведь послезавтра они наступают. Поздравь за меня маму, детишек, тётю Веру и Тонечку. Желаю, чтобы ваш спектакль удался. Из того, что ты пишешь об участии внуков тёти Веры в спектакле, я понял, что дети без мамаш живут в Сумах и, по-видимому, ожидаются мамаши. Что касается направления твоего движения на Рождество, я бы предпочёл, чтобы ты приехала ко мне, а не в деревню, но, к сожалению, это вряд ли осуществится, т.к., по-видимому, на всех путях, нас соединяющих, идут бои, разбираются пути и ехать далеко не безопасно.

Что касается моей пристроенности к делу, то я болтаюсь при деле как будто, во всяком случае, верчусь, насколько продуктивно, не знаю. Дипломатическая моя миссия, слава Богу, закончилась успешно. Но ты совсем превратного обо мне мнения: именно без дела я бы себя превесело бы чувствовал, ухаживал бы за дамами и лучше бы ничего не делал, с особенным бы удовольствием поухаживал бы за одной дамой, да нет её здесь, к сожалению. Ну, Христос с тобой, моя дорогая дама. Поцелуй детей и маму. Всем привет.

Твой Ваня

29 декабря 1917 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, только что получил твою телеграмму от 27-го. Спасибо тебе, моя родная, это все-таки утешение, писем я не получаю. Поздравляю тебя с Новым Годом и от всей души желаю тебе в этом новом году больше счастья, чем в старом. Старый год я провожаю с тяжёлым чувством. Боюсь, что последние надежды рухнут, т.к. приходится убеждаться, что по всем частям мы

плохи. Меньше всех мы имеем право обвинять ту тёмную массу, которая губит Россию по темноте, по неразумию; что с них взять, ведь их держали во тьме. Но выше, ведь и выше не лучше. Как мало идейных людей, как мало даже добросовестных людей: все думают о своей шкуре, пьянствуют, развратничают!

Не лучше и на верхах. Я писал тебе, что всё время занимался дипломатией, всё склеивал то, что расползалось. Раза два уже впечатление было: ну вот наконец склеил. Смотришь — и опять разъехалось. И сейчас, кажется, опять расползается. Давно у меня уже закрадывалось сомнение относительно нашего приятеля, не доминирует ли у него над всем честолюбие, и теперь я прихожу к убеждению, что это так. Но и это было бы полбеды, всё в своё время придёт, но, к сожалению, честолюбие такое, которое не хочет ни с чем считаться, не хочет считаться с тем, что раз он прогорел и растратил своё состояние, что теперь надо бросить замашки миллионера и некоторое время посвятить накоплению состояния и при этих условиях быть иногда скромным и, может быть, занимать не первое место. И ты понимаешь, что я начинаю терять спокойствие, когда вижу, что в вопросах, когда сталкиваются интересы Родины и личные, последние доминируют.

Вторая неприятность в том, что влез этот поганец, автор «Бледного коня»[35]. Помимо того, что он поганец, он умный и твёрдый человек и при этих данных и при большой очень выдержке заберёт всё в руки. Его появление, конечно, создало для многих обстановку едва переносимую и, прежде всего, для нашего честного и прямого Антона Ивановича. Я всячески убеждаю <его>, что из-за одного <этого> появления уходить без борьбы нельзя. Но боюсь, что тут у меня ещё большой противник в виде супруги, которая, как мы и предсказывали, точит его. Они отвратительно устроились, и вот достаточные данные для того, чтобы пилить: зачем ты приехал, тебе здесь делать нечего, живём мы как собаки и т.д. и т.д. Ал. Сер. тоже вопрос, кажется, разрешает больше с точки зрения благополучия.

Так что, как видишь, обстановка невесёлая. Ну а кроме того, и тебя здесь нет, и писем от вас нет — всё это усугуб-

ляет мрачное настроение, и иногда доходишь до того, что, если бы не было совестно, бросил бы всё и ушёл.

Как вы поживаете, мои дорогие? Как детишки, где вы проводили время на Рождестве: в Сумах или деревне? Крепко тебя целую, поцелуй детишек, маму, привет всем. Христос с тобой.

Твой Ваня

2 января 1918 г.

Дорогая моя Ленурка, ты на меня в претензии, вероятно, что редко пишу. Не сердись, родная, уж очень я мотаюсь и совсем нет времени. Это во-первых, а во-вторых, что письма совсем не ходят, обидно писать для того, чтобы они какому-либо любознательному читателю попадали или в печку. С твоими письмами тоже неладно: и ходят плохо, а помимо того, когда доходят, то плохо попадают. Вот уже дня два-три, как пришло от тебя письмо, а ко мне попасть не может. Ужасно обидно. Пиши мне по тому адресу, как я тебя просил телеграфировать:Комитетская, 74, Алексею Алексеевичу Копылову для меня. Вчера поехал в Харьков и к вам в Сумы Чунихин, но я не мог, к сожалению, успеть написать письма.

Милая моя Ленурка, когда то я тебя увижу? Измотался я за это время, и иногда хотелось бы иметь опору своей старости, но, к сожалению, большевики не дают надежды на то, что скоро это произойдёт, пути все, кажется, заняты ими.

Как вы встретили и провели праздники, как детишки, как ваш спектакль? Были ли в деревне? Ну, крепко тебя целую, мою родную, поцелуй детишек и маму.

Твой Ваня

5 января 1918 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, вот и праздники прошли, а мы с тобой так и не повидались, и когда удастся повидаться, одному Богу известно. От тебя имею последнее письмо от 22 декабря, за период с 11 по 22 декабря ни одного письма не получил, хотя, очевидно, ты их писала. Всё это, да и все здешние настроения, конечно, веселью не со-

действуют, так что у меня на душе, очевидно, так же невесело, как и у тебя. Несомненно, если бы наши души соединились, то нам бы стало веселее.

Ну как вы провели праздники, как ёлка детям понравилась, как довольны подарками остались? Откуда ты Ваню ждала, что надеялась, что он привезёт тебе известия? Что вы сыты и в тепле находитесь, этому действительно надо радоваться и за это благодарить Бога, так как сейчас можно быть совсем на улице. Что Лялька делает и как она питается? Я тебе писал, что здесь был Гедройц[36] и говорил про своих, что они благополучно пребывают в Щиграх. Повидать тебя я, вероятно, не менее хочу, чем ты меня. Да что-то из наших желаний ничего не выходит.

Ленурка, что же мои вещи пропали или пан Букатый их прислал? Мой статский семисотрублёвый костюм ещё не более как на месяц хватит. Был у меня тут Митя проездом из Новороссийска в Смоленск. Поехал вещи и лошадей перевозить. Маруся с детьми в Новороссийске. В Геленджике купили себе дачу с фруктовым садом, куда и собираются перебраться. Теперь жду Чунихина, надеюсь, что он что-нибудь от тебя привезёт.

Ну, мой дорогой дружочек, крепко тебя целую. Христос с тобой. Поцелуй детей, маму. Привет тёте и Тонечке.

Твой Ваня

P.S. Сергей Николаевич, не имея известий от Мар. Вас., тоже волнуется.

16 января 1918 г.

Родная моя Ленурка, кончились мои буржуйные дни, уехал я от Копыловых в Ростов, провожали они меня прямо как родного. Бывают же такие люди — мало того, что ухаживали вовсю, когда я у них жил, ни за что не взяли <денег>, но когда я уезжал, m-me Копылова собирала меня так же, как ты бы, вероятно, собирала. Приехал сюда, попал на холостое положение и очень скверное, т.к. своего белья постельного нет, казённое уж очень плохо, в кровати клопы, прислуги нет и т.д. и т.д.

Приехал сюда и вот за три дня еле-еле мог взять перо в руки, чтобы тебе написать, да и то уже спать хочется. Всё

думаю, как нам дальше переписываться. Я думаю, пока ты пиши: Ростов, почтово–телеграфное отделение, И.Б. Рыкачёву до востребования. Хотя должен сказать, что в Ростове я лучше получаю письма, чем прежде. Сегодня мне привезли четыре твоих письма и мамину открытку: твои старые от 9 дек., 27 и 30 дек. и от 3 янв. Мамина открытка от 8 янв. От 8 января я имею от тебя письмо через посланного. Всё думаю, не удастся ли мне к тебе как–нибудь проехать, хотя сейчас надо подождать, т.к. идут бои под Таганрогом.

Очень рад за тебя, что у тебя так удачно сошёл спектакль. Всё думаю, как переправить вам деньги. Пойду спать. Крепко тебя целую, поцелуй детишек и маму.

Твой Ваня

P.S. Здесь был Павел Алексеевич и говорил, что видел Ваню, который не мог реализовать чек. Т.к. этот вопрос очень важный, то ты скажи, что здесь можно будет получить по чеку, если он будет дан на Ростовский, а ещё лучше на Екатеринодарский банк, но лучше чека, если будет выслан вексель, данный кем–либо из крупных и кредитоспособных лиц и акцептированный таким же лицом. Такой вексель будет здесь учтён. Это письмо привезёт тебе офицер, которого я лично не знаю, так что отправлять лучше со своим верным человеком или об этом офицере узнав в Харькове.

23 января 1918 г.

Дорогая моя Ленурка, и поезда не ходят, и времени нет, и настроение отвратительное — в результате всего этого я и не пишу тебе. Ты, моя дорогая, усмотришь из всего этого, что я разлюбил тебя. Нет, не разлюбил, наоборот: когда всё рушится кругом, то ты становишься ещё дороже, но я просто устал, и потому у меня, вероятно, нет и должной экспрессии. Кроме того, все почти письма, как и это, например, приходится писать наспех при ожидании того лица, с которым посылаешь, и в результате торопишься и ничего путём не напишешь.

Положение наше неважное: больше надежды на милость Божию. И вот прошёл слух, что Константинополь[37]

взят союзным флотом. Сегодня этот слух подтверждается. Если это так, то, конечно, мы воскреснем. Главная гадость, что настроение неважное. Ну это пустяки.

Как вы, мои дорогие, поживаете? Как дети, как мама, как ведут себя ваши большевики, пострадала ли тётя? Крепко тебя, мою родную, целую. Христос с тобой.

Твой Ваня

27 января 1918 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, вероятно, у тебя впечатление, что у тебя муж без вести пропал. Редко я тебе пишу, да, вероятно, и те редкие письма, которые я тебе пишу, до тебя не доходят. Относительно получения мною писем положение не лучше: последнее твоё письмо у меня от 8 января, но, слава Богу, вчера был офицер, который передал поклон от Вани и от него же сообщил, что вы живы и здоровы и пока в безопасности. Конечно, я благодарю Бога и за такие известия, хотя иногда как хочется с тобой побеседовать. Письма хотя не вполне, но отчасти возмещали недочёт личного свидания. Что тебя здесь нет, при всём моём желании видеть тебя, мою ненаглядную, я рад, т.к. обстановка складывается всё тяжелее и тяжелее, нельзя поручиться за завтрашний день и весьма возможно, что этот завтрашний день погонит куда-нибудь дальше, если не совсем далеко.

Да, я так несказанно благодарен тёте за то, что она пригрела вас: этой тяготы обязательств перед детьми нет, и душа спокойна, что они обуты, одеты и не только сыты физически, но и сыты духовно. Дай ей Бог здоровья. А как с Мишей разрешился вопрос, где и как он учится? Беспокоит меня очень вопрос с деньгами, что вам нужны деньги, а как их переслать, не знаю. Боюсь, что, послав по почте, я и вам ничего не дам, и себе уменьшу.

Положение здесь, как ты, вероятно, из газет знаешь, неважное. Казаков не миновала та же зараза большевизма, которая север погубила, и здесь всё меньше и меньше незараженных мест, а большевицкие части всё ближе и ближе, и надо думать, что той маленькой горсточке, которая собралась спасать Россию, придётся исчезать отсюда. Конечно, исчезнуть самому — это нетрудно, но когда на

плечах несёшь обязательства перед массой юнцов, то положение становится много хуже. И вот, дорогая Ленурка, заколдованный круг: с одной стороны, чувствуешь, что не настал ещё час отрезвления, а с другой стороны, стыдно сейчас сидеть сложа руки, когда Россия гибнет.

Ну, мой милый Ленурок, на сегодняшний день достаточно тебе напел грустных мотивов, так как вероятно, придётся ждать оказии для отправки этого письма, то, если удастся, продолжу его ещё в следующие дни.

Да придут ли к нам ещё золотые дни счастья или придут тогда, когда состаришься и душой, и телом и будешь жить только воспоминаниями? Я и теперь уже чувствую эту старость: во-первых, устал, иногда хочется просто только покоя и отдыха, а затем чаще и чаще начинаешь обращаться к воспоминаниям. Вспоминаются наши первые дни, Крым и становится жалко, что это уже ушло и не повторится; если бы можно было это повторить, то мы бы ярче пережили. Но во всём есть своя мудрость; может быть, и в этом есть она.

Пока до свидания, дорогая моя, поцелуй детей, маму. Христос с тобой. Письмо это даю Мите, который едет к себе, с тем, чтобы он бросил его где-нибудь.

Твой Ваня

22 февраля 1918 г.

Дорогое моё сокровище, давно я тебе не писал и давно от тебя никаких вестей не имею. Единственная причина — это перерыв всяких сообщений с областью. Живы ли вы, здоровы ли вы, что делается у вас? Все такие вопросы, на которые безумно жаждешь ответа и не знаешь, когда получишь. Это письмо посылаю наудачу, что, м. быть, его бросят в районе, где почта действует. Если будешь писать, то пиши на Николая Митрофановича <Успенского>, может быть, я у него в ближайшее время побываю.

Что касается меня, то я жив, здоров, что на душе, ты сама можешь представить себе. Безумно хочется тебя поскорее увидеть и расцеловать. А пока целую заочно и желаю спокойной ночи. Поцелуй детишек и маму.

Твой Ваня

1 мая 1918 г.
Ст. Мечетинская

Милая и дорогая моя Ленурка, вероятно, не получая в течение 3–х месяцев от меня вестей, ты уже считала меня без вести пропавшим и, вероятно, собиралась вновь выходить замуж, но я вновь объявился и пользуюсь случаем поездки маленького Ряснянского, чтобы дать о себе знать.

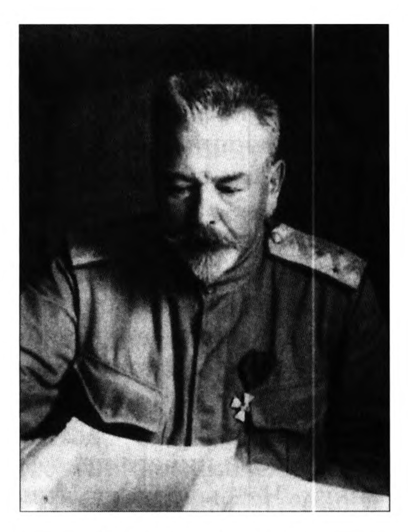
Ты знаешь, что в начале января мы перешли из Новочеркасска в Ростов, но в Ростове недолго пришлось пробыть, и 9 февраля мы принуждены были покинуть Ростов. При этом т.к. Лукомский дипломатично сбежал, то я оказался в роли начальника штаба. Должность эта, по правде сказать, меня очень тяготила: во–первых, в тяжёлое время большая нравственная ответственность возлагалась с этой должностью, а во–вторых, и отношения с Корниловым утратили ту дружественность, которая была раньше: он стал очень подозрителен на почве неладов его с ген. Алексеевым. Когда он явно оказывался несправедливым, у нас происходили немые размолвки, и он настораживался, видимо, против меня.

Ушли мы из Ростова в задонские станицы, и там перед нами стал вопрос, что делать и куда идти. Большинство, вопреки моим настояниям, признавало необходимым идти в Екатеринодар, я советовал выждать в Донской области, т.к. обстановка на Кубани нам абсолютно не была известна и я не очень верил в нашу способность совершить этот поход. Во втором пункте я оказался неправ, и Добровольческая Армия блестяще совершила поход, по первому пункту мои предположения оправдались.

До 4 марта у нас дело шло великолепно. Мы шли кратчайшей дорогой к Екатеринодару, за поход сплотились, организовались, пять боёв, бывших до этого дня, закончились бесспорными и сравнительно лёгкими нашими успехами. 4 марта был опять бой у ст. Кореновской, это станций за пять от Екатеринодара. Бой кончился успешно, но вести его пришлось в тяжёлых условиях против больших сил, большой артиллерии, бронированных поездов; некоторые части, в том числе полк Маркова, понесли большие потери, и здесь узнали, что Екатеринодар оставлен Кубанским правительством. Корнилов, поддавшись впечатлительности Маркова, решил изменить маршрут движения и не идти прямо на

И.П. Романовский и И.А. Деникин на параде в Харькове 22 июня 1919 г.

Генерал-лейтенант А.С. Лукомский, председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР

Чествование текинцами «быховских узников». 20 ноября 1919 г. Сидят слева направо: С.Н. Ряснянский, И.П. Романовский, А.И. Деникин, Е.Ф. Эльснер, Ю.Н. Плющевский-Плющик

Екатеринодар, а свернуть на Кубань на соединение с кубанскими войсками, отошедшими за Кубань. И вот при этом движении мы попали в осиное гнездо: каждый день приходилось идти с боем, каждый день мы били большевиков, но на следующий день оказывались новые, при этом драться приходилось на все четыре стороны.

Поход был неимоверно трудный: каждый день драка, спать приходилось мало; обозы пришлось побросать, частью они сами сокращались. Так, в один прекрасный день за повозкой Корнилова, где лежали и мои вещи, недосмотрели, и возница-австриец, военнопленный, очевидно, решил уехать к большевикам и я остался с одной сменой белья; большинство в таком положении было уже раньше. Всё это происходило в местах чрезвычайно глухих, где приобрести ничего невозможно, где связей с Россией никаких. Но выдерживали всё это добровольцы стоически, поход этот прямо легендарный.

Один день, 15 марта, я, вероятно, никогда не забуду. Выступили мы рано утром, с утра шёл дождь с ветром, реки, ручьи разлились, приходилось идти в воде выше колена. Затем ветер постепенно начал холодать, вместо дождя пошла крупа, а затем уже со студёным ветром, под вечер мы подошли к реке, за которой были большевики, река оказалась вздувшейся, один мост снесённым, другой затопленным, и вот переправляться пришлось вброд выше брюха лошади под огнём противника. Переправа затянулась до полуночи. Все обмёрзли, вместо верхней одежды на всех были обледенелые короба, лошади от тяжёлой дороги и обмерзания падали в громадном количестве, люди же, несмотря на то что в рядах наших масса мальчишек, выдерживали. Большевики, окажи они тут немножко больше упорства, нас могли окончательно заморозить, но здесь, благодаря энергии Маркова, мы вышли победителями и ночь спали под крышей, хотя, когда мы с Корниловым входили под крышу станичного управления, через заднюю дверь большевистский штаб удирал — это была ст. Ново-Дмитриевская. В это время мы соединились и с Кубанским отрядом.

После 15 марта в течение нескольких дней мы были в состоянии полной неспособности что-либо предпринять, а затем, когда лошади несколько оправились, опять возник вопрос, что делать. Решили идти на Екатеринодар, но

перед этим приходилось выдержать несколько боёв и переправиться через Кубань. Вот у меня никогда не было предчувствий, но 24 марта у нас должен был быть бой под ст. Георгие-Афипской — это третья станция от Екатеринодара на Новороссийск. И вот 23 марта у меня самое хорошее предчувствие относительно предстоящего боя, он хорошо был задуман, а в это же время совершенно определённое щемящее ощущение относительно себя лично, что этот бой для меня будет неблагополучен, и, ты знаешь, на следующий день как гора с плеч свалилась, когда пуля чиркнула мне по ноге, пробив только мякоть.

26 марта мы переправились через Кубань и начали наступление на Екатеринодар сначала хорошо, но затем враги наши усилились, мы же, благодаря огромному обозу (все приходилось возить с собой), сразу переправить всё не могли. У противника оказалась громадная артиллерия и неисчислимое количество снарядов, наши боевые припасы были на исходе. 30-го уже выяснилось, что мы Екатеринодара не возьмём, но вместе с тем ясно было, что с отказом нашим от Екатеринодара мы без патронов, с огромным числом раненых проигрываем дело окончательно. Корнилов смотрел на дело так, что если Екатер. не будет взят, то ему надо пустить себе пулю в лоб. Решили по совету Алексеева ещё день подождать, а 31-го вечером атаковать, но 31-го утром граната влетела в наш домик, разорвалась почти под самым Корниловым, перебила ногу у бедра, осколок попал в висок, и он, не приходя в сознание, через 5 минут скончался. Его заменил А.И. Деникин.

С тяжёлым чувством пришлось отступить от Ек., армия была деморализована. Говорят, что были слухи о выдаче н<ачальни>ков большевикам, но здесь Бог оказался к нам милостивым или Деникин оказался счастливым, но при первом же переходе через железную дорогу, который всеми рассматривался как окончательно гибельный, Марков со своей бригадой одержал успех, захватил бронированный поезд с двумя пушками, патронами и снарядами и мы ожили вновь.

В половине апреля получили сведения о наступившем пробуждении на Дону и перешли опять туда же, откуда в феврале ушли. Оздоровление несомненное, начались сношения с Россией, и я пишу моей голубке; но вместе с тем

стали почти лицом к лицу с немцами, и сейчас перед нами страшный вопрос, как быть с ними. Одни мы бессильны, а по–видимому, все склонны видеть в них избавителей, ну а я, как и А.И., видим в них самых страшных врагов, а сил бороться и с большевиками, и с ними, конечно, нет. Ну, это впереди, а пока выдыхались, дней пять тому назад к нам подошла ещё добровольческая бригада, прибывшая из Румынии[38].

Марков и Деникин и их семьи живы и здоровы. Лукомский, дипломатически удравший от нас, тоже оказался жив, хотя его, кажется, трижды арестовывали. Казанович, доблестно сражающийся у нас, ранен в плечо, пробита лопатка. С Успенским встретились, он очень озабочен своей семьёй и в невесёлом настроении. Соколовский (Витя, кажется) попал недавно в плен и, вероятно, погиб. Пришёл ко мне как–то тут славный кадетик и отрекомендовался моим родственником Масловым, я не сразу сообразил — оказался брат Кати. Роженко, пытавшийся удрать, убит. Ну вот все мои новости.

О вас, конечно, ничего не знаю. Сегодня получил твоё письмо от 10 января и мамино от 8 декабря, в котором она протестует против твоей поездки ко мне. Милый мамулик, как она, видимо, устала! Ты успокой её, ведь я всегда приглашаю тебя условно. Куда и как мне писать, пока не знаю. Приехать теперь к вам, может быть, и можно было бы, но не могу оставить одного Деникина. Посылаю тебе с Ряснянским 2 тысячи рублей: ты, вероятно, совсем без денег. Крепко тебя целую, поцелуй детишек, мамулика, тётю Веру. Да хранит вас Бог.

Твой Ваня

P. S. Посылаю тебе обращение А.И. Деникина к москвичам от Добр. армии.

И.Р.

4 мая 1918 г.
Ст. Мечетинская

Милая и дорогая моя Ленурка, послал тебе одно письмо и денег 2 тысячи рублей с маленьким Ряснянским. Теперь буду пытаться отправить с Казановичем, который завтра

поедет в Москву и так или иначе будет проезжать через Украину и, значит, в состоянии будет бросить где-либо письмо. Самое скверное, что я не знаю, как наладить получение от тебя писем, будут ли от вас <письма> доходить до Новочеркасска. Если бы доходили, то можно было бы писать через моих милых Копыловых: город Новочеркасск, улица Комитетская, 74, Алексею Алексеевичу Копылову для И.П.Р. Затем в прошлом письме я ничего не написал тебе о вещах. Сейчас у меня совсем ничего нет, и поэтому было бы крайне желательно получить белье, обмундирование, сапоги, шинель, но это, конечно, можно прислать или с оказией, или со специальным человеком; если будет случай, я пришлю кого-нибудь.

Затем у меня, конечно, возникнет вопрос о нашем свидании. Мне, конечно, безумно хочется тебя повидать. Приехать к вам, не знаю, удастся ли, выписывать тебя боюсь, и потому что маме трудно оставаться, и потому что мы пока ещё не в городе, передвижение и сообщение не вполне удобно. Но может быть, этот вопрос как-нибудь и разрешится.

Страшно бы хотелось знать, как и что у вас, всё ли благополучно, как себя чувствуют детишки, как мамулик, не пострадали ли тётя Вера и Ваня. Ничего этого не знаешь; вообще, что на белом свете делается, мы только теперь начали узнавать, а то в полной глуши, отрезанные от всех, бродили, совершенно не зная, что делается.

Только что узнал, что Копыловы собираются уезжать в Киев и надумал, что самое лучшее будет писать на имя В.Е. и М.П. Марковых[39]. Адрес их: город Новочеркасск, улица Садовая, 12. Так давно тебе не писал, что совсем разучился писать письма. Ничего не выходит.

Ах, Ленурка, болит моё сердце за Россию, прямо страшно подумать, что мы из себя представляем. Ну, дорогой мой Ленурок, крепко тебя целую. Поцелуй маму, детишек.

Твой Ваня

13 мая 1918 г.
Ст. Мечетинская

Милая и дорогая моя Ленурка, посылал тебе одно письмо и две тысячи рублей с маленьким Ряснянским, второе письмо послал с Б. И. Казановичем, который должен был

ехать в Москву и по дороге где-нибудь бросить письмо, но он пока не поехал, а передал письмо для отправки другому. Когда оно отправится и отправится ли вообще, не знаю. Равно не знаю, когда и это письмо поедет. Но, кажется, послезавтра поедет старший Ряснянский, дам ему, он довезёт до тебя, моей милой.

Прежде всего, о делах. Я совсем почти голый, у меня нет, в сущности, ни белья, ни обмундирования, ни шинели. Неужели, Ленурка, моё всё в Быхове пропало и Букато не нашли? Ты в тех письмах, которые я сегодня получил от Копыловых, ничего об этом не пишешь, но в одной маминой открытке как будто значится, что человек, посланный в Быхов, вернулся ни с чем. Ведь это положительно трагедия для меня, не говоря уже о том материальном ущербе, который наносится всей этой пропажей. Если же вещи привезены, то, Ленурка, пришли их, дорогая. Хочется прилично одеться. Пришли в Новочеркасск, а оттуда укажут, как их мне переправить. В Новочеркасске надо спросить или генерала Кислякова, или генерала Эльснера. Сегодня мне привезли твои четыре письма, но, увы, последнее от 28 января, а сегодня милостью Божьей 13 мая, таким образом, что с вами произошло за эти 3 $^{1}/_{2}$ месяца, мне не суждено пока знать, живы ли вы и здоровы ли.

Пишешь ты, моя дорогая, что хотела бы повидаться со мною. Моя ненаглядная, как бы я этого хотел, но, с одной стороны, мне маму очень жалко, которой трудно без тебя, а с другой стороны, и наше положение пока таково, что не очень приедешь к нам, да ещё как-то и не совсем мы самоопределились. А.И.Д. всё время поговаривает об уходе, ну а если он уйдёт, то и я ни минуты не останусь. Ну а если останется, то м. быть, удастся хоть недельку выкроить и прикатить к вам. Хотя я сейчас не вполне убеждён, в Сумах ли вы; возможно, что приедешь, а вас там нет.

Что касается России, дорогая Ленурка, вполне убеждён, что, конечно, Россия не погибла, весь вопрос о том, увидим ли мы с тобой её возрождение или нам уже не суждено этого увидать. Затем это возрождение может начаться уродливо. Теперь для меня сложнее вопрос с немцами. Я никак не могу примириться, что война кончена и немцы победили. И мне кажется, что нам надо, пока союзники де-

рутся, тоже так или иначе с немцами бороться. К сожалению, в этом пункте я мало поддержки нахожу себе.

Это письмо повезёт Ряснянский. Он тебе расскажет то, что я не написал. Он говорит, что его брат поедет сюда, с ним ты и пришли, что можешь. Имея в виду, что у меня, в сущности ничего нет. Крепко целую мою ненаглядную. Поцелуй детишек и маму. Всем привет.

Твой Ваня

P. S. Милая и дорогая моя Ленурка, совсем забыл тебя поздравить с днём ангела, ведь через неделю твои именины.

10 июня 1918 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, последние дни опять не получаю от вас известий, а т.к. на этих днях мы опять двинемся в поход, то боюсь, что наша переписка совсем разладится. Да и это письмо, не знаю, как дойдёт до тебя. Так хотелось тебя повидать.

Сейчас тут началось настоящее лето. Жара такая, что я вспоминаю Ташкент, <здесь> немногим прохладнее, только и можно дышать после семи часов вечера. Ты любишь степь, м. б., тебя и пленили бы здешние места, но я не то чтобы приходил в уныние, но с грустью думаю об ещё больших жарах и о том, что в этой степи буквально от них некуда спрятаться, всё голо. Правда, простору тут хоть отбавляй. Немцы, глядя на эти, в сущности, очень мало использованные степи, вероятно, нас понимают вроде собаки, лежащей на сене.

Ну, словом, днём здесь скверно, ну а ночью, когда немножечко земля охладится и когда луна появляется на небосклоне, становится лучше и хочется увидеть милую свою жёнушку. А самое скверное, что я сейчас не предвижу, когда мы с тобой увидимся, потому что, заглядывая вперёд, я совсем не вижу такого момента и рассчитываю только на то, что, быть может, сама обстановка даст нам эту возможность.

Только что получил письмо от Поля, что ты собираешься приехать ко мне. Пока, Ленурка, воздержись, т.к. сегодня уходим в поход и наверное не менее двух недель пробродим. Когда будет возможность, извещу тебя. Затем Поль

пишет, что, кажется, есть возможность получить те деньги, которые были собраны. Ряснянский за ними выехал. Поблагодари тётю и работай в этом направлении, т.к. деньги нам нужны до зарезу: людей сейчас сколько угодно. И убеди, что республиканства вождей Добр. Армии бояться не приходится (тут распространяются такие слухи, меня причислили к эсерам и республиканцам).

Не в состоянии тебе, моя голубка, написать сейчас больше, т.к. прямо рвут на части. Начал писать тебе письмо 8-го, а кончил только сейчас, а через два часа надо двигаться, и, по обыкновению, у меня ничего не уложено.

Поцелуй детишек и маму. Где вы? В Пархомовке или в Сумах? Крепко тебя целую.

Твой Ваня

18 июня 1918 г.

Дорогая Ленурка, вчера я был чрезвычайно поражён сообщением Антона Ивановича, что ты приехала и находишься в Н<ово>черкасске. В смысле времени этот приезд так же неудачен, как и в своё время в Варшаву. Приехать в Н-черкасск скоро я вряд ли смогу, так что если ты хочешь меня видеть и не боишься дальнего путешествия, то приезжай сюда ко мне. Все-таки повидаемся, а может быть, ты и в лазарете можешь пригодиться. Поездку организуй так: из Н-черкасска попроси ген. Эльснера или ген. Богаевского отправить тебя в Мечетинскую. В Мечетинской обратись к генералу Покровскому, чтобы он отправил тебя в Егорлыкскую, а там есть в ст. Постовский, он тебя, может быть, уже на поезде перевезёт в Торговую. Из Торговой, как-нибудь обратившись к старшему начальнику, переправишься к штабу армии. Боюсь только, что это путешествие очень тебя утомит.

Твой Ваня

22 июня 1918 г.
Ст. Песчанокопское

Милая и дорогая моя Ленурка, я тебе уже писал, что приезд твой был для меня полной неожиданностью, хотя мама и писала о возможности его, и по времени он оказался не-

удачным, т.к. последовал через три дня после того, как мы снялись с мест, сравнительно близких от Новочеркасска. Как сложится будущее и попаду ли я скоро в Н-черкасск, или остановимся мы где-либо, предусмотреть трудно, а т.к. было бы обидно тебе приехать, а затем ни с чем уехать, я написал тебе тотчас же, как получил твоё первое письмо о том, чтобы ты приехала ко мне, но затем начались бои в сравнительно близком расстоянии от того пути, который я тебе наметил, я забеспокоился о твоей безопасности, протелеграфировал Эльснеру, чтобы он задержал твой отъезд. Получила ли ты то и другое или одно что-либо? Я не знаю, что теперь тебе советовать: заставлять тебя долго сидеть в Новочеркасске — совестно, подвергать опасности — страшно, а видеть мою Ленурку очень хочется. Вот и выпутывайся из этого положения. Может быть, через день, через два что-нибудь станет яснее, тогда телеграфирую.

Писем твоих из Н-черкасска получил только два, хотя Шкиль говорит, что ты послала их три, да это видно из твоего письма, в котором ты пишешь, что боишься надоесть мне своими письмами. Нет, голубка, не бойся, не надоешь. Конечно, я бы предпочёл вместо писем тебя саму увидать, но страшно. Если ты будешь ориентирована в обстановке, то сама решай, ехать или не ехать. Ты мне пишешь про вещи, которые прислала тётя. Имей в виду, что мне совсем не в чем возить вещи, так что если у тебя будет возможность, то привези мне какое-нибудь вместилище. Мои вещи в Быхове, очевидно, все пропали, т.к. по рассказу Бей Мурата, Букатый куда-то удрал.

Как ты несчастливо, а может быть и счастливо, приехала для Марковых! Бедный Серёжа не сносил своей буйной головушки и так обидно погиб[40]. Без конца жаль его, а ещё больше, конечно, мать и жену.

Ну, дорогая моя, моё сокровище, пока спокойной ночи. Пойду спать. Крепко тебя целую.

Твой Ваня

P. S. Я ни Вере Евгеньевне, ни Марианне Павловне ничего не писал утешительного по поводу их утраты, трудно писать в таких случаях, ты скажи, что я всем сердцем чувствую эту утрату и что я чем могу, всегда это выражу (конечно, действием).

30 августа 1918 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, только что ты уехала, а кажется, что это было давным-давно, как ты была у меня. Через день после твоего отъезда мы с Антоном Ивановичем проехали в Ставрополь. Там была подготовлена встреча чрезвычайно торжественная: со шпалерами войск и публикой по улицам, с массой цветов, букетов, с благословениями, подношением адресов, икон, с речами на паперти и за обедом. Словом, торжества превыше меры. А.И. в своих выступлениях был удачен на редкость. Так что в общем впечатление получилось довольно грандиозное и, конечно, приятное.

Город Ставрополь чрезвычайно ветхозаветный, типы совершенно гоголевские. Городок красивый и дешёвый: сообщаю это на всякий случай. Теперь следующая поездка в Новороссийск. Эта поездка даст меньше торжеств, но больше удовольствий. М. быть, удастся покупаться, а м. б., даже удастся проехать в Геленджик к Марусе. Ты подумай, какое это будет удовольствие! Жаль, что ты до него не дожила у меня.

Вчера получил мамино письмо на твоё имя от 1 сентября[41], в котором мама, между прочим, резонно пишет о трудности сейчас перебираться с семьёй. Как вы в конце концов решите? Между прочим, если прапорщица, которая повезёт это письмо, будет у вас, то пришли с ней мой китель и то, что есть у тебя из моих офицерских вещей — если они, конечно, есть.

Ах Ленка, много хотелось бы тебе написать, но нет времени. Только что получил твою т<елеграм>му относительно подыскания квартиры в Е-ре и пр. Дорогая Ленура, боюсь я пока этого переезда и до того, как соберётся Рада и выяснится отношение к нам, хотел бы, чтобы ты задержалась. Рада[42] должна собраться 10 сентября старого стиля, но, вероятно, задержится. Буду подыскивать квартиру, но дело это пока не очень верное. Бог знает, как сложатся наши отношения с кубанцами. Если вам нужно во что бы то ни стало выехать из Сум, то, конечно, выезжайте, и в этом случае телеграфируй, если же нужды такой нет, то задержись. Затем я тебе выше пишу, что очень хороший городок Ставрополь, и, м. б., там обосноваться было бы лучше.

Сейчас узнал, что Рада откладывается ещё до 23 сентября. При этих условиях, я понимаю, что вам трудно затягивать отъезд, и надо решать теперь же вопрос, переезжать или нет. Получив это письмо, телеграфируй окончательное решение. Квартиру буду подыскивать. Уже я соскучился без тебя. Ты скажешь, что непостоянный я.

Между прочим, по–видимому, почта наладилась между Украиной и Кубанью, т.к. я сегодня получил письмо из Киева. Может быть, было бы лучше и это письмо послать по почте, а то прапорщица Ряснянского третий день всё не едет. Пока крепко тебя целую. Поцелуй маму и детишек.

Твой Ваня

22 сентября[43] 1918 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, я бесконечно чувствую себя виновным перед тобой: со времени твоего отъезда пишу лишь второе письмо. Не думай, моя голуба, что я забыл тебя, нет, дружок, каждый день многократно вспоминаю, но совсем не имею времени заняться своими делами. Скучаю без тебя очень; ты посмеёшься, но, право, может быть, я мало внимателен к тебе был, когда ты была здесь, а, тем не менее, я постоянно чувствовал твоё присутствие и на душе было спокойнее, ну, и ещё соображения, которые ты знаешь.

А теперь тебя нет. И не только тебя, но и писем от тебя. А отсутствие писем в данное время вдвойне неприятно. Отсутствие всякой связи с тобой; а затем меня очень беспокоит вопрос вашего переезда. Ты написала о квартире, я ответил просьбой повременить и написал в письме, почему; и вот я начинаю думать, что если вам необходимо теперь же выезжать, а я вас задерживаю в таком неопределённом положении? И становится страшно совестно, что я мало заботлив по отношению к вам. Так что, милая моя, хоть телеграфируй мне, спешный это вопрос о выезде вашем или нет.

За это время ничего чрезвычайного у нас не случилось, если не читать, что взяли Армавир и Майкоп и связались с Терской. Ездили мы, между прочим, в Новороссийск и оттуда в Геленджик к Марусе. Это была прекрасная поездка. Два дня провели с большим наслаждением, и я всё жалел, что не было тебя. У меня новый вагон и такой уютный, что

ты, вероятно, осталась бы довольна, ну а затем в самом Новороссийске очень хорошо: солнце, море, прекрасная дорога в Геленджик, там чудное морское купанье. Поездка в Абрау-Дюрсо, тоже красивая дорога и там дегустирование вин. Ксения Васильевна тоже ездила.

Маруся нас принимала великолепно в смысле угощения, конечно. Дача у неё, в сущности, паршивая, но всё же приятно иметь свой уголок, да особенно в таком месте. При даче недурной сад с виноградом, персиками и др. фруктами. Детишки Марусины прелестны, особенно Туська[44].

Вчера у нас был бал в пользу раненых, устраивали m-me Алексеева[45] и Кс. Вас. Ободрали меня вдребезги. Внутренние наши дела всё осложняются, так что А.И. всё чаще и чаще говорит о капусте.

Ну, иду спать, мой дорогой дружок, если бы... Покойной ночи. Поцелуй маму и детишек, и Тонечку. Мой привет В.А. Где вы сейчас помещаетесь? В доме у В.А. или на своей квартире? Ну, Христос с тобой. Скорее бы свидеться.

Твой Ваня

25 сентября[46] 1918 г.

Милая и дорогая Ленурка, только что узнал, что через несколько минут уезжает в Сумы юнкер. Чрезвычайно обидно, что я тебе ничего не успею написать. Дорогая моя, я до сих пор не получил ни одной весточки от тебя, а, между тем, почта, по-видимому, действует. Попробуй написать просто по почте в Е-дар по адресу: Гимназическая, д. Аведова[47], Л.М. Успенскому для И.П. А то ужасно тягостно ничего не знать о вас, особенно сейчас. Быть может, я пока своим отказом поставил <вас> в тяжёлое положение и вам там негде жить. Дела у меня уйма, всё как будто прибывает, и я должен сознаться, что чрезвычайно устал.

Как вы поживаете? Послала ли ты мой китель с прапорщицей? Без тебя очень соскучился и очень хотел бы повидать тебя поскорее, но до Рады, которая собирается только 23 сентября, всех вас боюсь выписывать, это конечно не касается лично тебя.

Что касается квартиры, то пока мои помощники в этом вопросе ничего не сделали. Но в решительную минуту, я думаю, что что-нибудь найдётся. А.И. тоже последнее вре-

мя, видимо, устал и хандрит. Дела боевые идут средне, так, ни шатко, ни валко.

Ну, мой милый, ненаглядный друг, пока крепко тебя целую. Поцелуй маму и детишек.

Твой Ваня

Без даты <осень 1918 г.>

Милая и дорогая моя Ленурка, последние дни так много дела и так я устаю, что писать писем не способен. А главное, удручён очень, что до сих пор не нашёл квартиры и ничего тебе не телеграфирую.

Получил твоё письмо, в котором ты меня так обижаешь. Как тебе не грех писать такие фразы: «В прежние времена моё мнение имело для тебя значение, теперь это, кажется, уже в прошлом. Видимо, тебе этого (переезда) очень не хочется...» и т.д. Ах Ленурка, и так-то нелегко, а ты тоже огорчения создаёшь. Трудно мне уверить тебя, что ты неправа, ну да что делать. Опасности ехать сюда, конечно, нет. Но всё может так повернуться, что придётся покидать Ек-дар. Ну а согласись: обидно переезжать для того, чтобы опять расставаться.

С квартирой мне самому невозможно заняться, а все мои пособники ничего не находят. Если не боишься, то приезжай, в вагоне, может быть, несколько дней пересидите, может быть, детей на время к Марусе отправим, а с вашим приездом розыски энергичнее пойдут, но я, по правде сказать, боюсь телеграфировать. Когда поедете, телеграфируй, когда будете в Ростове, чтобы я вам здесь мог устроить проезд приличный. С соображениями твоими относительно детей я вполне согласен и решение твоё приветствую, а тебя видеть рядом всегда жажду. Посылки твои получил. Не помешают твои нарывы путешествию?

Так, Ленурка, вашему приезду буду очень рад, но квартиры пока нет, если считаешь возможным переправить маму и детей на некоторое время к Марусе, то приезжайте. Крепко-крепко целую мою несправедливую жену. Поцелуй маму и детей.

Твой Ваня

<P. S.> Посылки получил.

Без даты <весна 1919 г.>

Милая Ленурка, совсем соскучился без тебя. Черкни, как здоровье Л.М., как его рана. Что меня огорчает, что ты отказалась от поездки в Геленджик, как бы хотелось, чтобы дети провели лето на берегу моря. Марусе три тысячи (если это за всё лето) наскрести можно было бы, но вот с довольствием, вероятно, дорого очень. Есть ли у вас деньги?

Твой Ваня

P. S. Привет и поцелуй маме, детишкам, Тоне, Кате.

И. Р.

19/30 апреля[48] 1919 г.

Дорогая Ленурка, наше пребывание здесь затянулось, и я всё больше и больше скучаю без тебя. Кроме того, хозяйственная сторона моего существования осложняется, нет мыла, пришли кусочек. Сапоги приходят в упадок, но ту пару, которая дома, боюсь выписывать, как бы не свистнули по дороге, можно прислать с особо надёжным посланным.

Я не успел ответить Ковалевскому, но ты передай ему, что как адъютанта я его, конечно, не мог бы третировать и это создало бы и для меня, и для него неловкое положение, а если он хочет приехать на фронт, то я буду рад его видеть. Я просил Ю.Н. телеграфировать ему об этом.

Что же это у тебя дети расквасились? А я-то думал тебя выписать на день-другой. Приходится отставить. Крепко целую. Поцелуй детей, маму, Тонечку.

Твой Ваня

Без даты <13 или 14 июня 1919 г.>

Дорогая моя Ленурка, спасибо тебе, родная, за носки. Белье у меня, кажется, здоровое. Операция у нас безнадёжно затянулась. Я надеялся, что мы сегодня выедем отсюда в Ростов и, возможно, я буду дома, но расчёты оказались преждевременными.

Великокняжеской[49] пока не взяли. Бог знает, удастся ли всё это завтра. А соскучился я без вас очень, хотя вообще

жизнь здесь в смысле нервов немного спокойнее: нет политики, нет никаких приёмов и только отзвуки маленькие (с Ковалевским и др.). Крепко тебя целую. Поцелуй всех.

Твой Ваня

10 июля 1919 г.

Дорогая моя Ленурка, сегодня приехал, и сегодня же на счастье оказия. Это письмо привезёт тебе п. Щербицкий, ты прими и обласкай его. Как же вы доехали и как устроились, были ли кровати и не очень ли мамулик удручена? Не знаю, вернулся ли Харитонов, я его не видел, а спросить брата ещё не успел.

Съездили мы с Антоном Ивановичем не без пользы для себя, т.к. каждый из нас получил по паре донской формы — суконный френч из хорошего материала и годный при всякой форме и штаны с однорядным лампасом, а сегодня Юрик[50] преподнёс английской материи на пару, так что, как видишь, разбогател твой муж чрезвычайно. Но и ты, кажется, тоже разбогатела, т.к. В.М. Юзефович купила в Царицыне для тебя и для М.В. мануфактуры и ниток по ценам, кажется, очень дешёвым. Предлагала мне приехать выбрать, но я уклонился, сославшись на М.В.

Поездка наша была удачна в том смысле, что было не очень жарко, но всё время ливший дождь, спасавший нас от жары, не дал возможности нам много поездить и на самом фронте мы не были. В Таганрог думаем перебраться в воскресенье 14-го, квартира там, говорят, хорошая — в 6 комнат с садом!

Мишке скажи, что поездка наша в Крым оттягивается и что боюсь, что когда мы поедем, то это будет не через Новороссийск; но всё это видно будет.

Крепко тебя, мою дорогую, целую. Поцелуй мамулика, детей и Тоню. Христос с тобой.

Твой Ваня

P. S. Забрала ты мой кошелёк, а с ним вместе мои зубные резинки[51]. Будь добрая и верни их мне.

И. Р.

11 июля 1919 г.

Милая и дорогая Ленурка, получил твоё письмо и переживал с тобой все твои злоключения[52]. Воображаю, как много тебе пришлось выслушать укоров по поводу легкомыслия. Но кто действительно легкомыслен — это Надежда Владимировна[53]. Как же можно было всё это так проделать?

У Харитонова сегодня оказия, и я тороплюсь написать тебе. Масло, как он говорит, он достал и посылает тебе. Боюсь, что только не перетопит его, хотя я ему говорил и он обещал это сделать. Я думаю, что в смысле дачи вопрос с течением времени уладится, а условия жизни для детей, кажется, действительно хорошие, и Ник. Алекс.[54] говорит, что они сразу загорели и чувствовали себя прекрасно.

На столе горы <документов>, и поэтому кончаю письмо. Крепко тебя целую, поцелуй детишек, маму, Тоню.

Твой Ваня

Без даты <декабрь 1919 г., не ранее 18>

Дорогая моя Ленурка, как вы доехали, как устроились и как себя чувствуете? Как твоё здоровье и как дети? Сегодня мы покинули Таганрог, переселились в поезд и с большим трудом выбрались из Таганрога. С трудом и с грустью. Обидно уезжать назад, но, веря в твои предсказания, что завтра фортуна повернётся к нам передом, я думаю, что уехали мы ненадолго.

В печальный момент попали вы в Екатеринодар. Жаль бесконечно Николая Митрофановича[55], да и политически эта смерть несвоевременна: опять на Кубани начнётся политическая борьба. Как здоровье Марьи Владимировны?

Ну, надо кончать письмо. Крепко тебя, мою дорогую, целую. Веру Андреевну и Марусю вывез. Но как их вещи, дойдут ли, не знаю, один чемоданчик с документами у Маруси уже украли. Маруся направляется в Новороссийск, Вера Андреевна собирается остаться в Ростове, и если ты найдёшь что-нибудь в Екатеринодаре, может быть, пригласишь её, писать ей: Ростов, Таганрогский пр<оспект>, контора Гольдина (Техногор).

Поцелуй детей и Тонечку. Плющевским привет.

Твой Ваня

21 декабря 1919 г.

Дорогая моя Ленурка, пользуюсь случаем, чтобы черкнуть тебе несколько строк. Стоим сейчас в Батайске в вагонах. На фронте пока ничего нового хорошего нет, если не считать вчерашней победы генерала Мамонтова[56], но которая сама по себе ещё ничего не делает. Но может быть, это то начало поворота, которое ты обещала на 20-е.

Как вы поживаете? Как дети? Вчера к вам с Врангелем отправил Веру Андреевну и Марусю. Крепко тебя целую, мою родную, есть ли у тебя деньги? Поцелуй детей и Тонечку.

Твой Ваня

24 декабря 1919 г.

Милая и дорогая Ленурка, поздравляю тебя, детишек и Тонечку с праздником. Желаю вам праздник этот провести повеселее. Поздравь от меня Марию Владимировну и Соню[57].

Мы пока сидим в Батайске и наезжаем в Ростов. Погода стоит отвратительная, и потому ездить приходится верхом, т.к. для другого способа дороги совершено непроезжие. В Ростове полная паника. Буржуи мечутся в поисках подвод и места на железных дорогах. Жалко и больно за них.

Как у вас в Ек-даре настроения? Приехали ли Вера Андреевна и Маруся, или они проехали в Новороссийск? Твои два письма, сначала второе, а потом первое, я получил. Аведову напишу на этих днях. Повидать тебя очень хотелось бы, но когда это случится, и предвидеть невозможно. Если твои предсказания исполнятся, тогда устроим это с течением времени, когда всё станет на рельсы, пока же это невозможно.

Ну, моя дорогая, крепко тебя целую. Христос с тобой. Поцелуй детей.

Твой Ваня

P. S. Что значит, что ты пишешь «в молчании Киселевском»[58]?

28 декабря 1919 г.

Милая и дорогая Ленурка, пользуюсь случаем поездки Кс. Вас., чтобы послать тебе несколько строк и двадцать тысяч <рублей> денег, т.к. боюсь, что у тебя может их не оказаться. Вместе с Кс. Вас. едет п. Нолькен, к<ото>рый с тобой переговорит о дальнейших перспективах.

Обстановка на фронте нехороша, твои предсказания не исполнились. В связи с неуспехами на фронте растёт недоброжелательное отношение к нам со стороны казаков, и в один прекрасный день могут начаться всякие выступления против нас. Что касается непосредственно нас, то ты сама понимаешь, что и А.И., и я, конечно, до последнего момента останемся бороться, и т.к. мы будем при своих войсках, то нам ничего угрожать не может. Хуже дело с вами, т.е. с семьями.

И вот ввиду этого, с англичанами сговорились относительно вашей отправки заграницу, куда — это пока не установлено, но берутся вас вывезти. Из Е-дара в Новороссийск берётся вас вывезти п. Нолькен. С ним и надо сговориться. Вещи более громоздкие он берётся вывезти в качестве английских. Надо только отсортировку сделать: более ценное, более нужное и менее громоздкое отобрать с собой, а всё остальное сложить для отправки с английскими вещами.

У меня, впрочем, не исчезла надежда, что мы всё поправим и к нам вернутся более счастливые дни, но надо рассчитывать на худшее и к нему готовиться. Я жив, здоров и настроения не теряю.

Будь здорова. Христос с тобой. Поцелуй детишек, Тонечку и тётю Веру. Да благословит Вас Бог. Крепко тебя целую. Думал повидать тебя, да не вышло.

Твой Ваня

31 декабря 1919 г.

Родная моя Ленурка, поздравляю тебя с Новым Годом и всем сердцем желаю тебе всякого счастия — и нового, и старого. Так бы хотелось повидать тебя и лично поздравить и поцеловать для Нового Года, но, по-видимому, это непросто сделать. Из Е-дара никто из штабных не едет, а

в общем вагоне по нынешним временам ехать невозможно. Ну, заочно крепко тебя целую. Поздравь детишек, Тонечку, Веру Андреевну, Катю и Плющевских.

Мы сидим и от сидячей жизни пухнем; погода скверная, пожалуй на счастье нам, никуда не выйдешь. Одно утешение: смотреть на твою карточку и мечтать о свидании с тобой. На душе, конечно, скверно после всех последних событий. Чувствуешь себя виноватым во всём происшедшем, и это сознание, конечно, не веселит. Будущее темно. Хочется верить, что всё повернётся к лучшему, но случится ли это — Бог весть.

От вас из Ек-дара вести самые скверные, видимо, и паникует публика, и как всегда в этих случаях, ругают и А.И., и меня. Ну, будем думать, что в этом году Бог пошлёт нам больше счастия. Крепко целую мою родную, хорошую. Если представится случай, приезжай на денёк-другой.

И. Романовский

2 января 1920 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, всё лелеял мысль тебя увидать и обнять на праздниках. Но судьба против нас, и этой мечте не суждено было осуществиться. У меня глубокое убеждение, что всё кончится хорошо и что вы могли оставаться в Е-даре, а ты приехать сюда, но если бы что случилось, то меня совесть бы замучила, что я, вопреки общим советам, тебя задержал.

Теперь меня чрезвычайно беспокоит мысль о вашем переезде в Новороссийск, как вы там устроитесь, как будете жить при той забитости, которая там в настоящее время. В Е-даре всё-таки была квартира и, главное, всё можно было достать. Нехорошо. Ну да никто как Бог.

Теперь вопрос с заграницей. Если вас повезут, то, конечно, желательно было бы ехать уже вместе с более близкими, в данном случае с Плющевскими, Деникиной и семьями штаба. По этому поводу я говорил с Нолькеном. Конечно, в этом случае лучшее место была бы Сербия, где, может быть, и бедно, но приветливо встретят. Вообще, мне пока не очень хотелось бы, чтобы вы уезжали заграницу, но тут приходится равняться на всех.

Я жив, здоров, пухну от сидячей жизни. Как вы, как детишки? Последние дни от тебя не имею известий, вероятно, собиралась приехать и не писала. Думаю, что с Леонидом Митрофановичем пришлёшь что-нибудь. Крепко тебя целую. Поцелуй детишек.

Твой Ваня

4 января 1920 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, ты себе представить не можешь, как я себя безумно считаю виноватым и перед тобой, и перед семьями офицеров, которые попали в ужасные условия с этим переездом. Есть у меня дурацкая черта, что я могу, не вдумавшись по вопросу, который не кажется мне особо серьёзным, сказать «да» или «нет». Так и здесь, на ходу, когда я был занят чем-то другим, Ю.Н. мне сказал, что Подчертков предлагает вас перевезти в Новороссийск. Совершенно не отдавая себе отчёта, что это будет делаться в таком спешном порядке и вызовет тревогу среди семей офицеров, я дал согласие и теперь казнюсь. Казнюсь, потому что и тебя не повидал, чего тоже безумно хотел, и ещё больше казнюсь, что благодаря этому выкинули эту глупость с перемещениями семей офицеров и поставили себя в чрезвычайно тяжёлые условия.

Послали вас в Новороссийск только благодаря вестям из Е-дара. Вести эти были действительно скверные, но, м. б., моя беспечность, мой оптимизм служили тому, что я особенно этому значения не придавал. Правда, мне представляется, что будет лучше, если вы будете вместе и в обстановке, где исключается возможность внезапной паники, но, тем не менее, очень обидно это происшествие.

Вообще, Ленурка, если нет от меня лично указания какого-нибудь, то действуй по своему разумению или постарайся добиться лично меня. Это всегда можно запиской по аппарату. Затем, конечно, вам на месте много виднее. Увидеть тебя мне хочется безумно, и я дал Харитонову указание, что если возможно с удобствами привезти тебя, то это сделать, но конечно при условии, что это не нарушит никаких твоих предположений и если дети устроены.

Перед выездом, во всяком случае, лучше справиться, т.к. обстановка меняется часто.

Очень меня беспокоит, как вы устроились в Новороссийске, боюсь, что очень скверно и что тяжело будет с довольствием. Затем Л.М. мне сообщил, что часть вещей ты оставила в Ек-даре. На кого и какие вещи? Харитонов предложил перевезти их, хотя я и не знаю, что это за вещи, но я дал ему разрешение.

Как детишки, где Вера Андреевна и Катя? Родная моя Ленурка, хотелось бы тебя повидать, но можно это сделать, если это будет благоразумно, так зря не подымайся, потому что когда станем несколько на рельсы, то, может быть, и мы приедем в Новороссийск. Христос с тобой, моя родная, главное — будь здорова. Безумно тебя, мою дорогую, люблю. Поцелуй детишек.

Твой Ваня

P. S. Написал позавчера письмо, но отправить до сих пор не удалось. Сейчас пользуюсь поездкой ген. Ф. Настроение скверное, т.к. последнее время идёт усиленная травля на меня. Конечно, это не может не отразиться на настроении, особенно принимая во внимание, что, конечно, всё это доходит до тебя и тебя нервирует. Но ты, голуба, не обращай внимания и помни, что у твоего мужа совесть чиста. Ещё раз крепко-крепко целую.

Как вы довольствуетесь?

Твой Ваня

17 января 1920 г.

Дорогая моя и милая Ленурка, на фронте прилично и в Е-даре как будто тоже всё обошлось хорошо. София Севериновна говорит, что вам в Новороссийске достаточно скверно. При этих условиях, может быть, тебе опять переехать в Ек-дар?

Завтра вопрос наших взаимоотношений с казаками окончательно выяснится, и если он выяснится благоприятно, а я думаю, что это будет именно так, то тебе предоставляется решить вопрос, возвращаться ли в Ек-дар или остаться в Новороссийске. Ксения Васильевна, по-видимому, возвращается в Ек-дар. Если решили, то нужно бу-

дет уведомить Успенского, которого я оставлю в Ек-даре, и попрошу Тихменева или Колчинского о перевозке. Поцелуй детей. Крепко целую.

Твой Ваня

20 января 1920 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, только пять дней, как ты уехала отсюда, а впечатление, что это было уже давно-давно[59]. Правда, за это время много событий произошло. Побывали мы в Ек-даре и опять вернулись сюда. В политической нашей кухне всё кипит. Ты уже конечно знаешь, что 16-го Деникин выступал в Верховном Круге. Речь ты, вероятно, читала, она очень хороша, но А.И. был не в ударе и произнёс её не очень хорошо. Встреча была холодноватая, но затем, когда состоялось совещание, то обе стороны пошли на уступки, и хотя соглашение ещё пока не достигнуто, но, тем не менее, оно будет достигнуто. И таким образом в нашей политической жизни начнётся новая эра, за которую Новороссийск проклянёт А.И., а попутно и меня, конечно, но не взять этого нового курса Деникин, конечно, не мог. Весь вопрос, не поздно ли и даст ли он теперь быстрые результаты? Останемся, как всегда, оптимистами и будем думать, что эти результаты не замедлят сказаться. Пока же, к сожалению, наоборот мы всюду в тылу имеем возмущения и в настоящий момент мы от вас отрезаны, т.к. где-то на ст. Ильской зелёные прервали сообщение.

В Ек-даре был у Успенских и у Каракай. Мария Ипполитовна в своём горе сильно выиграла наружно, сейчас у неё красивое одухотворенное лицо. Между прочим, она меня огорчила сообщением об Анапе[60], говорит, что там на могиле ничего не сделано. Не напишешь ли ты Скрипицыну[61] и не задашь ли вопрос, что мы ему должны за надгробную плиту и ограду? Каракай очень беспокоится за твои вещи. Там часть вещей, по-видимому, не заперта, и она говорит, что какой-то тюк там всё время уменьшается. Я условился с Леонидом Митр., что он переселит в эту квартиру Софью Север., а я тебя выпишу опять в Ек-дар, т.к. по словам С.С., вам в Нов. очень плохо, ну а в Ек-даре, по-видимому ввиду ведущихся переговоров, наступит известное успоко-

ение. Но конечно, решение этого вопроса я предоставляю всецело на твоё усмотрение. Харитонов тоже решил перевезти Надежду Влад. и телеграфировал, чтобы вагон задержали в Нов.

Как нашла детишек? По словам Софьи Север., Тонечка должна была тебя встретить не особо ласково. Здесь последние дни дует довольно нестерпимый ветер северо-восточный. Если и у вас он дует, то жизнь ваша, вероятно, совершенно нестерпима.

Ну, расписался я свыше меры. До свидания, моё сокровище, крепко-крепко тебя целую и мечтаю, когда это могу сделать въявь. Христос с тобой. Поцелуй детишек и Тонечку. Привет Вере Андреевне и Марусе.

Твой Ваня

26 января 1920 г.

Дорогая Ленурка, сегодня получил мыло и чай. Спасибо, милая. Пользуюсь случаем черкнуть две строчки. Мне Харитонов сказал, что вы переезжаете[62] 28-го. Тут все-таки будет теплее, ну, а в смысле безопасности — всюду скверно. Скверно, что вы, кажется, разложились[63]. Поцелуй детишек и поблагодари их за письма. Христос с тобой.

Твой Ваня

3 февраля 1920 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, за последнее время мы с тобой совсем прекратили переписку. Как вы переехали, устроились и поживаете? Все ли здоровы? Юрик[64] наш совсем расклеился. Поехали как-то мы с ним верхом после обеда (глупо, конечно), проскакали с версту, он у меня задохнулся, а затем проехали ещё рысью и он совсем скис, а затем обморок, целый день лежал, а теперь ходит на манер сонной мухи. Надо ему недельку-другую отдохнуть.

Как ты, моя родная, себя чувствуешь, я всё боюсь, чтобы с твоим беганьем и переездами не случилось какой-либо напасти вроде сыпного или возвратного тифа. Хорошо, если бы что привили, я привил и чувствую себя спокойно.

Как детишки и Тонечка? Я, конечно, успел уже без тебя соскучиться и очень бы хотел повидать, но пока поездки в

Ек-дар не предвидится, тебя же боюсь вызывать. Как у тебя вопрос с деньгами, не надо ли тебе прислать? Ну, моё сокровище, пока до свидания. Будь здорова. Храни тебя Бог. Поцелуй детишек. Тебя без счета целую.

Твой Ваня

20 февраля 1920 г.

Дорогая Ленурка, пользуюсь поездкой Шкиля и шлю тебе коротенькую весточку. Как вы доехали и как вы поживаете[65]? Дела на фронте таковы, что жалеть об отъезде не приходится и придётся, видимо, вам и дальше ехать. Надумали ли вы что-нибудь в Новороссийске в смысле отъезда, куда ехать? Сообщи. Посылаю тебе копию приказа, к сожалению русского, о моём награждении. От Б.[66], если будет что-либо предлагать, не бери, дабы не влезать в историю. Крепко тебя и детей целую. Христос с вами. Уехали ли Плющи[67]?

Твой Ваня

23 февраля 1920 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, посылаю тебе 27 тыс. рублей, это все, что у меня есть. Понимаю, что мало, но помочь не могу. Болею вместе с тобой душой по поводу отъезда, а вместе с тем, лучше, пожалуй, ехать. Я думаю, уж очень тяжело в Новороссийске жить — это будет трёпка нервов. Это с одной стороны, а с другой стороны, и последний момент может выйти очень неблагополучный, хотя не думаю, чтобы французы довели до этого последнего момента. Но этот вопрос, ехать ли сейчас или подождать ещё, я оставляю на твоё решение. Фронт пока ничего не подсказывает. С одной стороны, мы отошли, но, с другой стороны, кубанцы как будто действительно поднимаются и у большевиков тоже в тылу как будто неблагополучно. Словом, я ничего не могу посоветовать.

Личные мои чувства ты, конечно, знаешь, что мне, так же как и тебе, хотелось бы, чтобы вы или совсем не уезжали или уехали поближе. Относительно Сербии я тоже сочувствую. Хотя это будет труднее, чем у англичан, где будет даровое содержание, но думаю, что морально будет легче.

Манжен из желания везти тебя и Кс. Вас. на французском крейсере сделал большую историю, он заявил об этом англичанам. Хольман прибежал к Деникину и заявил, что в таком случае он выпишет английский броненосец, чтобы отвезти вас. Харитонов говорит, что Киз с тобой не очень был любезен. Ну, Бог с ним.

Ах, Ленурка, если бы дал Бог, чтобы повернулась фортуна опять к нам лицом. Ну, родная моя, Христос с тобой, главное, будь здорова. Поцелуй детишек и Тонечку. Что там Иринка пишет об охлаждении Бл.[68]? Правда это? Обидно. Ну, ещё раз целую тебя, мою родную.

Твой Ваня

25 февраля 1920 г.

Родная и дорогая моя Ленурка, очевидно, есть какая-то высшая справедливость, которая не даёт никому пройти без лишений и страданий. Теперь очередь за нами. Потеря Мишурки[69], очевидно, недостаточная мзда за содеянные нами грехи. Будем молиться Богу, чтобы Господь это испытание послал только на время и чтобы вновь соединил нас, и будем надеяться на Его благость.

Спасибо тебе, родная, за твоё письмо, которое я прочёл с глубоким волнением. Не смог я ни тебя, ни таких <как ты,> оценить. И теперь, рассчитывая на милость Божью, я, прежде всего, уверен, что ты её заслужила. Разлука с тобой, дорогая, тяжка, но оставить тебя было бы безумством. Вряд ли ты могла бы быть при мне, всё равно страдала бы в разлуке, а дети были бы без матери. Ведь ты самая большая их радость, зачем же их лишать этой радости, этой теплоты, которая должна согреть им всю последующую жизнь. Я тебе больше доставил огорчений, чем радостей, и теперь смотри на меня как на обречённого и не скорби очень, если лишишься меня. Знай, что душой я никому, кроме тебя, не принадлежал и принадлежать не буду и всегда буду гордиться своей женой — с великим русским сердцем.

Да благословит тебя и детей Господь. Храни вас Бог. Целую тебя, мою родную, крепко. Поцелуй Ирину, и Олю, и Тонечку.

Твой Ваня

27 февраля 1920 г.

Родная моя Ленурка, может быть, это письмо тебя ещё застанет в Новороссийске и ты ещё раз прочтешь о том, что я люблю тебя бесконечно и молю Бога, чтобы ваше путешествие было счастливое и непродолжительное. К сожалению, пока никакими радостными вестями тебя утешить не могу и в связи с тем, что в Новороссийске со дня на день может вспыхнуть какая-нибудь кишечно-заразная эпидемия. Самое лучшее решение, которое вы могли принять — это уехать. Пребывание в Сербии я не думаю, чтобы было очень тягостно, т.к. всё же много лиц знакомых будет. Да благословит тебя Бог и да пошлёт сил перенести и это испытание. Поцелуй детишек и Тонечку. Христос с вами.

Твой Ваня

1 марта 1920 г.

Милая и дорогая моя Ленурка, вот самое скверное в нашем положении, что неизвестно, как мы будем общаться и будут ли наши письма доходить. Но, тем не менее, пытаюсь писать, может быть, и дойдёт это письмо. Сегодня приехали в Новороссийск, вследствие чего не получил твоих последних писем, но тут Сергей Александрович[70] рассказал про последние минуты вашей жизни в России. Спасибо ему за то, что он тебе помог в денежном смысле. Завтра пойду благодарить Манжена за его любезность.

Как то вы доехали? На миноносце да при ветре, вероятно, сильно болтало. Утешил меня Харитонов сообщением, что вы, вероятно, поселились где-нибудь на побережье Адриатического моря. Это будет совсем хорошо. Если не будете бедствовать в смысле материальном, то пожить на берегу Адриатики совсем хорошо, особенно для детей. У нас, как можешь заключить из нашего переезда в Нов., положение неблестящее. Вероятно, части наши в конце концов отойдут за Кубань, сейчас почти у Кореновской, что дальше будет, трудно сказать, но настроение у меня и моих адъютантов хорошее.

Единственное огорчение, что тебя, моей милой, нет, но вместе с тем я доволен, что вы уехали; хочется верить, что

вы проживёте там недурно, ну а у меня душа спокойна, что вы в безопасности. Последние дни всё почти уходило из Ек-дара, собиралась убегать и Мария Ипполитовна, но Л.М. убедил остаться и её, и С.С. От Харитонова узнал, что Катя вас покинула, мне думается, что это и к лучшему.

Новор. нас встретил неприветливо. Оказывается, дул норд-ост со снегом, а сейчас идёт дождь, будем надеяться, что завтра будет хорошая погода. Ну, родная моя, крепко тебя целую. Поцелуй детишек и Тонечку. Христос с тобой. Пиши почаще и побольше.

Твой Ваня

P.S. Взяла ли ты материю, привезённую мне В.А., я в ящике её не нашел?

И. Р.

17 марта 1920 г.
г. Феодосия

Милая и дорогая моя Ленурка, на этих днях в Сербию собирается пробраться Жеребков, и я думаю воспользоваться его поездкой, чтобы черкнуть тебе несколько строк. Последнее, впрочем и первое, письмо я тебе послал с Марусей, которую благополучно отправил из Новор., кажется, 11 марта на французском судне «Царь Борис». С ней я тебе послал 125 фунтов стерлингов, полученных мною по должности Особого совещания[71].

Если Маруся приехала, то она тебе, вероятно, рассказала о последних днях <в> Новор. После неё события разыгрывались быстро: 13-го началась полная эвакуация Новороссийска и 14-го утром мы его оставили. Так как события следовали быстрее, чем мы рассчитывали, то, конечно, эвакуация прошла далеко не так планомерно, как это должно было бы быть, но, тем не менее, прошла, на мой взгляд, благополучно. Добровольцев почти всех вывезли, застряла часть одного полка только, осталось много донских казаков, не желавших сражаться и не предполагавших до того эвакуироваться. Семьи вывезли все, больных офицеров осталось человек 400. Главнокомандующий со мной вышел из порта последним на миноносце, так что с этой стороны упрёков, вероятно, по крайней мере, не будет.

Пятнадцатого приехали в Феодосию, и здесь я подал рапорт об освобождении меня от должности н–ка штаба, на что А.И. в конце концов согласился, так что с 16 марта я уже не н–к штаба, а только помощник гл<авнокомандую>щего. Для дела, я думаю, это хорошо: общественное мнение удовлетворено, если будут искать виновного в эвакуации Новор., то тоже могут остановиться на мне и будут удовлетворены тем, что я уже не начальник штаба, да и оттрепался я. Новые люди с новой энергией будут, несомненно, лучше вести дело. Жаль только Антона Ивановича. Расставанье со мной ему доставило большое огорчение, и в будущем он остаётся одиноким.

Теперь относительно себя. Конечно, ты понимаешь, как больно и горько, начав дело, не довести его до конца. Хотел я отправиться на фронт в качестве добровольца, но сейчас сомнение: уже очень много неприглядного сейчас в наших добровольческих частях и справишься ли с жизнью в хамстве, грубости и пьянстве? Оставаться при штабе? С одной стороны, даже хочется не оставлять Деникина, но, с другой стороны, будут опять болтать, что вот остался в качестве советчика и мешает делу.

Положение двусмысленное, а как не хочется уезжать за границу, на что меня усиленно подбивает Жеребков! А.И. тоже уговаривает поехать, но в другом виде, в качестве его посланца в Лондон для осведомления и переговоров. Это, конечно, выход, но боюсь, что опять на этой почве пойдёт игра.

Так что видишь, Ленурка, как ни кинь — всё клин. А главное — уезжать из России не хочется[72]...

Ссылки и комментарии

[1] Имеются в виду дети Романовских Михаил, Ирина и Ольга.

[2] Владимир Павлович Романовский, брат И.П. Романовского.

[3] Полковник Григорий Быстреевский, муж Ольги Быстреевской (Ляли).

[4] Генерал Архангельский Алексей Петрович.

[5] Леночка, вероятно, дочь соседей или знакомых.

[6] Эта записка без даты, предположительно, относится к июню 1917 года, когда Е.М. Романовская приезжала к мужу в Ставку (скорее всего после 10 июня в г. Могилёв). Как известно, будучи занятым по службе, он иногда писал ей записки. Возможно, речь идёт о планировавшейся им короткой поездке в Москву по какой-то служебной надобности. Предположение основано на упоминании розового капота жены в письме от 25 июля 1917 года.

[7] Е.М. Романовская приезжала к мужу, судя по письмам, в июне 1917 г. и уехала в первых числах июля.

[8] Речь идёт о генерале С.Л. Маркове и его жене.

[9] Речь идёт о Наталье и Юрии, детях М.А. и М.Д. Абашевых.

[10] О ком идёт речь, выяснить не удалось.

[11] Семья Лебедевых: Иван Михайлович (юрист) и София Александровна, урождённая Букреева (сестра М.А. Бакеевой), их сыновья Юрий и Владимир.

[12] Л.Г. Корнилов 12–15 августа 1917 г. принял активное участие в работе Московского государственного совещания, созванного Временным правительством. В своём обстоятельном докладе он указал на катастрофическое положение на фронте, на губительное действие на солдатские массы законодательных мер, предпринимаемых Временным правительством, на продолжающуюся разрушительную пропаганду, сеющую в армии и стране анархию. Бездействие Временного правительства парализовало все инициативы Корнилова по выходу из такого положения.

[13] Речь идёт о переезде семьи Романовских в г. Сумы к двоюродной тёте Е.М. Романовской Вере Андреевне Харитоненко.

[14] О ком идёт речь, выяснить не удалось. Вероятно, это сосед или знакомый Романовских в Петрограде.

[15] О каком знакомом или родственнике Романовских идёт речь, выяснить не удалось.

[16] Имеется в виду Сумской кадетский корпус, основанный в 1901 году и расположенный в двух верстах от города.

[17] Речь идёт о генерале Алексее Петровиче Архангельском и его малолетнем сыне Александре.

[18] Скорее всего, имеется в виду генерал Данилов Юрий Никифорович.

[19] Лебедева София Александровна, урождённая Букреева, сестра М.А. Бакеевой («мамулика»).

[20] Имеется в виду генерал М.И. Орлов.

[21] Военный чиновник, полковник А.А. Будилович.

[22] Московский дом (дворец) и усадьба семьи Харитоненко была построена в Замоскворечье, на берегу Москвы-реки, в 1890-е гг., в 1918 г. хозяева её покинули, она перешла к наркомату иностранных дел, и с 1931 г. в ней находится посольство Великобритании.

[23] Имеются в виду дочери В.А. Харитоненко Елена Павловна и Наталья Павловна.

[24] Скорее всего, имеется в виду мать полковника С.Н. Ряснянского, которая проживала в Сумах.

[25] 19 ноября Верховный главнокомандующий Н.Н. Духонин прислал в Быхов полковника П.А. Кусонского с распоряжением освободить быховских узников и перевести их на Дон, но Общеармейский комитет воспротивился этому. Тогда арестованные генералы, узнав о приближении эшелонов с большевиками во главе с Н.В. Крыленко для расправы с ними, приняли решение бежать в Новочеркасск, переодевшись и запасшись поддельными документами, что и осуществили.

[26] Речь идёт о Вере Евгеньевне Марковой, матери С.Л. Маркова.

[27] Имеются в виду проф. А.А. Копылов и его жена.

[28] Вероятно, имеются в виду сочинения кого-то из русских философов: Трубецкого Сергея Николаевича (1862-1905) или его брата Трубецкого Евгения Николаевича (1963-1920).

[29] Имеется в виду генерал Л.Г. Корнилов.

[30] Скорее всего, имеется в виду генерал Орлов Михаил Иванович.

[31] Вероятно, генерал Юрий Николаевич Плющевский–Плющик.

[32] Киргизёнком для конспирации назван генерал Л.Г. Корнилов, мать которого имела киргизское происхождение. Он прибыл в Новочеркасск 6 декабря 1917 года.

[33] Скорее всего, Рыкачёв — это конспиративный псевдоним И.П. Романовского в Новочеркасске.

[34] Речь идёт о Сергее Николаевиче Ряснянском и, скорее всего, о его матери Марианне Васильевне (его жену звали Мария Александровна).

[35] Савинков Борис Викторович, один из руководителей партии эсеров, автор книги «Конь бледный» (Ницца, 1913).

[36] О каком представителе большого дворянского рода Гедройц, участвовавшем в белом движении, идёт речь, установить не удалось.

[37] Слух неточный и, вероятно, основан на таком факте: 7/20 января 1918 г. турецкий корабль «Бреслау» был потоплен вблизи пролива Дарданеллы после неудачной попытки выйти в Средиземное море, корабль того же класса «Гебен» получил серьезные повреждения. Это означало блокирование турецкого флота, но не взятие Константинополя, который был оккупирован английскими и французскими войсками с ноября 1918 г. по октябрь 1923 г.

[38] 24 апреля 1918 года успешно завершился переход Первой Отдельной бригады Русских добровольцев под командованием Генерального штаба полковника М.Г. Дроздовского с Румынского фронта 1-й мировой войны на Дон для соединения с Добровольческой армией и совместной борьбы против советской власти.

[39] Вера Евгеньевна и Марианна Павловна Марковы, мать и жена генерала С.Л. Маркова.

[40] Генерал С.Л. Марков был смертельно ранен при взятии станции Шаблиевка Кубанской области в самом начале Второго Кубанского похода и скончался 25 июня 1918 года.

[41] Скорее всего, М.А. Бакеева датировала своё письмо по новому стилю, по старому стилю это 19 августа 1918 г.

[42] Речь идёт о казачьей Кубанской краевой войсковой раде.

[43] Вероятно, это письмо датировано по новому стилю, по старому стилю — 9 сентября.

[44] Абашевой Наталье Дмитриевне в 1918 г. было 9 лет.

[45] Вероятнее всего, Анна Николаевна Алексеева, вдова генерала М.В. Алексеева.

[46] Из упоминания о совещании Кубанской рады, намеченном на 23 сентября старого стиля, можно заключить, что письмо написано ранее этого дня и датировано по новому стилю. По старому стилю — 12 сентября.

[47] Аведовы — кубанская купеческая династия. Братья Иван и Степан Аведовы основали маслобойные заводы в Екатеринодаре, Армавире и других городах. Дом на ул. Гимназической (ныне № 61) принадлежал Ивану Аведову, в настоящее время памятник архитектуры, отреставрирован.

[48] Ошибка в двойной датировке. Правильно: 19 апреля/2 мая 1919 г.

[49] Станица Великокняжеская была занята Добровольческой армией 15 июня 1919 г. по ст. стилю.

[50] Скорее всего, речь идёт о генерале Ю.Н. Плющевском-Плющике.

[51] Вероятно, имеется в виду жевательная резинка «Dentine», разработанная в начале XX века для защиты зубов и выпускаемая компанией Wrigley's, которая могла поставляться в Добровольческую армию союзниками из Антанты. Именно «Dentine» называли «зубной резинкой».

[52] Речь идёт о переезде Е.М. Романовской с семьёй в Таганрог.

[53] Вероятно, супруга или мать С.А. Харитонова.

[54] Возможно, Хомяков Николай Алексеевич, возглавлявший Общество Красного Креста в Добровольческой армии и ВСЮР.

[55] Генерал Успенский Николай Митрофанович, избранный атаманом Кубанского казачьего войска, скончался от тифа 17 декабря 1919 г.

[56] В декабре 1919 г. 4-й Донской корпус генерала К.К. Мамонтова нанёс несколько поражений конным будённовским частям.

[57] Плющик-Плющевская Софья Юрьевна, дочь Ю.Н. Плющевского, близкая подруга дочерей И.П. Романовского.

[58] Возможно, Е.М. Романовская имела в виду черту характера (молчаливость) одного из высших чинов ВСЮР Н.М. Киселевского.

[59] Скорее всего, Е.М. Романовская приезжала из Новороссийска к мужу в Батайск в период с 7 по 15 января 1920 г. (ст. стиля).

[60] Вероятно, речь идёт о могиле М.И. Романовского и М.А. Бакеевой, скончавшихся в декабре 1919 г. или в январе 1920 г. от холеры.

[61] О ком из служилых дворян Скрипицыных идет речь, точно установить не представляется возможным. Может быть, это капитан Скрипицын Борис Владимирович (1886–1930), участник 1-й мировой войны (Преображенский полк), Георгиевский кавалер, расстрелян в 1930 г. в Варшаве.

[62] Речь идёт об обратном переезде Е.М. Романовской с семьёй в Екатеринодар.

[63] Т.е. распаковались.

[64] Абашев Юрий Дмитриевич, сын М.А. Абашевой.

[65] Е.М. Романовская в середине февраля 1920 г. снова переехала с семьёй в Новороссийск, чтобы оттуда уехать за границу.

[66] Возможно, речь идёт о генерале А.П. Богаевском.

[67] Речь идёт о семье Плющевских–Плющик.

[68] О ком идёт речь, установить не удалось.

[69] Михаил Иванович Романовский умер в конце 1919 г. или начале января 1920 г. в возрасте 15 лет от холеры.

[70] Харитонов Сергей Александрович.

[71] Особое совещание при Главкоме ВСЮР — законосовещательный и распорядительный орган управления на Юге России, с 31 августа 1918 г. по 30 декабря 1919 г. выполнявший функции правительства на территории, подконтрольной войскам Добровольческой армии и ВСЮР.

[72] Окончание письма не сохранилось.

Упоминаемые исторические лица

Абашев Дмитрий Михайлович (1877–1961), полковник гвардейского кавалерийского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР командир 4-го (потом 2-го) Астраханского казачьего полка, с 3 декабря 1919 г. командир 2-го гусарского полка, эвакуирован в начале 1920 г. из Новороссийска, в мае 1920 г. жил в Югославии, затем воевал в Русской армии генерала Врангеля, эвакуирован из Крыма на корабле «Лазарев», в эмиграции жил во Франции, умер в Ницце.

Абашев Юрий Дмитриевич, сын Д.М. и М.А. Абашевых.

Абашева Мария Александровна (1887–1937), жена Д.М. Абашева, троюродная сестра Е.М. Романовской, в начале 1920 г. эвакуирована с детьми из Новороссийска в Константинополь, откуда перебралась в Сербию, затем во Францию.

Абашева Наталья Дмитриевна (1909–1997), дочь М.А. и Д.М. Абашевых, в 1920 г. эмигрировала с родителями в Сербию, затем во Францию, вышла замуж за о. Бориса Георгиевича Старка (1909–1996), в 1962 г. вернулась с семьёй на родину, жила в г. Ярославле.

Агапеев Владимир Петрович (1876–1957), генерал-лейтенант Генштаба, Русско-японскую войну закончил начальником штаба 3-й Заамурской бригады, в 1907–1914 гг. военный агент (атташе) в Сербии, а затем в Бельгии и Нидерландах, в 1-ю мировую войну начальник штаба различных воинских соединений, командир 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка (1915), с 1917 г. по февраль 1918 г. начальник штаба Польского корпуса, в Добровольческой армии был начальником 2-го армейского корпуса, состоял в резерве чинов, в августе 1919 г. был назначен военным представителем ВСЮР при Союзном командовании в Константинополе, после убийства И.П. Романовского отстранён от должности, эмигрировал и проживал в Югославии, служил в Топографическом военном институте, активно участвовал в деятельности 4-го отдела Русского общевойскового союза (РОВС), с 1942 г. жил в Австрии, откуда уехал в Чили, с 1950 г. — жил в Аргентине, скончался в Буэнос-Айресе, опубликовал ряд ста-

тей в эмигрантской прессе, в числе которых статья об убийстве И.П. Романовского.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), русский военачальник, Генерального штаба генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, Русско-японской войны 1904–1905 годов и 1-й мировой войны, создатель и Верховный руководитель Добровольческой армии, погиб в Екатеринодаре 8 октября 1918 года.

Архангельский Алексей Петрович (1872–1959), русский военачальник, генерал-лейтенант (1913), начальник Главного штаба (1917–1918), с декабря 1917 г. возглавил Управление Главного штаба по командному составу, участвовал в деятельности Московского руководства Национальным центром, отправляя многочисленные группы офицеров в Добровольческую армию и своевременно предупреждая генералов и офицеров о возможном аресте, при угрозе разоблачения бежал на Юг, с мая 1919 г. был на административных должностях в Добровольческой армии, в эмиграции жил в Бельгии, председатель РОВС в 1938–1957 годах.

Бакеев Михаил Алексеевич, курский помещик, супруг М.А. Бакеевой.

Бакеева Мария Александровна, урождённая Букреева, мать Е.М. Романовской («мамулик»), умерла в конце 1919 г. или начале 1920 г. от холеры.

Бей Мурат (Муред), участник Белого движения, подчинённый И.П. Романовского.

Богаевский Африкан Петрович (1872–1934), генерал-лейтенант, окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию генерального штаба (1900), участник 1-й мировой войны, Георгиевский кавалер, в 1917 г. начальник Забайкальской казачьей дивизии, затем 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, с января 1918 г. в Войске Донском, командующий войсками Ростовского района, в Добровольческой армии с первых дней, участник 1-го Кубанского похода, командир Партизанского полка, затем 2-й бригады, с мая 1918 г. председатель Донского правительства, в феврале 1919 г. избран Войсковым атаманом Всевеликого войска Донского, в этой должности оставался до конца жизни, в январе

1920 г. председатель Южно-Русского правительства, после эвакуации Русской армии из Крыма создал Объединённый совет Дона, Кубани и Терека, с 1922 г. жил в Белграде, с 1923 г. — в Париже, где и скончался.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии, окончил Пажеский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, участник Русско-турецкой (1877–1878) и 1-й мировой войн, в 1914 г. командующий 8-й армией на Юго-Западном фронте, с февраля 1916 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, подготовил и осуществил наступление армий своего фронта в мае 1916 г., известное как Брусиловский прорыв, в мае–июне 1917 г. был Верховным главнокомандующим Русской армии, после назначения на этот пост Л.Г. Корнилова ушёл в отставку, жил в Москве, с 1920 г. сотрудничал с Красной армией, председатель Особого совещания при главнокомандующем Вооружёнными силами республики, главный инспектор кавалерии Красной армии.

Букато (Букатый), офицер, служил в Быхове осенью 1917 г., скрылся в 1917 г. с вещами И.П. Романовского.

Быстреевская Ольга Михайловна, урождённая Бакеева, старшая сестра Е.М. Романовской.

Быстреевский Григорий Дмитриевич, полковник, военный атташе в Швейцарии, муж О.М. Быстреевской.

Врангель Пётр Николаевич (1878–1928), барон, окончил Горный институт (1901), академию Генштаба (1910), генерал-лейтенант, начальник Уссурийской конной дивизии, 7-й кавалерийской дивизии, командующий 3-м и Сводным конным корпусами, Георгиевский кавалер, в Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией, эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя; с 22 марта 1920 г. главнокомандующий ВСЮР и Русской армией, в эмиграции с 1924 г. начальник образованного из Русской армии Русского общевоинского сою-

за (РОВС), с сентября 1927 г. проживал в Брюсселе, где и умер.

Генрих Альберт Вильгельм, принц Прусский (1862–1929), брат германского императора Вильгельма II, гросс-адмирал (1909), двоюродный брат русской императрицы Александры Фёдоровны, в 1-ю мировую войну командующий Балтийским флотом.

Головин Николай Николаевич (1875–1944), русский военный историк, генерал-лейтенант (1917), окончил Пажеский корпус (1894) и Николаевскую академию Генштаба (1900), где в 1908–1913 гг. был профессором, во время 1-й мировой войны был начальником штаба 7-й армии (1915–1917) и Румынского фронта, после Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

Гуль Роман Борисович (1896–1986), участник 1-й мировой войны, Белого движения (1-го Кубанского похода), русский писатель-эмигрант (жил в Германии, с 1933 г. — во Франции, с 1950 г. — в США), журналист, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель.

Данилов Юрий Никифорович (1866–1937), русский военный деятель, генерал от инфантерии (1914), имел прозвище Данилов-чёрный, в 1914 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба Верховного главнокомандующего, награждён орденом святого Георгия 4-й степени, в 1915–1916 гг. командир 25-го армейского корпуса, в 1917 г. командовал 5-й армией, в 1918 г. мобилизован в Красную армию; выйдя 25 марта 1918 г. в отставку, уехал на Украину и перешёл в Добровольческую армию, осенью 1920 г. занимал пост помощника начальника Военного управления Русской армии в Крыму, эмигрировал в Константинополь, затем жил в Париже, автор военно-исторических трудов, посвящённых участию Русской армии в 1-й мировой войне.

Деникин Антон Иванович (1872–1947), российский военный деятель, генерал-лейтенант (1916), в 1-ю мировую войну командовал стрелковой бригадой и дивизией, армейским корпусом, с октября 1918 года Главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 года Главнокомандующий (ВСЮР), куда вошли: Добровольческая армия, Донская и Кавказская казачьи армии, Туркестанская армия, Черноморский флот, с апреля 1920 года жил в

эмиграции в Лондоне, Венгрии, Брюсселе, Париже, с 1945 года — в Детройте (США).

Деникина Ксения Васильевна (1892–1973), урождённая Чиж, с 25 декабря 1918 г. жена А.И. Деникина, в эмиграции находилась с мужем и дочерью, после смерти мужа осталась в США, прах супругов Деникиных перевезён в Россию в 2005 г.

Деникина Марина Антоновна (1919–2005), французский журналист, историк, дочь А.И. и К.В. Деникиных, покинула Россию в 1920 г. вместе с семьёй, жила с 1926 года во Франции, вышла замуж за французского историка графа Жана-Франсуа Кьяппа, много лет проработала на телевидении, писала книги (в основном о русской истории) под псевдонимом Марина Грей.

Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955), генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта, Георгиевский кавалер, с августа 1918 года помощник верховного руководителя Добровольческой армии, в октябре 1918 года — сентябре 1919 года одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, в сентябре-декабре 1919 года главноначальствующий и командующий войсками Киевской области, в эмиграции жил в Югославии (в г. Белграде), затем во Франции.

Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919), русский военачальник, Генерального штаба генерал-майор (1918), участник Русско-японской, 1-й мировой и Гражданской войн, один из видных организаторов и руководителей Белого движения на юге России, организатор и руководитель 1200-вёрстного перехода отряда добровольцев из Ясс в Новочеркасск в марте-мае 1918 года, командир 3-й стрелковой дивизии Добровольческой армии, 8 января 1919 г. умер от последствий ранения в ногу.

Духонин Николай Николаевич (1876–1917), русский военачальник, генерал-лейтенант, участник 1-й мировой войны, Георгиевский кавалер, в 1915 г. командовал 165-м Луцким пехотным полком, с 22 декабря 1915 г. был помощником генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, с 25 мая 1916 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта, в июне-августе 1917 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта,

в августе–сентябре 1917 г. — Западного фронта, с 3 ноября — исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего, 19 ноября распорядился освободить из тюрьмы в Быхове генералов Корнилова, Деникина и других, 20 ноября в Могилёве арестован, убит революционно настроенными матросами у вагона нового главнокомандующего Н.В. Крыленко.

Духонина Наталья Владимировна (1889–1968), жена генерала Н.Н. Духонина, в эмиграции жила в Сербии в г. Белая Церковь, была начальницей Мариинского Донского института благородных девиц, после 2-й мировой войны жила в Марокко, где и скончалась.

Жеребков Алексей Герасимович (1837–1922), генерал от кавалерии, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1878–1881 гг. и в 1884–1886 гг. командовал льготным Донским дивизионом лейб-гвардии Казачьего полка, затем лейб-гвардии Сводным казачьим полком, с 26 февраля 1886 г. был начальником 3-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в 1892–1904 гг. был окружным начальником Таганрогского округа Области Войска Донского, с 26 октября 1904 г. состоял в распоряжении военного министра, 31 января 1906 г. был произведён в генералы от кавалерии с увольнением в отставку, 24 января 1914 г. возвращён на службу, состоял по Донскому казачьему войску и был назначен генерал-адъютантом, 8 сентября 1917 г. вышел в отставку, в марте 1920 г. эмигрировал в Югославию.

Казанович Борис Ильич (1871–1943), генерал-лейтенант Генштаба, близкий друг генерала Л.Г. Корнилова, окончил Московское юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899), участник Русско-японской войны, с ноября 1905 г. по март 1909 г. штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа, полковник, в 1912 г. начальник штаба 11-й пехотной дивизии, с декабря 1914 г. командир 127-го Путивльского полка, с 6 декабря 1916 г. генерал-майор, начальник штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии, в 1917 г. — командующий этой дивизией; в Добровольческой армии с самого начала, в 1-й Кубанский поход пошёл рядовым, затем принял командование Партизанским полком и при штурме Екатеринодара в марте

1918 г. был тяжело ранен, с мая 1918 г. до конца июня — в секретной миссии в Москве по поручению генералов Алексеева и Деникина, после возвращения назначен начальником 1-й пехотной дивизии, с которой участвовал во всех боях во время 2-го Кубанского похода, во ВСЮР — командир армейского корпуса, в ноябре 1919 г. назначен командующим войсками Закаспийской области («Туркестанской армией»), в Русской армии генерала Врангеля — начальник Сводно-Кубанской дивизии, после эвакуации из Крыма и пребывания в Галлиполи проживал в Сербии.

Каледин Алексей Максимович (1863–1918), русский военачальник, генерал от кавалерии, в 1906–1910 гг. помощник начальника Донского войска, затем командир бригады 11-й кавалерийской дивизии, во время 1-й мировой войны командовал 12-й кавалерийской дивизией, 12-м армейским корпусом, 8-й армией, как строевой командир отличался скрупулёзностью и личной храбростью, был героем Брусиловского прорыва, Февральской революции не принял, вышел в отставку, уехал на Дон, где стал первым выборным атаманом Войска Донского; 25 октября 1917 г. принял на себя полноту власти в Донской области, став главой Донского правительства, в ноябре 1917 г. образовал триумвират с генералами М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым, легализовавший Добровольческую армию, до этого называвшуюся Алексеевской организацией, 29 января 1918 г. после решения Л.Г Корнилова отвести армию на Кубань сложил с себя полномочия атамана и председателя Донского правительства, после чего застрелился, мотивировав это отсутствием поддержки со стороны большинства казачества.

Каракай, соседка семьи Романовских в Новороссийске в 1920 г.

Керенский Александр Фёдорович (1881–1970), видный российский политический и общественный деятель; министр юстиции, затем военный и морской министр, с июля 1917 г. министр-председатель Временного правительства, в ноябре 1917 г. бежал за границу, в эмиграции жил в Париже, с 1940 г. в Нью-Иорке, где и скончался.

Киз, генерал, представитель Англии при штабе ВСЮР в Новороссийске в конце 1919 — начале 1920 г.

Киселевский Николай Михайлович (1866–1939), генерал-лейтенант Генштаба, окончил Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба, участник 1-й мировой войны, в 1917 г. командующий 10-й армией, в Добровольческой армии с ноября 1917 г., с лета 1918 г. главный инспектор новых формирований Добровольческой армии, а затем ВСЮР, после эвакуации из Крыма проживал в Сербии, служил в Белградской дирекции железных дорог, в 1928 г. переехал во Францию, был председателем Комитета помощи русским безработным в Гренобле, издавал рукописный журнал «Измайловская старина».

Кисляков Владимир Николаевич (1875–1919), генерал-майор (1915), окончил Константиновское артиллерийское училище (1895), Николаевскую академию генштаба (1901), состоял при Финляндском военном округе, участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., затем служил штаб-офицером в Иркутском и Одесском военных округах, с сентября 1913 г. заведовал передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Варшавского района, участник 1-й мировой войны, с октября 1915 г. начальник военных сообщений армий Западного фронта, в 1917 г. товарищ министра путей сообщения на театре военных действий, в связи с Корниловским мятежом был арестован и помещён в тюрьму; в 1918 г. состоял при гетмане Скоропадском, участник Белого движения, служил в органах ВСЮР, расстрелян большевиками в Полтаве.

Ковалевский, скорее всего, *Ковалевский Владимир Григорьевич* (1877–1958), выпускник Пажеского корпуса (1895) и Терского кавалерийского училища, полковник, командир эскадрона Гвардейского запасного кавалерийского полка (18-го гусарского полка), был близок семье Романовских, в эмиграции жил в Югославии, затем во Франции, умер в Париже; его сын инженер Кирилл Владимирович Ковалевский (1907–1991) был женат на Софье Юрьевне Плющевской-Плющик.

Колтышев Петр Владимирович (1894–1988), полковник, окончил Павловское военное училище и курсы при Николаевской академии генштаба (1917), участник 1-й мировой войны, в январе 1918 г. записался рядовым в 1-ю Добровольческую бригаду полковника Дроздовского и

участвовал в походе из Румынии на Дон в должности оперативного адъютанта, в Добровольческой армии и ВСЮР — начальник штаба 3-й дивизии генерала Дроздовского, в сентябре 1918 г. назначен старшим помощником начальника оперативного отдела в Управлении генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии и вскоре стал бессменным докладчиком по оперативной части при Главнокомандующем. После отъезда А.И. Деникина вернулся в строй Дроздовской дивизии — сначала рядовым в свой 1-й Офицерский генерала Дроздовского полк, а затем был назначен помощником командира этого полка, был дважды ранен, после эвакуации из Крыма и пребывания в Галлиполи жил в Болгарии, с 1924 г. жил во Франции. Работал шофёром такси, оказывал большую помощь генералу А.И. Деникину в сборе материалов для «Очерков русской смуты», фактически был секретарём редакции газеты «Доброволец».

Колчинский Александр Александрович (1881–1965), полковник (1919), участник 1-й мировой войны (подполковник оперативного отдела Ставки), участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, штаб-офицер для поручений при штабе Добровольческой армии, в октябре 1918 г. заведующий передвижением войск, с 11 января 1919 г. начальник военно-дорожного отдела Управления военных сообщений, эвакуирован летом 1920 г. из Феодосии, в эмиграции служил в Конго, родственник Л.Г. Корнилова, душеприказчик А.И. Деникина, подписавший в 1942 г. его завещание, скончался 17 февраля 1965 г. в Брюсселе.

Копылов Алексей Алексеевич, профессор, в 1916 г. декан механического факультета Донского политехнического института, впоследствии жил в Чехословакии, до 2-й Мировой войны был председателем Общерусского Комитета в ЧСР, затем переехал в США, активный член Общества русских инженеров в США, в послевоенные годы — участник проектирования и строительства в США ряда важных объектов, в частности космического центра на мысе Кеннеди в штате Флорида.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), выдающийся русский военачальник, Генерального штаба генерал от инфантерии, военный разведчик, дипломат и путешественник, Верховный Главнокомандующий Русской армии с

августа 1917 года, один из организаторов и Главнокомандующий Добровольческой армии, вождь Белого движения на Юге России. 31 марта/13 апреля 1918 г. убит при штурме Екатеринодара.

Корнилова Наталья Лавровна, в замужестве Шапрон дю Ларре (1898–1983), дочь генерала Л.Г. Корнилова, участвовала с ним в 1-м Кубанском походе, после его гибели жила в семье А.И. Деникина, в эмиграции жила в Брюсселе.

Корнилова Таисия Владимировна (1874–1918), урождённая Морковина, жена Л.Г. Корнилова с 1896 г., в 1918 г. жила с детьми в Екатеринодаре, была потрясена гибелью мужа и надругательством красноармейцев над его телом, умерла через полгода после этого, похоронена рядом с ним.

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), советский государственный и партийный деятель, Главковерх Российской армии после Октябрьской революции 1917 г., 9 ноября 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим и наркомом по военным делам, с марта 1918 г. работал в органах советской юстиции, организовывал советский суд и прокуратуру; до 1931 г. государственный обвинитель по крупнейшим политическим процессам, в 1922–1931 гг. председатель Верховного трибунала при ВЦИК, заместитель наркома юстиции, помощник прокурора, прокурор РСФСР; с 1931 г. нарком юстиции РСФСР, с 1936 г. нарком юстиции СССР, был членом комиссий по подготовке конституций РСФСР и СССР, кодексов законов, участник и один из руководителей научных экспедиций АН СССР на Памир в 1928–1934 гг., возглавлял Всесоюзное общество пролетарского туризма и секцию альпинизма, с 1924 г. руководил шахматно-шашечной организацией СССР; инициатор международных шахматных турниров в СССР в 1925–1936 гг., делегат 8, 12, 14–17-го съездов партии; на 15–16-м съездах избирался членом ЦКК ВКП (б), член ВЦИК и Президиума ВЦИК, репрессирован и расстрелян в 1938 г.

Кусонский Павел Алексеевич (1880–1941), генерал-лейтенант Генштаба, окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генштаба (1911), участник 1-й мировой войны, с 1915 года старший адъютант оперативного отделения в Управлении гене-

рал-квартирмейстера штаба 8-й армии, в 1917 году являлся помощником начальника оперативного отделения в Управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего, 19 ноября 1917 г. полковник Кусонский был послан генералом Духониным в Быхов с тем, чтобы предупредить генерала Корнилова и его сторонников о приближении большевиков, вслед за Корниловым уехал в Добровольческую армию, в июне 1918 г. назначен генералом для поручений при командующем Добровольческой армией, в январе 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии, в июне 1919 г. генерал-майор и начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса генерала Юзефовича, в Русской армии генерала Врангеля исполнял должность начальника гарнизона г. Симферополя, с августа 1920 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, в октябре 1920 г. начальник штаба 2-й армии, после эвакуации из Крыма назначен помощником начальника штаба Главнокомандующего Русской армией, после 1922 г. переехал в Париж, в 1938 г. в Бельгию, работал переводчиком, 22 июня 1941 года был арестован гестапо и интернирован в концлагерь Брейндонк в Бельгии, 22 августа 1941 года скончался от жестоких побоев, похоронен в Брюсселе.

Лампе Алексей Александрович фон (1885– 1967), генерал-майор Генштаба, окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию (1913), участник Русско-японской и 1-й мировой войн, в 1916 г. подполковник и штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского корпуса, в 1917 г. исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии, летом-осенью 1918 г. возглавлял подпольный Добровольческий центр в Харькове, в Добровольческой армии — начальник оперативного отдела в группе войск генерала Врангеля, а затем на той же должности в Управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии, в 1920 г. выполнял различные поручения генерала П.И. Врангеля в Константинополе и за границей, в начале эмиграции занимал должность военного представителя Русской армии за рубежом: в Дании, в Венгрии и с 1923 г. в Германии, затем возглавлял 2-й отдел РОВС в Берлине. После роспуска РОВСа в Германии арестовывался гестапо, после 2-й ми-

ровой войны переехал во Францию, где был заместителем начальника и с 1957 г. начальником РОВСа, в эмиграции издал семь томов сборника «Белое Дело».

Лебедев Иван Михайлович, юрист, в 1917 г. жил в Петрограде по соседству с О.М. Быстреевской.

Лебедева София Александровна, урождённая Букреева, жена И.М. Лебедева, сестра М.А. Бакеевой.

Лебедев Владимир Иванович, сын И.М. и С.А. Лебедевых.

Лукомская Софья Михайловна (1871–1953), жена А.С. Лукомского, сестра генерала А.М. Драгомирова.

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), генерал-лейтенант (1916), участник 1-й мировой войны, генерал-квартирмейстер Ставки и заместитель председателя Особого совещания по обороне государства, в июне–августе 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова, за участие в мятеже арестован Временным правительством, бежал из Быховской тюрьмы в Новочеркасск, где включился в формирование Добровольческой армии, с 9 февраля 1918 г. представитель при Кубанском правительстве, в Екатеринодаре был задержан большевиками, бежал, в июле 1918 г. вернулся в штаб Добровольческой армии, был помощником Главнокомандующего, с 17 декабря 1919 г. возглавлял правительство при Главнокомандующем ВСЮР, 8 февраля 1920 г. «уволен от службы» за поддержку кандидатуры генерала Врангеля вместо командовавшего в Крыму генерала Шиллинга, с конца марта 1920 г. — в Константинополе, представитель Русской армии барона Врангеля при союзном командовании, с ноября 1920 г. — в распоряжении Главнокомандующего, эмигрировал во Францию, проживал в Ницце, в Париже, был активным деятелем РОВС.

Львов Георгий Евгеньевич (1865–1925), князь, русский общественный и политический деятель, депутат Государственной думы, в 1915–1917 гг. возглавлял объединённый Комитет Земского союза и Союза городов, после Февральской революции 1917 г. был председателем Совета Министров Российский империи и Временного правительства, в 1918 г. в Омске сотрудничал с Временным Сибирским правительством, в октябре 1918 г. выехал в США для переговоров, затем в Париж, где до 1920 г. сто-

ял во главе Русского политического совещания, не признававшего Советскую власть, и представлял интересы Белого движения.

Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869–1920), генерал-лейтенант, окончил Николаевское кавалерийское училище (1890), участник Русско-японской войны (добровольно перевёлся в 1-й Читинский конный полк Забайкальского казачьего войска), в 1908 г. войсковой старшина и помощник командира полка в 1-м Донском казачьем полку, в 1914 г. полковник и командир 19-го Донского казачьего полка, в 1917 г. командир бригады в 6-й казачьей дивизии, участник Белого движения, один из вождей Донской армии, с февраля 1919 г. командующий 1-й Донской армией, затем командир 2-го сводного казачьего корпуса, в июле 1919 г. назначен командиром 4-го Донского корпуса, успешно провёл рейд по тылам Красной армии в июле–сентябре 1919 г., пользовался большим авторитетом у казаков, был назначен командующим конной группы, но 2 декабря 1919 г. отрешён от этой должности П.И. Врангелем с оставлением командиром 4-го Донского корпуса, скончался в Екатеринодаре 1 февраля 1920 г. от тифа, по другим сведениям отравлен врагами в госпитале.

Манжен Шарль-Мари-Эммануэль (1866–1925), французский дивизионный генерал, принимал участие в военных действиях в Сенегале (1889–1892), Судане (1893–1899), Тонкине (1901–1904), Африке (1906–1912), в 1907–1911 гг. начальник штаба африканских войск, затем командовал 8-й пехотной бригадой, 5-й пехотной дивизией, в 1917 г. некоторое время возглавлял 6-ю и 10-ю армии, осенью 1919 г. возглавил французскую военную миссию при штабе Главнокомандующего ВСЮР в Таганроге, в 1920–1921 гг. находился в составе миссии, направленной в Южную Америку, с февраля 1921 г. член Высшего военного совета, генерал-инспектор колониальных войск и председатель Консультационного комитета по обороне колоний.

Марков Сергей Леонидович (1878–1918), генерал-лейтенант (1917), участник Русско-японской войны, 1-й мировой и Гражданской войн, начальник штаба 4-й («Железной») стрелковой дивизии генерала А.И. Деникина

в 1915–1916 годах, командир 13-го стрелкового полка в 1916–1917 гг., заместитель начальника оперативного отдела штаба Ставки Главнокомандующего в 1917 году, начальник штаба Западного и Юго-Западного фронтов в августе 1917 года, один из главных организаторов Добровольческой армии: командир 1-го Офицерского полка, затем командир 1-й пехотной дивизии, убит в бою 12 июня 1918 года во 2-м Кубанском походе, именем генерала С.Л. Маркова назван 1-й Офицерский полк, а позже 2-я (Марковская) пехотная дивизия.

Маркова Вера Евгеньевна, мать С.Л. Маркова, эмигрировала в Европу с его семьёй в 1920 г.

Маркова Марианна Павловна (1884–?), урождённая княжна Путятина, жена С.Л. Маркова, 1920 году вместе с детьми эмигрировала в Европу, жила в Брюсселе.

Мищенко Павел Иванович (1853–1918), русский военный и государственный деятель, участник Туркестанских походов, Туркестанский генерал-губернатор, командующий Туркестанским военным округом.

Мопассан Анри-Рене-Альбер-Ги де (1850–1893), известный французский писатель, автор многих знаменитых рассказов, романов и повестей.

Нолькен Александр Людвигович (1879–1958), барон, генерал-майор Генштаба, окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генштаба (1908), с 1910 по 1912 г. старший адъютант штаба 1-й пехотной дивизии, с 1912 г. старший адъютант штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, в декабре 1915 г. полковник и штаб-офицер для поручений в управлении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта, затем генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии, в Добровольческой армии с конца 1918 г., состоял при французской миссии во ВСЮР и в Русской армии генерала Врангеля, выполнял различные поручения при иностранных миссиях, в эмиграции — сначала в Сербии, а затем во Франции, где был председателем Объединения Николаевского инженерного училища, активно участвовал в деятельности Общества офицеров Генерального штаба.

Орлов Михаил Иванович (1875–?), в 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта, спод-

вижник Л.Г. Корнилова, арестован в сентябре 1917 г., участник Быховского сидения и Белого движения.

Павел Александрович Романов (1860–1919), великий князь, сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, расстрелян в Петропавловской крепости в Петрограде.

Плющевская-Плющик Марья Владимировна, жена генерала Ю.Н. Плющевского-Плющика.

Плющевская-Плющик Софья Юрьевна, дочь М.В. и Ю.Н. Плющевских-Плющик, жена инженера Кирилла Владимировича Ковалевского (1907–1991), в эмиграции жила во Франции, умерла в Париже.

Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (1877–1926), генерал-майор Генштаба, окончил Константиновское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генштаба (1905), участник Русско-японской войны, с 1907 г. старший адъютант штаба 16-й пехотной дивизии, с 1909 г. обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа, с 1910 г. служил помощником отделения в мобилизационном отделе Главного управления Генерального штаба, в декабре 1913 г. полковник и с 17 декабря 1915 г. командир 22-го пехотного Горийского полка, в 1917 г. исполнял должность генерала для поручений в Управлении дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем, а затем 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего, в Добровольческой армии с самого начала, во ВСЮР в 1919 г. – феврале 1920 г. генерал-квартирмейстер штаба Главнокомандующего, оставил должность по болезни, в эмиграции жил сначала в Петровардейне (Сербия), а затем в Париже, где и скончался.

Подчертков Александр Александрович (1889–1954), окончил Николаевское инженерное училище (1908) и два класса Николаевской военной академии (1914); в 1914 г. ушёл на фронт, участвовал во всех боях лейб-гвардии Семеновского полка на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах, в 1915 г. переведён в Генштаб, старший адъютант штаба 2-й Гвардейской пехотной дивизии (с 26.11.1916), с августа 1918 г. служил в армии Украинской Державы, был Войсковым Старшиной, затем перешёл в Добровольческую армию в оперативный отдел

генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии, 2 мая 1919 г. был назначен в распоряжение штаба армейской группы генерала Врангеля на Манычском фронте, после победы у станицы Великокняжеской вернулся в штаб ВСЮР, где оставался до его переформирования в штаб Русской армии при генерале Врангеле, с июня 1920 г. по 1926 г. находился при штабе Главнокомандующего Русской армии в отделе Генерального штаба, с 1922 г. начальник этого отдела, после расформирования штаба Главнокомандующего переехал в Париж, затем в 1939 г. в Марокко, где жил в Касабланке и был начальником марокканского подотдела РОВСа.

Покровский Григорий Васильевич (1871–1968), окончил Александровское училище (1892), Николаевскую академию Генштаба (1899), в 1900–1901 гг. был старшим адъютантом штаба 36-й Пехотной дивизии, в 1901–1904 гг. преподавал в Александровском военном училище, был штаб-офицером для особых поручений при штабе Гренадерского корпуса (1904–1905) и при штабе Московского военного округа (1905–1911), служил начальником отделения Главного управления генштаба (1911), начальником штаба 3-й Гренадерской дивизии (1911–1913), выступил на фронт командиром 129-го пехотного Бессарабского полка, Георгиевский кавалер, генерал-майор (1915), начальник штаба 1-го Туркестанского армейского корпуса (1915–1916), генерал-квартирмейстер, затем начальник штаба 8-й армии, отставлен Л.Г. Корниловым от должности; в Добровольческую армию прибыл в сентябре 1918 г. и находился в распоряжении помощника начальника Военного управления, в Русской армии генерала Врангеля находился в резерве чинов Генерального штаба и выполнял различные поручения, в 1920 г. эвакуировался в Константинополь, откуда переехал во Францию, был активным членом РОВС.

Постовский Владимир Иванович (1886–1957), генерал-майор (1919), участник Белого движения, самый молодой военачальник Добровольческой армии, командовал батальоном 1-го Кубанского полка, Сальским отрядом, 2-й бригадой, а затем 12-й Донской дивизией 4-го Донского корпуса генерала Мамонтова, в сентябре 1919 г. командир группы войск Добровольческой армии в

составе Алексеевской и 2-й Дроздовской пехотных бригад, в апреле 1920 г., не получив должности в армии Врангеля, вышел в отставку и эмигрировал во Францию, где был с 1931 г. председателем Общества офицеров Генерального штаба, жил в г. Нёйи, в 1947 г. добровольно вернулся в СССР, выбрал для жительства Ульяновск, где и скончался.

Пронин Василий Михайлович (1882–1965), полковник Генштаба, окончил Чугуевское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1913), участник Русско-японской войны (доброволец 138-го пехотного Волховского полка), служил в генштабе Киевского военного округа, затем в штабе 3-й армии Юго-Западного фронта, в конце 1916 г. — в штабе Верховного Главнокомандующего, исполняя должность начальника оперативного отделения, один из организаторов Союза офицеров Армии и Флота (март 1917 г.), ближайший сподвижник Л.Г. Корнилова, до 13 ноября 1917 г. находился в заключении в быховской тюрьме, бежал на Дон и принял непосредственное участие в организации Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода, с лета 1918 г. до отступления ВСЮР в Крым — помощник начальника управления Генерального штаба, затем главный редактор официального органа Правительства Юга России журнала «Военный голос», в эмиграции проживал в Белграде и служил начальником канцелярии Державной комиссии Министерства иностранных дел, издатель 11 томов «Военных сборников», книги своих воспоминаний «Последние дни Царской Ставки», газеты «Русский голос» (до 1941 г.); в конце 2-й мировой войны переехал в Германию, в 1950 г. — в Бразилию и поселился в Сан-Паоло, где до конца жизни состоял в Постоянном совещании русских национально-православных деятелей.

Пупков, ординарец или денщик И.П. Романовского.

Роженко В.Е., капитан, летом 1917 г. служил в Ставке Главнокомандующего, участник Белого движения, убит в марте 1918 г. при попытке бегства из большевицкого плена.

Романов Алексей Николаевич (1904–1918), цесаревич, сын государя императора Николая II, расстрелян вместе с семьёй в Екатеринбурге, причислен к лику святых новомучеников в 2000 г.

Романовская Елена Михайловна (1885–1967), урождённая Бакеева, жена И.П. Романовского, в эмиграции жила в Сербии, затем с 1924 г. в Бельгии, умерла в Брюсселе.

Романовская Ирина Ивановна (1906–1992), старшая дочь И.П. и Е.М. Романовских, в замужестве Малина, в эмиграции проживала в Бельгии, с 1979 по 1985 гг. — староста Свято-Никольского собора в Брюсселе.

Романовская Ольга Ивановна (1910–1989), в замужестве Рейнгардт, младшая дочь И.П. и Е.М. Романовских, в эмиграции проживала в Бельгии, работала бухгалтером, пела в хоре Свято-Никольского собора в Брюсселе.

Романовский Иван Павлович (1877–1920), русский военачальник, генерал-лейтенант (1919), в июне–сентябре 1917 г. 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем, за поддержку действий Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 года арестован, бежал на Дон, участвовал в формировании Добровольческой армии, с февраля 1918 года начальник штаба, в январе 1919 года — марте 1920 года начальник штаба ВСЮР, убит в Стамбуле 23 марта/5 апреля 1920 г.

Романовский Михаил Иванович (1904–1919 или 1920), сын И.П. Романовского, учился в Петербургском, затем в Сумском кадетском корпусе, умер в конце 1919 г. или в начале 1920 г. от холеры в возрасте 15 лет.

Ряснянский Борис Николаевич (младший, 1894–1972), окончил Сумской кадетский корпус (1910), Михайловское артиллерийское училище (1914), капитан, участник 1-й мировой войны, служил в 8-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде, командовал 6-й зенитной батареей Двинского укреплённого района, во ВСЮР служил в разведотделе штаба Главнокомандующего, в мае 1920 г. был в Югославии, к августу возвратился в Крым в Русскую армию генерала Врангеля, где служил в Дроздовской артиллерийской бригаде, эмигрировал в Югославию, в 1941–1944 гг. служил в Русском корпусе, с 1945 г. жил в Аргентине.

Ряснянский Сергей Николаевич, (старший, 1886–1976), полковник Генштаба, окончил Елизаветградское кавалерийское училище, учился в Николаевской военной академии (1912–1914), в начале 1-й мировой войны вернулся в Гусарский Ингерманландский полк, Георгиев-

ский кавалер, в 1915 г., переведён в Генеральный штаб и с сентября 1916 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 10-й кавалерийской дивизии, в 1917 г. переведён в разведывательный отдел штаба генерал-квартирмейстера Верховного главнокомандующего, участник Корниловского выступления и Быховского сидения, в ноябре 1917 г. бежал на Дон, участвовал в формировании Добровольческой армии, в 1-м и 2-м Кубанских походах, с конца 1918 г. полковник в разведывательном отделе штаба Добровольческой армии, в Крыму в армии генерала Врангеля перешёл в строй и командовал 2-й бригадой 2-й кавалерийской дивизии во время боёв в Северной Таврии, после эвакуации Русской армии из Крыма был назначен в Галлиполи командиром 4-го Кавалерийского полка, с переездом в Сербию служил в Пограничной страже, а затем был преподавателем военных наук в Николаевском кавалерийском училище (1922–1923) в Белой Церкви, после 2-й Мировой войны переехал в Бельгию, был помощником главы РОВС, затем переехал в Америку и в 1954 г. стал начальником отдела РОВС в США, издавал «Вестник российского зарубежного воинства», состоял в Союзе Георгиевских кавалеров, скончался в Нью-Йорке.

С.А., учительница французского языка детей И.П Романовского в Петрограде.

Савинков Борис Викторович (1879–1925), русский политический деятель и писатель, один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров, участник Белого движения, в 1917 г. был комиссаром временного правительства в 8-й армии, затем — Юго-Восточной армии, назначался военным губернатором Петрограда, Октябрьский переворот встретил враждебно, создал ряд контрреволюционных организаций, в результате удачной операции советской разведки приехал в СССР, был арестован, приговорён к расстрелу, по официальной версии покончил жизнь самоубийством.

Сидорин Владимир Ильич (1882–1943), полковник (1917), генерал-лейтенант (1919), окончил Николаевское инженерное училище (1902), Николаевскую академию Генерального штаба (1910) и Авиационную школу пилота и наблюдателя (1907), участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., во время 1-й мировой войны офицер в шта-

бе 21-й пехотной дивизии и штабе 3-го Кавказского корпуса (1914–1916), заместитель начальника штаба 2-й армии (1916–1917), начальник штаба Кавказского корпуса (апрель–июнь 1917), был в распоряжении начальника штаба Западного фронта (июнь–октябрь 1917), в Белом движении с ноября 1917 г., был начальником штаба различных войск Донской армии, в феврале 1919 г. марте 1920 г. командовал Донской армией, 18 апреля 1920 г. предан суду за сепаратистские выступления в поддержку донских казаков и стихийный отход Донских корпусов к Новороссийску зимой 1919–1920 гг., приговор (4 г. каторги) заменён генералом Врангелем увольнением из Русской армии, в мае 1920 г. эвакуировался из Крыма, в эмиграции жил в Болгарии, Сербии, в Чехословакии с 1924 г., в Германии с 1939 г., умер в Берлине.

Соколовский (Виктор?), участник Белого движения, вероятно, погиб в марте 1918 г. в плену.

Стогов Николай Николаевич (1873–1959), российский военачальник, генерал-майор (1915), генерал-лейтенант (1920), окончил 2-е Константиновское артиллерийское училище (1893) и Николаевскую академию Генерального штаба (1900), участник 1-й мировой войны: командир 3-го Финляндского стрелкового полка, 5 апреля 1915 был назначен генерал-квартирмейстером штаба 8-й армии, 25 сентября 1916 г. — начальником штаба этой армии, с апреля 1917 г. командовал 16-м армейским корпусов, с 10 сентября 1917 г. был начальником штаба Юго-Западного фронта, в январе 1918 г. поступил на службу в Красную армию, с 8 мая по 2 августа 1918 года начальник Всеросглавштаба РККА, затем с 25 ноября 1918 г. работал в системе Главархива, в апреле 1919 г. арестован ВЧК, осенью 1919 г. после освобождения бежал в Польшу, откуда приехал на юг России и принял участие в Белом движении: начальник штаба Кубанской армии (январь–февраль 1920 г.), с мая 1920 г. комендант Севастополя в Русской армии генерала Врангеля и одновременно — командующий войсками тылового района, в эмиграции жил в Югославии, с 1924 г. — в Париже, где работал на заводе, был активным деятелем РОВС, Общества офицеров Генштаба, Союза Георгиевских кавалеров, сотрудничал в журнале «Часовой».

Счастнева Антонина Михайловна, выпускница Николаевского сиротского института, из небогатой семьи, приглашена М.А. Бакеевой к дочерям Ольге и Елене в качестве учительницы для подготовки их в Екатерининский институт благородных девиц, стала очень близка семье Романовских, в 1920 г. эмигрировала с ними в Сербию, затем в Бельгию, умерла во время 2-й мировой войны.

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956), крупный русский предприниматель, владелец сахарорафинадных заводов, крупный землевладелец, в 1917 г. министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства, в 1918 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Норвегию, Англию, умер в Монако.

Тихменев Николай Михайлович (1872–1954), генерал-лейтенант (1917), окончил Николаевскую академию Генштаба (1897), служил в различных штабах, в Главном управлении Генштаба, участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. и 1-й мировой войны, командир 60-го пехотного Замосцкого полка (1913–1915), Георгиевский кавалер, командир бригады 58-й пехотной дивизии (февраль–май 1915 г.), помощник начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта (май–октябрь 1915 г.), помощник главного начальника, начальник военных сообщений (1915–1917), после выступления генерала Л.Г. Корнилова зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа, в 1918 г. вступил в Добровольческую армию, в 1919 г. начальник военных сообщений Добровольческой армии и ВСЮР, в эмиграции жил во Франции, где был председателем Союза ревнителей памяти императора Николая II.

Троцкий Лев Давидович (Бронштейн Лейба Давидович, 1879–1940), деятель международного рабочего и коммунистического движения, один из организаторов Октябрьской революции 1917 г., создателей Красной армии, в первом советском правительстве нарком по иностранным делам; в 1918–1925 гг. нарком по военным и морским делам, председатель Революционного военного совета, с 1923 г. лидер внутрипартийной левой оппозиции, член Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 гг., в 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку, в 1929 г. выслан за пределы СССР, в 1932 г. лишён советского гражданства; убит агентом НКВД в Мексике.

Тьер Луи Адольф (1797- 1877), знаменитый французский политический деятель и историк, автор трудов по истории Великой французской революции.

Успенская Мария Ипполитовна, жена генерал-майора Н.М. Успенского.

Успенская София Севериновна, жена Л.М. Успенского.

Успенский Леонид Митрофанович, младший брат Н.М. Успенского, участник 1-й мировой войны, в 1915 г. штабс-капитан 21-й артиллерийской бригады, Георгиевский кавалер, участник Белого движения, адъютант И.П. Романовского, в эмиграции жил в Сербии, поддерживал дружеские связи с семьёй Романовских.

Успенский Николай Митрофанович (1875-1919), полковник (1914), генерал-майор (1918), окончил Михайловское артиллерийское училище (1897) и Николаевскую академий Генерального штаба (1905), с И.П. Романовским служил вместе в Туркестане, участник Русско-японской войны 1904-1905 гг. и 1-й мировой войны в войсках Кубанского казачества, командир 1-го Хоперского полка (сентябрь 1915 г. - март 1917 г.), начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии (март 1917 г. - январь 1918 г.), член Кубанского Войскового правительства (по военно-морским делам, январь-март 1918 г.), в Белом движении: офицер Кубанской армии, затем командир Сводной казачьей дивизии (ноябрь 1918 г. - май 1919 г.), командир Сводного (4-го) конного корпуса в Кавказской армии генерала Врангеля (июль-октябрь 1919 г.), избран атаманом Кубанского казачьего войска 11 ноября 1919 г., умер от тифа в Екатеринодаре 17 декабря 1919 г.

Ф., генерал, возможно *Фалеев Александр Георгиевич*, генерал-майор (1916), в 1915-1916 гг. командир 147-го пехотного Самарского полка, затем исполняющий должность начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 8-й армии; участник 1-й мировой и Гражданской войн, в октябре 1919 г. - августе 1920 г. был начальником штаба 2-го армейского корпуса ВСЮР и Русской армии, начальник снабжения Русской армии до ноября 1919 г.

Харитоненко Вера Андреевна (1859-1924), урождённая Бакеева, двоюродная тётя Е.М. Романовской, жена крупного предпринимателя Павла Ивановича Хари-

тоненко (1853–1914), владельца сахарорафинадных заводов, благотворителя, мецената, памятник которому установлен в г. Сумы, в 1920 г. В.А. Харитоненко с семьёй эмигрировала, жила в Мюнхене, где и скончалась.

Харитоненко Иван Павлович (1893–1924), сын В.А. Харитоненко, выпускник Петербургского университета, в эмиграции жил в Мюнхене, покончил собой.

Харитонов Сергей Александрович (1875–1939), генерал-майор (1917), окончил Константиновское артиллерийское училище (1897), Николаевскую академию генштаба (1906), участник 1-й мировой войны, начальник отделения Главного управления Генштаба, командир 262-го пехотного Грозненского полка (с 17 марта 1917 г.), затем 5-го Кавказского стрелкового полка (с 12 июня 1917 г.), генерал для поручений при главном начальнике снабжений Кавказского фронта (с 2 июля 1917 г.), участник Белого движения на юге России в составе ВСЮР, в эмиграции жил в Бельгии, умер в Брюсселе.

Харузин Мстислав Алексеевич (1893–1920), выпускник Лазаревского института восточных языков (в совершенстве владел турецким языком), служил в информационном отделении отдела пропаганды при русском посольстве в Константинополе, поступил в 1915 году в Михайловское артиллерийское училище, но затем от службы на фронте уклонился и работал в различных штабах в тылу, в период Гражданской войны в чине поручика устроился в контрразведку Добровольческой армии, 23 марта/5 апреля 1920 года публично убил в здании посольства в Константинополе генерала И.П. Романовского, после чего скрывался, но через месяц был сам убит во время поездки в Анкару для установления связей с турецкими повстанцами.

Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925), российский государственный деятель, депутат II–IV Государственной Думы, председатель III Думы (1907–1910), действительный статский советник (1895), в 1918–1920 гг. участник Белого движения: член русской делегации на совещании в Яссах в ноябре 1918 г., затем возглавлял деятельность Общества Красного Креста в Добровольческой армии и ВСЮР, в эмиграции жил в Сербии, скончался в г. Дубровник.

Хольман Г.К., генерал-майор, в конце 1919 г — начале 1920 г. глава британской миссии в Новороссийске, друг А.И. Деникина.

Цуриков Афанасий Андреевич (1858–1923), генерал-лейтенант, участник Русско-турецкой войны 1877–78 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг., в 1914–1916 гг. командир 24-го армейского корпуса, затем командующий 10-й армией и с декабря 1916 г. 6-й армией, переброшенной на Румынский фронт, после Февральской революции одним из первых ввёл в своей армии комитеты и сотрудничал с ними, во время Корниловского выступления занял позицию поддержки Временного правительства и на совещании 28 августа 1917 г. вместе с представителями комитетов подписал резолюцию, объявляющую Л.Г. Корнилова изменником и требовавшую предания его суду, в декабре 1917 г. вышел в отставку, с 1920 г. служил в РККА, член Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооружёнными силами республики, член Генштаба РККА, с марта 1921 г. инспектор кавалерии РККА, затем инспектор кавалерии штаба войск Украины и Крыма.

Чунихин Г.Л., штабс-капитан, в 1917 г. служил в Ставке главнокомандующего, участник Корниловского выступления и Белого движения.

Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946), генерал-лейтенант (1917), окончил 1-е военное Павловское училище (1889), служил в лейб-гвардии Измайловском полку, в чине полковника командовал 5-м Финляндским стрелковым полком, участвовал в 1-й мировой войне, в мае 1915 г. был произведён в генерал-майоры, с марта 1916 г. командовал бригадой 2-й Финляндской стрелковой дивизии, с июля 1916 г. — лейб-гвардии Измайловским полком, в 1917 г. командовал 17-м армейским корпусом, участвовал в Белом движении, с мая 1919 г. командовал 3-м армейским корпусом, с сентября 1919 г. по март 1920 г. был главнокомандующим и командующим войсками Новороссии и Крыма, в Русской армии генерала П.Н. Врангеля командной должности не получил и выехал за границу, жил в Праге.

Шкиль, участник Белого движения, сослуживец И.П. Романовского.

Щербицкий Николай Леонтьевич (1879–?), подполковник Генштаба, окончил Одесское пехотное юнкерское училище и Николаевскую военную академию (1912), участник 1-й мировой войны, с 1915 г. исполнял обязанности офицера для поручений при штабе 8-го армейского корпуса, в феврале 1917 г. исполнял должность начальника штаба формирующейся 6-й стрелковой дивизии в 40-м армейском корпусе, в Добровольческой армии с ноября 1917 г., начальник общего отдела в штабе ВСЮР, полковник, на той же должности был в штабе Русской армии генерала Врангеля, в эмиграции проживал сначала в Вильно и числился в списках по Генеральному штабу Русской армии в 1922 г., по некоторым данным скончался в середине 20-х гг. в своём имении в Польше.

Эльснер Евгений Феликсович (1867–1930), генерал-лейтенант Генштаба, окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1895), служил старшим адъютантом штаба Кавказского военного округа, в 1904 г. начальник штаба 6-го округа отдельного корпуса пограничной стражи, в 1906 г., после недолгого пребывания на должности Ставропольского губернатора переведён в Главное управление Генерального штаба, в июле 1914 г. назначен помощником Главного начальника снабжения Юго-Западного фронта, во время выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г. открыто присоединился к нему, был арестован и заключён в тюрьму, в декабре 1917 г. бежал из Быхова на Дон и стал одним из основателей Добровольческой армии, в январе 1918 г. назначен начальником снабжения Добровольческой армии и обоза, участник 1-го Кубанского похода, с июня 1918 г. по февраль 1919 г. полномочный представитель Добровольческой армии при Донском атамане, затем вернулся в отдел снабжения штаба ВСЮР, тяжело заболел и в марте 1920 г. эвакуировался в Сербию, проживал в Белой Церкви, где и скончался.

Энгельгардт Борис Александрович (1877–1962), полковник генштаба, офицер лейб-гвардии Уланского полка, член Государственной Думы, во время Февральской революции комендант Петрограда, активный деятель Временного правительства, с осени 1918 г. заведующий политической частью представительства Добро-

вольческой армии в Киеве, с декабря 1918 г. — в Одессе, с марта 1919 г. помощник управляющего отделом пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР, летом 1919 г . в штабе войск Юго-Западного края (Одесса), с декабря 1919 г . начальник того же отдела, эвакуирован из Новороссийска в Константинополь, затем жил во Франции, работал таксистом, в середине 1920-х годов переехал в Латвию, где владел земельными угодьями, жил в Риге, состоял в руководстве партии «Русское крестьянское объединение», в 1940 г. был сослан в Среднюю Азию, вернулся в конце 1940-х годов в Ригу, его перу принадлежит ряд исторических воспоминаний: «Потонувший мир», «Записки камер-пажа».

Юзефович В.М., жена генерал-лейтенанта Юзефовича Якова Давидовича (1872-1929), участника Русско-японской и 1-й мировой войн, в 1917 г. командира 26-го армейского корпуса, с лета 1918 г. одного из высших чинов Добровольческой армии; с 1920 г. Юзефовичи жили в эмиграции в Германии, затем в Польше, Эстонии.

Упоминаемые географические названия

Абрау-Дюрсо, село в Краснодарском крае России, входит в состав муниципального образования города Новороссийска.

Армавир, город (в настоящее время краевого подчинения) в Краснодарском крае, на левом берегу р. Кубань, крупный железнодорожный узел.

Батайск, станция Владикавказской железной дороги, построенная в с. Батайское близ Ростова-на-Дону, ныне город областного подчинения.

Быхов, город в Могилёвской области Белоруссии, в 50 км от Могилёва, железнодорожная станция.

Бухара, один из древнейших городов Узбекистана, ныне центр Бухарской области.

Варшава, столица Польши.

Великокняжеская, станица в 230 км к юго-востоку от Ростова-на-Дону, в 1925 г. переименована в Пролетарскую, ныне г. Пролетарск, центр Пролетарского района.

Геленджик, город в Краснодарском крае, в 25 км к юго-востоку от Новороссийска, известный черноморский курорт.

Георгие-Афипская, станица (ныне посёлок городского типа) в Северском районе Краснодарского края, в 15 км от краевого центра, на берегу р. Афипс.

Гуты, село, ныне посёлок городского типа в Богодуховском районе Харьковской области, где находился сахарорафинадный завод.

Егорлыкская, станица в Ростовской области в 103 км к юго-востоку от Ростова-на-Дону, райцентр.

Екатеринодар, название г. Краснодара, краевого центра России, до 1919 г.

Ильская, станица, ныне посёлок городского типа в Северском районе Краснодарского края.

Киев, столица и самый крупный город Украины.

Иссык-Куль, самое крупное горное озеро в Киргизии.

Каменец-Подольский, город (с 1374 г) в Хмельницкой обл. (Украина), в Подолии, в 1797–1917 гг. центр Подольской губернии, крупнейший культурный, религиозный и административный цент на юго-западе Украины.

Константинополь, название г. Стамбула до 1930 г.

Кореновская, станица, ныне райцентр Краснодарского края г. Кореновск.

Кубань, река в Ставропольском и Краснодарском краях.

Майкоп, город на юге России, столица Адыгеи.

Мечетинская, станица Черкасского округа Войска Донского, ныне в Зерноградском районе Ростовской обл., центр сельского поселения.

Луганск, город на Украине, административный центр Луганской области.

Могилёв, город на востоке Белоруссии, центр Могилёвской губернии, ныне административный центр Могилёвской области и Могилёвского района, во время 1-й мировой войны с августа 1915 г. по ноябрь 1917 г. место дислокации Ставки Верховного главнокомандующего.

Нови-Сад, город в Сербии, административный центр автономного края Воеводина, порт на берегу р. Дунай, в 80 км от Белграда.

Ново-Дмитриевская, станица, ныне пригород Краснодара.

Новороссийск, крупнейший город-порт краевого подчинения на Чёрном море в Краснодарском крае России, в 1895-1920 гг. центр Черноморской губернии.

Новочеркасск, город в Ростовской области России, столица Донского казачества.

Орша, город в Белоруссии, в настоящее время центр Оршанского района Витебской области, расположен на Днепре при впадении в него реки Оршица в 80 км к югу от Витебска и в 202 км к востоку от Минска.

Памир, горная система на юге Средней Азии, на территории Таджикистана (Горно-Бадахшанская автономная область), Киргизии, Китая и Афганистана.

Пархомовка, село на Украине, в Тростянецком районе Сумской области.

Песчанокопское, село и железнодорожная станция в Ростовской области, ныне районный центр.

Рогачёв, город в Белоруссии, в Гомельской области, райцентр, железнодорожный узел.

Рославль, город в России, административный центр Рославльского района Смоленской области.

Рязань, город в центральной России, областной центр.

Ставрополь, краевой центр на юге России, в 1777–1935 гг. Ставрополь-Кавказский, в 1935–1943 гг. Ворошиловск.

Сумы, уездный город на Украине, с 1939 г. областной центр.

Таганрог, город в Ростовской области России, порт на берегу Азовского моря.

Терская область, административная единица Российской империи, территория, принадлежавшая Терскому казачьему войску, существовала в 1860–1920 годах, административный центр — г. Владикавказ.

Торговая, узловая железнодорожная станция в пос. Торговый, в 1926 г. переименованном в г. Сальск Ростовской области (ныне райцентр).

Феодосия, портовый и курортный город на юго-восточном берегу Крыма.

Харьков, крупнейший город Украины, административный центр Харьковской области.

Черновицы (с 1944 г. Черновцы), город на юго-западе Украины, в 40 км от границы с Румынией, исторический центр Буковины, ныне областной центр.

Шаблиевка, село и станция в Кубанской области, ныне в Сальском районе Ростовской области.

Щигры, город в Курской области на реке Щигор.

Яссы, город на северо-востоке Румынии, центр исторической области Молдавия.

Содержание

Аркадий Александрович Столыпин

Дневники 1919–1920 годов

Иван Павлович Романовский

Письма 1917–1920 годов

Главный редактор: *протоиерей Павел Недосекин*
Редактор–составитель: *Е.Н. Егорова*
Подготовка текстов, художественное оформление: *Е.Н. Егорова*
Технические редакторы: *В.Н. Киселева, Е.Н. Егорова,*
Н.Л. Максимова, М.А. Лукина
Корректор: *О.С. Бахтиярова*

Сдано в набор 10.01.2011. Подписано в печать 15.04.2011. Формат 60x90/16. Гарнитура «Bookman». Усл. печ. л. 17,5. Тираж 1000 экз.

Ассоциация Святой Троицы Московского Патриархата (Conference Sainte Trinite du Patriarcate de Moscou, ASBL, рег. номер 0477.585.735).
Rue Leon Lepage 33–35, 1000 Bruxelles, Belgique. Тел.
8-10-322-513-51-13. http://www.podvorje.com, podvorje@yahoo.com

Свято-Екатерининский мужской монастырь
142700, Московская обл., г. Видное-2, Петровский проезд.
Тел. (495) 541-22-54, (495) 549-74-94.
http://www.ekaterinamon.ru, ekaterinamon@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15
Заказ № 463

ISBN 978-5-904685-06-5

9785904685065

АРХИВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
БРЮССЕЛЬ

АРХИВ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
БРЮССЕЛЬ

Аркадий Александрович Столыпин, племянник премьер-министра Российской империи П.А. Столыпина, ротмистр, участник 1-й мировой войны и Белого движения, в эмиграции жил в Югославии и Швейцарии, работал в посольстве США. На основе своих уцелевших дневников и воспоминаний он написал «Записки драгунского офицера», опубликованные в России в 1992 году. Автор считал часть своих дневников безвозвратно утерянной, однако две тетради сохранил служивший в 1919-1924 годах в Польше И.Н. Янцен, внук которого доктор А.Б. Янцен передал их АРЭ.

Иван Павлович Романовский, участник Русско-японской и 1-й мировой войн, генерал-лейтенант, 1 сентября 1917 года был арестован в Могилёве как сподвижник главнокомандующего Л.Г. Корнилова, бежал из тюрьмы, в конце 1917 г. стал одним из организаторов Белого движения и Добровольческой армии, начальником штаба этой армии, а затем Вооружённых сил Юга России. Он являлся соратником и близким другом генерала А.И. Деникина, с которым в начале апреля 1920 г. выехал из Феодосии для переговоров в Константинополь, где был убит. Письма И.П. Романовского к жене переданы АРЭ его внучками Н.Г. Рейнгардт, Е.Е. Оболенской и М.Е. Онацкой.

Дневники и письма, представляющие собой ценные исторические свидетельства, публикуются без сокращений и литературного редактирования.